

РОССИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

РОССИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Выпуск IV

Ответственный редактор

Е. Е. Рычаловский

Соредакторы

А. Г. Евстратов, Ф.-Д. Лиштенан

МОСКВА
2013

ББК 63.3(2)46-7

Р 76

Сборник подготовлен при финансовой поддержке
Национального исследовательского агентства Франции
и Национального центра научных исследований
(Центра им. Ролана Мунье, Университет Париж-Сорбонна).

Редакционная коллегия:

Д. Бурель, Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич, А. Г. Евстратов,
Ю. С. Корниенко, Ф.-Д. Лиштенан, В. С. Ржеуцкий

Р 76 Россия в XVIII столетии. Вып 4 / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский;
соредакторы А. Г. Евстратов, Ф.-Д. Лиштенан. М.: «Древлехранилище»,
2013. с.

Четвертый выпуск сборника составлен в основном из материалов международной конференции «Елизавета, российская императрица. Между франкофонией и франкофилией», проходившей в Париже 11–12 декабря 2009 г. Освещены различные аспекты елизаветинской эпохи. Статьи посвящены династической политике Елизаветы Петровны, репрезентации императрицы в произведениях изобразительного искусства, роли И. И. Шувалова в распространении французской культуры в России и в создании русско-французского альянса, финансированию русской армии в период Семилетней войны, участию французов в уголовных процессах. Рассмотрены записки известного авантюриста Шарля-Женевьевы д'Эона де Бомона, где в непривычном ракурсе представлены императрица Елизавета и другие персонажи русской истории, дипломатические отношения и придворная жизнь середины столетия.

Издание предназначено для специалистов по истории XVIII в. и всех интересующихся исторической проблематикой.

ISBN 978-5-93646-218-4

ББК 63.3

© Коллектив авторов, 2013.
© «Древлехранилище», 2013.

Е. В. Акельев

ФРАНЦУЗЫ ПОД СУДОМ В РОССИИ 40-Х ГГ. XVIII ВЕКА:

ДЕЛО О ДУЭЛЯНТЕ ЖАНЕ БЕНАРЕ

Полноценное изучение проблемы французского присутствия в России в эпоху Елизаветы Петровны не может обойтись без исследования участия французов в гражданских и уголовных судебных разбирательствах в различных местных и центральных учреждениях Российской империи. Ведь каждое такое судебное разбирательство являлось порождением и средством разрешения определенного конфликта, произошедшего либо между французами и русскими, либо в среде самих французов, проживавших в России. Изучение этих конфликтных ситуаций может привести к выявлению пластов ценной информации о повседневной жизни иноземных сообществ в России, об отношениях и взаимном восприятии выходцев из стран Западной Европы и русских, о реальном юридическом положении иностранцев в России и многом другом.

В рамках изучения проблемы французского присутствия в елизаветинской России дело о Жане Бенаре представляет особенный интерес. Конфликт, возникший в среде проживавших в Москве французов, обернулся шпажным поединком и смертью одного из дуэлянтов. Дело рассматривалось в нескольких государственных учреждениях (Главной и Московской полицмейстерских канцеляриях, Коллегии иностранных дел, Кабинете Ее Императорского Величества). Его решение потребовало участия нескольких высокопоставленных чи-

новников (канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, А. Д. Татищева, В. И. Демидова) и самой императрицы Елизаветы Петровны.

Главным фигурантом дела был Жан Бенар, личный повар баварского посла в России Нейгаузена. Француз по национальности, даже не владевший русским языком, Жан Бенар проживал в Немецкой слободе в доме своего господина. В пятницу 30 ноября 1744 г. он пришел в трактир француза Марка Бодвина, который находился в Немецкой слободе. Здесь в этот вечер собралась компания из десятка французов: придворный лекарь Барре, парикмахер Пьер Жуний, зубочист Боболь, личный парикмахер баронов Строгоновых Андрэ Погиель (его фамилию в русских документах писали также Погей и Богиет) и другие. Французы пили вино, пели песни на родном языке, играли в бильярд, карты и прочие игры. Когда французы уже изрядно выпили, а многие достаточно проигрались, между двумя наиболее азартными игроками – личным парикмахером баронов Строгановых Погиелем и поваром Бенаром – возник спор по поводу результатов игры. Очень быстро спорщики перешли к взаимным оскорблениям, и Погиель ударил Бенара по щеке. Здесь же, в трактире, между двумя французами состоялся поединок на шпагах, в результате которого оба были ранены, но парикмахер Погиель – смертельно и в тот же вечер скончался¹.

Наутро трактирщик Марк Бодвин предъявил на съезде двора 9-й команды тело Андрэ Погиеля. В понедельник 3 декабря 1744 г. судьи Московской полицмейстерской канцелярии обер-полицмейстер Иван Нащокин и ассессор Андрей Кологривов заслушали рапорт от 9-й команды об этом происшествии. Узнав, что главный обвиняемый Жан Бенар является иностранным подданным, они распорядились отправить это дело для расследования в Санкт-Петербург в Коллегию иностранных дел². Основанием такого решения был 44 пункт инструкции московскому обер-полицмейстеру от 9 июля 1722 г., по которому иностранных подданных следовало отправлять для рассмотрения их дел в Иностранную коллегию³.

Изучив дело, Коллегия иностранных дел 27 июня 1745 г. препоручила его расследование полиции с оговоркой: если «по тому делу означенной Бенар дойдет до розыску, о том в Коллегию иностранных дел сообщить». Такое решение ввело в замешательство судей Московской полицмейстерской канцелярии: как им расследовать дело и выносить приговор, если они не знают, по каким законам следует судить иностранного подданного, который к тому

же не знал русского языка?⁴ Два месяца московская полиция потратила на переписку с различными учреждениями, пытаясь избавиться от трудного дела, пока, наконец, не начала его расследование в сентябре 1745 г. Для этого из Московской конторы Коллегии иностранных лет был прислан профессиональный переводчик французского языка Детельс.

9 сентября 1745 г. Жан Бенар был допрошен через переводчика присутствующими Московской полицмейстерской канцелярии Иваном Нащокиным и Андреем Кологривовым. Однако обвиняемый отказался подписывать свои допросные речи на русском языке, прочитанные ему через переводчика, а попросил принять заранее им заготовленные «ответные пункты» на французском языке. Было решено сделать перевод этих «ответных пунктов» на русский язык и приложить к делу⁵. После этого в течение нескольких месяцев полиция разыскивала и допрашивала свидетелей происшествия. Многие французы, присутствовавшие в тот злополучный вечер в трактире, уже разъехались, поэтому пришлось довольствоваться показаниями содержателя трактира Марка Бодвина, парикмахера Пьера Жуния, хирурга Барре, а также свидетельствами русских офицеров поручика Федора Карасева и поручика Николая Молвянинова.

Показания обвиняемого и свидетелей в целом совпадают в трактовке событий, предшествующих самому моменту убийства. В вечер пятницы 30 ноября 1744 г. Жан Бенар и Андрэ Погиель были настроены друг к другу благожелательно: Погиель пригласил Бенара к себе на именины в четверг, потом оба они играли в бильярд в одной паре против двух других французов. Но когда в трактир пришли два русских гвардейских офицера, компания уступила им бильярдный стол и уединилась «в особливом месте». Чтобы развлечь соотечественников содержатель трактира Бодвин принес и поставил перед ними игру «турникет»⁶. Кроме Погиеля и Бенара, участие в игре приняли французы купец Симон, хирург Барре, зубочист Боболь и сам трактирщик. Сначала они играли на четыре копейки, и Погиель всякий раз проигрывал. Чтобы отыгаться, он предложил сыграть на пятьдесят копеек. Играть на таких условиях согласился только Бенар. Но Погиелю и тут не повезло: он проиграл Бенару все деньги, которые принес с собой в трактир, а именно четыре рубля. Тогда Погиель предложил Бенару сыграть еще на два рубля «на пороль», на что тот согласился. Но при подсчете очков между ними возник горячий спор, после чего трактирщик заставил соперников переигрывать. На этот раз удача улыбнулась

Погиелю – он за одну игру отыграл значительную часть проигранных им денег. Тогда Бенар, разобидевшись на трактирщика, отказался продолжать игру. Погиель, раздосадованный прекращением игры спустя некоторое время ударил его по щеке. Возникла драка, в которой сильней оказался Погиель.

Что касается кульминационного момента ссоры, когда в ход пошли обнаженные шпаги, следствие выявило три версии. Обвиняемый Жан Бенар утверждал, что никакого поединка не было. Погиель на него напал с обнаженной шпагой в тот момент, когда он собирался уходить. Пытаясь защититься, Бенар схватил обеими руками шпагу Погиеля, в результате чего сильно порезал себе руки (действительно, на следующий день после происшествия Бенар имел на ладонях серьезные раны). Тогда Бенар обнажил свою шпагу с тем, чтобы обороняться. Одновременно содержатель трактира Бодвин неожиданно дважды ударил его по затылку толстым концом бильярдного кия. В результате этого удара он потерял равновесие и именно в этот самый момент нечаянно ранил обнаженной шпагой Погиеля.

Совсем другую картину нарисовал в своих показаниях Бодвин, хотя он также настаивал на том, что никакого поединка не было, и его заинтересованность в отстаивании этой версии можно понять. Трактирщик утверждал: как только французы оттащили Погиеля от лежащего на полу Бенара, тот схватил шпагу и стал вызывать обидчика на поединок, но в ответ услышал: «Разве де ты тем не доволен, то что еще от меня хочешь?» Тогда Бенар проткнул ему левый бок, намеренно совершив убийство.

Наконец, все остальные свидетели (парикмахер Петр Жуний, хирург Барре, поручики Федор Карасев и Николай Молвяников) сошлись в своих показаниях на том, что в трактире состоялся настоящий шпажный поединок, в результате которого Бенар был ранен, а Погиель убит. Эти несколько минут, обернувшиеся трагедией, описаны в их показаниях приблизительно одинаково. Компания французов оттащила Погиеля от лежащего на полу Бенара, «приписуя обиду Погиелю». Иначе говоря, для всей компании французов был очевиден факт личного оскорбления, нанесенного Погиелем Бенару, после которого все они ожидали определенной реакции. И Бенар не разочаровал их в этих ожиданиях, позвав Погиеля «на шпагу». В ответ на это Погиель издевательски ответил: «Разве де тебе не довольно, что я тебя побил?» Неслучайно на допросе Бенар подчеркнул, что эти слова Погиель говорил ему будто

специально для того, чтобы еще больше его оскорбить. Тогда Бенар обнажил свою шпагу и стал еще настойчивее вызывать Погиеля на дуэль, после чего противники вышли один за другим в горницу и «вступились на поединок шпажной».

Все присутствовавшие в трактире поспешили за ними. Содержатель трактира Марк Бодвин, вооружившись бильярдным кием, попытался разнять дуэлянтов и предотвратить убийство. Все свидетели сошлись на том, что поединок продолжался «малое время». Парикмахер Жуний показал, что «те Бенар и Погиель в одну минуту сразились шпагами». Хирург Барре вспоминал, что противники «начали толь жестоко и с толикою лютостию биться, что не можно было в толь малое время их друг другу не допустить». Поручик Николай Молвянинов свидетельствовал, что противники «чрез малое время покололись и порознь расскочились так скоро, что едва им было можно усмотреть».

Итак, шпажный поединок, длившийся меньше минуты, завершился тем, что противники «покололись». Со словами «я ранен!» Бенар выбежал во двор, а Погиель остался в бильярдной, где стал демонстрировать соотечественникам свою окровавленную шпагу. Такое поведение особенно удивило русских офицеров, они оба в своих показаниях отметили этот факт. Офицеры решили, что поединок выиграл Погиель, поэтому отправились посмотреть, не умер ли Бенар. Вернувшись в бильярдную, они увидели, что Погиель уже мертв. Он скончался, не прожив и четверти часа после поединка⁷.

В мае 1746 г. московская полиция закончила расследование дела. Обвиняемый Жан Бенар вместе с содержателем трактира Бодвином и материалами дела были отправлены в Санкт-Петербург в Главную полицмейстерскую канцелярию⁸. В своем мнении судьи отмечали, что Бенар, «ежели б оной находился российского закона, то б... не токмо от смертной казни, но и от наказания свободен быть имеет». Это мнение основано на трех статьях Соборного Уложения (Гл. 10. Ст. 105, 200, 201) и двух статей Воинского артикула (Гл. 19. Арт. 156 и 157), по которым убийство не следовало вменять в вину, если оно было совершено при самообороне во время вооруженного нападения⁹.

Таким образом, из трех версий убийства (убийство вследствие самообороны от вооруженного нападения Погиеля на Бенара; вооруженное нападение Бенара на Погиеля, повлекшее за собой убийство; шпажный поединок, закончившийся убийством) следствие приняло первую версию, высказанную главным обви-

няемым Бенаром. Вторая версия о намеренном убийстве Бенаром Погиеля, высказанная хозяином трактира Бодвином, была отвергнута, причем аргументировано: судьи увидели в его показаниях внутренние противоречия и личную заинтересованность трактирщика в обвинении Бенара¹⁰.

Но почему же следователи отвергли третью версию об убийстве в результате шпажного поединка, которая вырисовывается из показаний всех независимых свидетелей? Дело в том, что в России действовал петровский указ от 14 января 1702 г., строго запрещающий поединки между иностранцами. Этот указ предписывал применять к дуэлянтам смертную казнь, даже если поединок не привел к убийству¹¹. А из показаний свидетелей по этому делу очевиден не только факт состоявшегося поединка, но и то, что именно Бенар первый обнажил шпагу и вызвал на поединок погибшего Погиеля. Однако, несмотря на всю очевидность этого, следствие приняло версию Бенара, а версию шпажного поединка даже не рассматривало (к этому делу даже не была сделана выписка из петровского указа от 14 января 1702 г.)¹². На наш взгляд, здесь просматривается явная заинтересованность полицейских чиновников решить это дело в пользу Бенара. Какие могли быть на то причины? Скорее всего, судьи Московской полицмейстерской канцелярии испытывали прямое давление со стороны вышестоящих чиновников. Это следует из того, каким образом расследование дела развивалось в дальнейшем.

Мнение Московской полицмейстерской канцелярии поддержал генерал-полицмейстер А. Д. Татищев, и в сентябре 1746 г. дело было отправлено на рассмотрение Коллегии иностранных дел¹³. В январе 1747 г. канцлер А. П. Бестужев-Рюмин потребовал от служащего Кабинета Ее Императорского Величества статского советника В. И. Демидова подготовить к подписанию императрицы указ об освобождении Бенара. Тогда Демидов попросил генерал-полицмейстера А. Д. Татищева прислать в Кабинет копию экстракта дела Бенара, которая и была прислана 2 февраля 1747 г. Ознакомившись с делом, Демидов 26 февраля 1747 г. написал А. П. Бестужеву-Рюмину, что Бенар, как зачинщик дуэли и убийца, «никоим образом оправдан быть не может»¹⁴. Вместе с этим письмом в Кабинете была подготовлена и копия петровского указа 1702 г. о запрещении дуэлей под страхом смертной казни. Примечательно, что В. И. Демидов помнил о существовании этого указа. Это следует из его письма от 26 февраля 1747 г., которое

он направил своему сотруднику по Кабинету, фамилия которого не установлена:

«Сиятельный князь, милостивый государь мой князь Ив[ан] Юрьевич! Покорно прошу Ваше С[иятельство] приказат[ь] выписать из сводного уложения первой указ бл[а]женныя и вечно достойныя памяти г[о]с[у]д[а]ря им[ператора] Петра Великаго, запрещающей вызыват[ь] бится на шпагах в драках и протчих тому подобных ссорах, и ежели есть и сверх того подтвердителныя указы кроме Военнаго артикула иныя, выписав, прислат[ь] ко мне для разобранья дела о кухмистре бывшего в Москве посланника курфирста Баварского в поколонии им до смерти барона Строганова камердинера»¹⁵.

Несмотря на личное вмешательство канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, решение дела Бенара затянулось. В 1747 или 1748 г. состоялась личная встреча супруги Бенара с Елизаветой Петровной. Во время этой встречи императрица пообещала освободить Бенара, но потом об этом позабыла. Между тем Жан Бенар оставался в заточении, ожидая решения своей участи. Лишь в январе – феврале 1749 г. А. П. Бестужев-Рюмин в личной беседе напомнил Елизавете Петровне о несчастном французе. 27 февраля 1749 г. канцлер писал В. И. Демидову, что в ответ на его доклад о Бенаре Елизавета Петровна «всевысочайше объявить соизволила, что Вашему Высокоблагородию повелеть указ в полицию о высвобождении его написать». Чтобы императрица не забыла о деле «за другими важнейшими делами», канцлер просил Демидова доложить ей «по силе... состояния дела, коим он (т. е. Бенар. – *Е. А.*) совершенно оправдан»¹⁶.

Доложил ли В. И. Демидов императрице об этом деле? А если доложил, то каким образом он подготовил доклад – в духе ли полицейского экстракта, оправдывающего дуэлянта, или Демидов все же обратил внимание Елизаветы Петровны на то, что Бенар в качестве дуэлянта подлежит наказанию? Какую резолюцию вынесла императрица? Наконец, какова была дальнейшая судьба дуэлянта Жана Бенара? К сожалению, документы, отвечающие на эти вопросы, пока не обнаружены.

В приложении публикуются основные выявленные на настоящий день документы, относящиеся к делу Бенара. Тексты документов переданы в соответствии с правилами, принятыми в сборнике «Россия в XVIII столетии». Многоточием в угловых скобках обозначены произведенные в тексте сокращения. В документе № 3 записи, расположенные напротив показаний в правой колонке, опущены.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 7–28.

² См.: Приложение, документ № 1.

³ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 181. Л. 62 об.; ПСЗ–1. Т. 6. № 4047. С. 735.

⁴ См.: Приложение, документ № 2.

⁵ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

⁶ Турникет (*фр.* tourniquet) – вид азартной игры во Франции, прямой предок современной рулетки (см.: *Belmas É.* Jouer autrefois. Essai sur le jeu dans la France moderne (XVIe – XVIIIe siècle). Seyssel, 2006. P. 411).

⁷ См.: Приложение, документ № 3.

⁸ РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 181. Л. 62–63.

⁹ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 31 об.

¹⁰ См.: Приложение, документ № 4.

¹¹ О нечинении иноземцам никаких между собой ссор и поединков под смертною казнью. 14 января 1702 г. (ПСЗ–1. Т. 4. № 1890. С. 184).

¹² РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 29–31.

¹³ См.: Приложение, документ № 4.

¹⁴ См.: Там же, документ № 5.

¹⁵ РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.

¹⁶ См.: Приложение, документ № 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

1744 г. ДЕКАБРЯ 3. ЗАПИСЬ В ЖУРНАЛЕ МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ОБ ОТСЫЛКЕ СОДЕРЖАТЕЛЯ ТРАКТИРА М. БОДВИНА В КОЛЛЕГИЮ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА ОБ УБИЙСТВЕ НА ДУЭЛИ ФРАНЦУЗА А. ПОГИЕЛЯ

/л. 9/ Понеделок.

1744^{г[о]} году декабря 3^{г[о]} дня прибытие пополуночи.

Статской советник и обер полицмейстер господин Нащокин,
в 7^м часу

ассесор Андрей Кологривов

И во время присутствия, слушав дел, приказали учинить следующее. <...>

/л. 12/ № 13. По репорту от 9^й команды, при чем прислан французской нации иноземец Марка Яковлев с[ы]н Бодвин и при нем мужеска полу мертвое тело французской же нации иноземца Андрея Погея, которой служил в доме борона Сергия Строгонова порукмахером, о котором в том репорте показано, что оной Андрей Погей имелся в доме ево, Бодвина, в котором он содержит трактир и всякие виноградные напитки для кушенья и питья тех напитков. /л. 12 об./ И в то ж де время прилучился быть французской же нации Иван Бенар, служащей у цесарского посланника кухмистером, и, напившись пьяни, учинили с означенным Погеем промеж собою драку, и в той драке один одного, об[ъ]явленной кухмистер Бенар, выхватя шпагу, и оного порукмахера Погея заколол в левой бок до смерти. А сего декабря 1^{г[о]} дня лейб гвардии Семеновского полку сержант Алексей Воронцов требовал, чтоб оное мертвое тело отдать для погребения ему. ПРИКАЗАЛИ: оное мертвое тело для погребения отдат[ъ] ему, сержанту Воронцову, с роспискою, а означенного Бодвина для рассмотрения и учинения по указом отослать и с подлинным делом в Иностранную коллегия и о том же во известие в Правительствующий Сенат репортовать, а в Камор коллегия, что с ведома ль он, Бодвин, тот трактир содержит, послать промеморию.

РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 386. Л. 9, 12–12 об. Подлинник.

1745 г. АВГУСТА 23. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОСКОВСКОЙ
ПОЛИЦМЕЙСТЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ С ТРЕБОВАНИЕМ
УКАЗА ОТ МОСКОВСКОЙ СЕНАТСКОЙ КОНТОРЫ
О РАССЛЕДОВАНИИ ДЕЛА ФРАНЦУЗА Ж. БЕНАРА

/л. 94/ По указу Ея Императорского Величества Московская полицмейстерская канцелярия, слушав присланного сего 1745го году августа 20го дня указа из Главной полицмейстерской канцелярии на посланное из Московской полицы о поваре Бенаре, которой прислан из Ыностранной канторы, что об нем Московская полицыя следствия производит[ь] не должна. По оному указу велено о том присланном из Ыностранной Колеги поваре Бенаре о смертном им убивстве по силе преждеприсланного из Главной полицы в Московскую полицыю указу исследовать в самом скором времени и, буде по тому делу означенной Бенар дойдет до розыску, о том в Колегию иностранных дел сообщить, а в Главную полицыю рапортовать, а впред[ь] оной Московской полицы поступат[ь] осмотрително и по посланным из Главной полицы указом исполнение чинить в непродолжительном времени и таких неприличных представленей отнюдь не присылат[ь] под опасением за то по указом штрафа. Стацкой советник и обер полицмейстер г[о]с[по]д[и]н Нащокин и ассесор Кологривов разсудили, что в следствии о том поваре Московской полицы, не имея об нем подлинного в полицы дела и точных о том указов, как о том точно во определении Московской полицы и в посланном в Главную полицыю доношении изображено, вступит[ь] не должно, а хотя н[ы]не Главная полицыя /л. 94 об./ и пишет, чтоб о том исследовать, но токмо по тому не согласны, а подлежит о том, прописав с прежняго отпуска обстоятельство, представит[ь] Правительствующего Сената канторе доношением со об[ъ]явлением того, что Московской полицы во оное следствие бес подлинного об нем в полицы дела вступит[ь] невозможно, да к тому ж какие о таковых иностранных людех с теми г[о]с[уд]а[р]ствами, где оне ведомы, трактаты учинены и каким образом с ними поступат[ь], о том в Московской полицы известия не имеетца, и для того, хотя ево в полицы и допросит[ь], токмо мнения, чему он за то подлежит, учинит[ь] в Московской полицы не по чему, и чтоб соблаговолено было того Бенаря для подлежащаго по правам о иностранных людех следствия и учинения по указом отослат[ь] в Ыностранную кантору, требовать указу.

Ибо хотя из Главной полицы о исследствии об нем в Московскую полицыю указ и прислан, токмо оной учинен в небытность генерала полицмейстера одним имевшим в той Главной полицы советником Афанасьем Пастелниковым, а по инструкции, данной обер полицмейстеру, велено ему, обер полицмейстеру, быть в диспозицы генерала полицмейстера, а в Москве требоват[ь] скорого решения и резолюцы от члена сенацкого, которой будет обретатца в Москве. И ТОГО РАДИ ПРИКАЗАЛИ о вышеписанном представить в Сенацкую кантору и требовать указа.

Иван Нащокин

Андрей Кологривов

РГАДА. Ф. 931. Оп. 3. Д. 180. Л. 94–94 об. Подлинник. Подписи – автографы. На л. 94 об. пометы: Подписан августа 23 дня 1745 году, ниже Копию взял Артемон Фофанов.

3

1747 г. ИЗ ЭКСТРАКТА МОСКОВСКОЙ
ПОЛИЦМЕЙСТЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПО ДЕЛУ Ж. БЕНАРА

<...>

/л. 10/ Которое следствие нижеследующим образом происходило:

Сентября 9^{те} числа 745го году означенной иноземец Бенар во время присудствия чрез перевод присланного от Иностранной канторы переводчика Детелца допрашиван, чего ради и допросныя речи для прикладывания руки набело заготовлены, которой поруски тому Бенару чрез перевод ево, Детелса, перед присудствием и прочтен, но токмо, не споря ни о чем, в том допросе руки не приложил, а просил, чтоб у него принять заготовленные у него, француза Бенара, на французском языке ответныя за ево рукою пункты.

Чего ради в Московской полицмейстерской канцелярии определено оныя прежде учиненныя пред присудствием чрез переводчика Детелса допросныя на российском языке речи засвидетельствоват[ь] ему, переводчику, подписать своею рукою, а заготовленные им, Бенарем, на французском языке ответныя пункты, приняв, перевести на российской же язык, и по переводе паки те на французском языке ответы и перевод за ево, переводчиковою,

/л. 10 об./ рукою приняв, сообщит[ь] к делу, которыя и сообщены, а в тех ево, Бенара ответных пунктах значит.

Ноября 30го числа 1744го году, как Бенар играл^а на белиарде в доме вышеписанного иноземца Марки Бодвина, в котором тогда приключились многие французы, между протчими и умершей Богие-т, которой с ним первой говорит[ь] начал и звал ево, Бенара, к себе в четверток обедать на именины, чему он, Бенар, и поздравил, причем поднесена была ему рюмка ренского. А пред ево де прибытием играли в том белиарном доме французы. Потом, немного спустя, четвера угаваривались играт[ь] во упомянутой билиард о ренском же таким образом: два противу двух других, у коих они выиграли четыре бутылки красного. В самое то время, как они играли, пришли некоторые руския, между ими были двое из лейб компании, один называется Коросев, и как оне также хотели играть, того для французы отступились от билиарда, а руския начали на место их играть. Немного погодя, и оной Бенар и Богие-т начали играт[ь] в ыгру /л. 11/, называемую квадранс, или туркенет, которую принес и на стол поставил Марк Бодвин. Во оную игру играли

г[о]с[по]да: Барре, лекарь от двора Ея Императорского Величества,

Симон, купец, которой уже во Францию от[ъ]ехал,

Жуние, парушник,

Бобель, зубачист,

и Марк Бодвин, хозяин белиарда.

Сии были все французской нации.

И как де в ту игру по четыре копейки играли, всякой раз, у кого меньше всех номеров будет, тот те четыре копейки и проиграл, а оные ж проигранные денги на ренское складывали.

А г[о]с[по]дин де Богие-т, проигрываяся почти всякой раз, коих денег набралось для заплаты около пяти или шести бутылок, представлял Бенарду играт[ь] по полтине, в чем Бенар и согласился; и Богие-т, проиграв четыре рубли, требовал, чтоб Бенар играл с ним еще на два рубли на пороль, на что оной /л. 11 об./ Бенар отвечал: «Я де от того не прочь, ибо де сожелеть буду, ежели в проиграше останесся». Чего ради он, Бенар, по прозбе того Богие-та дал взаймы два рубли с таким от Богие-та договором: ежели де у него в сем разов больше будет, тот и выиграл. И как де оной Бенар, послуша Богие-та, поставил свои два рубли на игру, то де оба взяли мел для записки тех номеров, которыя де замечали на столе всякой

на своей стороне, и Богиет де играл первы, и как седмой раз от[ъ] играл, складывать начали, но Бенар в то время говорил Богиету: «Не свыше 64 номеров». Но притом трактирщик того дому, Марк Бодвин, говорил, не счисляя: «Имеется де 74 номера». На что оной Бенар сказал упоминаемому Бодвину: «Ты де пьян и слеп, дай-ка Богиет вновь перечтет». Но Марк Бодвин, не взяв тот труд, стер цыфирь, которой записывал Богиет, что видели г[о]с[по]дин Баре и многие протчие. А Богиет стер то, что записывал Бенар, говоря: «Счисляй де топеря!» На что Бенар говорил /л. 12/ Богиету, что де так честныя люди не играют, и как он уже записывал, сколько оказывал нумер, то мог бы он и тот труд себе принять исчислить. И тако прекратилось в том, что кроме де того иного ничего не было.

Потом Бенар начел с своей стороны сем же разов играть, а г[о]с[по]дин Баре представил себя оныя номер записывать, дабы миновать споры. А в седмом разу как счислять начел, не нашлось болше 72-х. Потом Бенар сказал, что де проиграл по приговору Бодвина и не хочет болше играть. Причем Богиет говорил Бенарду: для чего не хочет еще играт[ъ]? Вит де он два рубли у него, Богиета, выиграл. На что Бенар говорил: подлинно, что он выиграл, и ежели де он, Богиет, хочет, то он тот выигрыш на ренское оставит.

А Марк де Бодвин был притчина, что не хотел более играть, ибо чрез ево оную игру потерял. /л. 12 об./ Потом Богиет отдал Бенарду те два рубли, которые он ему взаймы дал, и сказал: «Ты де худой игрок». Почему такой случай учинил немалой спор, толко между Марк Бодвином и Бенардом.

А до оного Богиета то ни в чем не касалось, которой отошел в другой угол той же горницы. Бенар был в камзоле без шпаги, а Богиет в плат[ъ]е и при шпаге. Но как Бенар начел надеват[ъ] кафтан, дабы пойтить, притом продолжая ссору свою с Маркою Бодвином не переставая, Богиет ззади подшел к Бенарду и по щеке ево ударил, сказавши ему: давно де было ему, Богиету, надобно так, как теперь, отплатит[ъ], или что нибуд[ъ] тому подобно, которое де учинилось в самое то время, как Бенар кафтан на правую руку толко вздел, за что де Бенар хотел было бросится на Богиета, но Жуние и Бобель ухватили ево и на пол бросили, и тут та Богиет ево непристойно нагами топтал. /л. 13/ Сия драка прекратилас[ъ] помощию господина Барре, которой Богиета оттащил з Бенарда.

Но как Бенарь опять начел одеватца, брань еще продолжалась.

Потом говорил Богиету, что де им так непристойно ругатся, и напрасно говоря, что де ему давно отплату должен, выть-ка с ним

вон, дабы оне могли между собою розделатца. И в ту же минуту Бенар вышел в сени и поворотился за своею шпагою, а Богиет не выходил и, видя ево, что он поворотился, говорил ему весьма чувствительно, что разве де он еще не довольно получил, и за тем ли /л. 13 об./ он сюда поворотился, чтоб болше сыскать? Причем Бенарь, слыша, что он паки ругает, отвечал ему з бран[ь]ю же, что ево де не боитца. На что Богиет, ухватяс[ь] за шпагу, сказал ему, Бенарду: «Надобно де тебе рожу розбить!». Потом Бенарь схватил шпагу у Богиета обеими руками в том мнении, дабы оную у него вырвать, отчего он себе достал раны, ибо Богиет шпагу свою из рук выдернул, /л. 14/ отчего де и пон[ы]не знак имеется, ибо де двумя пальцами увечен.

И видя себя он, Бенар, раненого, и что Багиет паки смело к нему приступает, как видел и сказал вышеупоминаемой Баре, обнажил и свою шпагу, дабы оборонить себя мог, поколику въ ево возможности было своею шпагою от Богиета /л. 14 об./ обороняться. Но притом Марка Бодвин взял палку, коею билиард играют, и дважды толстым концом по затылку ударил ево, Бенарда, от коих ударов голова ево жестоко прошибена, и кровь еще пон[ы]не на кафтане ево, знать.

Самую ту минуту, как Марк Бодвин ударил помянутого Бенаря, Богиет поколол ево в руку под пазухой, как к нему подался тем движением, х которому принудили те два удара, кои получил в голову от Марки Бодвина.

<...>

А Бенар чаял, что, может быть, он самое то время поранил об[ъ]явленного Богиета <...>

/л. 15 об./ <...>

И когда он сведал, что поранил Богиета, от чего де он, Бенар, ушел помощью некоторых персон, кои ево довели до ворот, от которых бежал до своего г[о]с[по]д[и]на, Его Превосходительства господина барона Да Нейгаузена, цесарского министра полномочного. И как де он добежал до того двора, то зашел в лакейскую, в которой тогда случился камор динер /л. 16/ Его Превосходительства и ему те ево раны обвязал, причем рассказал ему, камердинеру, что ему приключилось, дабы он рапортовал своему господину. А как на другой день пришел секретарь Его Превосходительства навестит[ь] ево, которому он, Бенар, то дело об[ъ]явил, то приказал наиглавнейшия пункты записать, что поднесено было Его Превосходительству. Потом Бенар послал по господина Баре, ла-

кея^б от двора Ея Императорского Величества, для излечения тех ран, которой приехал и, осмотря те раны и обвязав, наставления дал камердинеру Его Превосходительства, как с теми ранами ему впред[ь] поступать, ибо оной^в камердинер притом и лекарь. В тот же самой день оной Баре Бенарду об[ъ]явил, каким образом Багийет ранен и когда умер, и что ево, Бенарда, палкою бил не Карасев, как /л. 16 об./ думал, но Марк Бодвин, хозяин белиарднава двора <...>. И тако окончалось оное несчастливое дело, которое свыше 4-х или 5-ти минут не продолжалось с того времени, как пощечину он, Бенар, получил, до самого конца.

А бывшие тогда в том трактире разных чинов люди, также и трактирщик Марко Бодвин, в пополнку^г первого учиненного в Московской полиции допроса в Питербурхе в Главной полиции допрашиваны, а в допросех сказали:

/л. 17/ Порутчик и Ея Императорского Величества лейб компании гранодер Федор Корасев.

В 744^м году ноября 30го дня пополудни часу в девятом, как де он с товарищем своим лейб компании ж гранодером Николаем Молвяниновым в Москве х трактирщику Марке Бодвину в трактир вошли, и взяв себе бутылку виноградного вина, и сидели в особливом месте часа с полтора. И в то ж время у него, Бодвина, имелись иноземцы ч[е]л[о]в[е]к з десять, а которой нации, не знает, токмо де из них в том числе был лекарь Баре, и играли в особливом месте на столе, а в какую игру – не знает, при которой игре те иноземцы между собою пили и своим языком пели песни. Потом из них один, которой назывался камердинером Богийет, вышел на двор, /л. 17 об./ и из двора вошел в светлицу, ударил одного ж иноземца Бенаря в щеку, а за что – про то не ведает. И потом тот иноземец встал с стула, схватилис[ь] между собою драться, и в той драке означенного Бенара свалил с ног на пол, и бил тот Богийет ево лежащего на полу. Но потом паки они^д между собою в рознь разстались и по своему языку кричали, и в том крике из них Бенар схватил свою шпагу, которая висела на гвозде и, опоясав на себя, вышел в сени и отворил избнныя двери, кричал по своему языку, то в то время Богийет в светлице, выняв из ножен свою шпагу, но той же малой минутой и пред[ъ]явленной Бенар из сеней скочил в светлицу с своею обнаженною шпагою, и, сразясь между собою теми шпагами, раскочились порознь так скоро, что едва усмотрет[ь] можно. Из них Бенар /л. 18/ выбежал на двор, а Погийет остался в светлице и показывал свою шпагу, положи на белиар, поворачивая на обе стороны, быв-

шим при том товарищем своим иноземцом, в крови на пол аршина от конца к ефесу, и притом говорил по своему языку, а что — он не знает. И как он, Карасев, то увидя, думал, что из них Бенар по выходе на дворе умер, и для того вышел было ево посмотреть, но как он, Карасев, из светлицы выходит, то тот Бенар шпагою своею на него замахнулся, то он, паки поворотясь, прошел в светлицу и усмотрел, что Богие лежат уже мертв на полу.

Трактира содержател[ь] Марка Бодвин.

В прошлом де 744^м году в ноябре м[е]с[я]це в 30^м числе ввечеру /л. 18 об./ в дом к нему, где он содержал белиар, пришли иноземцы французы: во первых, Бенар, лекар[ь] Баре да Бобел[ь], и Жуния, и камердинер Погие, да лейб компании гранодер Федор Корасев и с ним товарищ гранодер же, а кто по имени и по прозванию — не знает, да из русских четыре человека, а какова чину люди — не ведает, играли на белиаре, а иноземцы Бенар и Погиел[ь] с ним, Бодвином, в ыгру на доске, которая зделана наподобие часовой, переворачивая стрелку, на бутылки виноградного пит[ь]я. <...> /л. 19/ <...> Но притом между ими имелся щет по игре: кто сколько выше числом номеров - выиграл. И, осердяс[ь], Бенар стал ево, Бодвина, бранить скверными словами: «Знаешь ли де ты орехметику?» — что явилось у Погия ево, Бенара, выше номеров. И по оным разговорам тот Бенарь и Погиель стали между собою ссоритца, и по той ссоре Погиель вышел на двор для промочения и вскоре, взошед в светлицу, подошел к Бенарю, стал ему говорить такие речи: «Что де /л. 19 об./ ты, Бенарь, со всяким ссорисся и бранисся, я де с тобою один управлюся!» И ударил рукою по щеке. И Бенар, скоча с стула, схватились между собою за волосы, и в той драке Погие Бенара сшиб с ног на пол, и таскались оба по полу, и Погиель того Бенара бил лежащего топками и кулаками. И, видя оную драку, помянутой лекар[ь] Баре их рознял.

И по рознятии Бенар, встав с полу, взяв свою шпагу, которая висела на гвозде, и, опоясав на себя, в горнице ж кричал на Погия и бранил по своему языку, причем Погиел[ь] напротив того говорил ему: «Бенар, разве де ты тем не доволен, то что еще от меня хочеш?»

/л. 20/ И Бенар, вскоча в сени и отворя горнишныя двери, стал на пороге с шпагою обнаженною и, видя, что Погиель за ним не пошел, то, обратясь, вскочил в светлицу и того Погия поколол часу в 12^м в левой бок, которой шпага прошла сквозь спину;

а Погиел[ь], выняв же из ножен свою шпагу наголо, поколол притом того Бенара в руку, а в которую, не знает. <...>

/л. 23 об./ Французской нации парукмахар Петр Жуния.

Как де во время ево бытия в доме трактирщика Бодвина случившийся тогда французы лекарь Барре да Погиель и Бенар играли в ыгру на доске, и в то де время ис показанных Погиев з Бенардом, говоря меж собою по французскому языку, а что – не слыхал, вышед Погиель на двор, а потом, вшед в светлицу, оного Бенарда, которой сидел на стуле, сказав ему, что полно де между нами иметь ссору, понеже де ты и з другими имееш в компании ссоры ж, за что я де и сам один с тобою управлюсь, и ударил ево рукою в щоку.

И потом Бенар, вскоча с стула, с тем Погием схватились за волосы и Бенара свалил с ног на пол, и оба бились между собой, как ногами, так и руками, /л. 24/ и потом он, Жуния, хотел их рознять, но лекарь Барре сказал ему, что пусть их, как они хотят, которые по той драке сами друг от друга розстались. Но вскоре ж потом Бенар взял свою шпагу, которая висела в светлице на гвозде, и опоясал на себя, и немного минув, осердясь, тот Бенар отворил горнишные двери и, стоя к сеням на пороге, вынул свою из ножен шпагу наголо и притом означенного Погия позвал на шпагу. И тот сказал ему, что разве де тебе не довольно, что он ево побил? Но он, Бенар, паки ево понуждал на шпагу. И по оным разговорам те Бенар и Погиел[ь] в одну минуту сразились /л. 24 об./ шпагами, и Бенар притом Погиеля поколол своею шпагою, которая и прошла в левом боку в брюхо сквозь спину. А между тем хозяин Марка Бодвин, ухватя кей, хотел их рознять, токмо вскорости не успел. И после того тот Погиель, минув меньше четверти часа, упал на пол и умер. <...>

Двора Ея Императорского Величества гоф фурьера Баррея в ответе, учиненном на французском диалекте, которой переведен в Коллегии иностранных дел, показано:

Как де будучи у трактирщика Маркии Бодвина, в доме ево увидел он /л. 25/ дворецкого господина барона Нейгаузена Бенарда и Погей, камординера господина барона Строганова, которые только двое друг против друга, как он чает, в ту игру бланкет по рублю играли, и понеже они некакой малой спор по притчине щота своей игры имели,

того ради пришел хозяин дому, чтоб их помирить, и стер у них заметки. За что Бенард с ним и поздорил и вышел. А потом оныя два играка еще же на ту же сумму несколько игру продолжали,

и понеже Погие в своем щоте очолся, того ради он им предложил, что он их игру замечать будет. Но Погие тот час стер заметки, которые он написал, и бросил Бенарду несколько рублей за игру и встал, сказав, что он з Бенардом более играть не будет, /л. 25 об./ понеже он худой игрок. И когда Бенард хотел взять свое платье, которое на лавке лежало, и шпагу свою, которая на столпке висела, тогда Погие ему сказал: «Я давно уже вам должен, а топерь то решу». И в самое то время Бенарду хорошую пощочину дал, почему Бенард, без платья и без шпаги и обороняя себя, бросился на Погие, которой, зная то, будучи сильная, повалил ево под ноги и многократно по лицу столко бил, что кровь текла. Бывшая притом компания их розвела, приписуя обиду Погие. Тогда Бенард свое платье и шпагу надел, вышел в сени, в залы, и оттуду кликнул Погие и, вшедши тот час, вынул свою шпагу. И Погие свою вынул же. И начали толь жестоко и с толикою лютостию биться, что невозможно было в тол[ь] малое время их друг к другу не допустить.

/л. 26/ Хозяин дома, держа в руке своей билиардной мас, стучал, чтоб их рознять. Бенард закричал: «Я ранен!» – и вышел. Погие потом сказал: «Я ранен, помогите мне, я в брюхо поколот». Для осмотра и для ползования ево отвели в камору Бодвинову, где он, как было прилично, увязал ево рану, разсуждая, что она была смертельна, понеже учинена по левую сторону подле пупа, и кишечная перепонка на семь или восемь дюймов вышла. А на другой день поутру призван был он, Барре, к господину барону Нейгаузену для ползования означенного Бенарда и по приходе застал ево на постеле, которой жаловался, что у него голова весьма болела, где он посредственную рану з жестоким ударом нашел на затылке. Нашел же он рану в середине, /л. 26 об./ близшей х кисти ево левой руки части, проколотою до самой кости, а другой – на правой руке, между болшим и указательным пальцем, которого двигательной мускул между оборотом и ладон[ь]ю до кости проколот был, и многие другие раны на пальцах той же руки, но оные мало опасные были, и все по надлежащему лечил, и отдал ево в руки лекаря господина барона Нейгаузена, которой ево ползовал до тех пор, пока он совершенно вылечился.

Порутчик и Ея Императорского Величества лейб компании гранодер Николай Молвянинов:

Ноября 30го 1744го году, как он с порутчиком же и лейб компании гранодером Федором Карасевым в трактир трактирщика Марки Бодвина вошли, то, взяв себе /л. 27/ из виноградного вина,

и сидели в особливом месте с час или болше, а в то ж время у него, Бодвина, имелись иноземцы ч[е]л[о]в[е]к з десять, а которой нации, ни единого из них по знакомству не знает. И по той их бытности на билиаре в том трактире видел он и означенных бывших иноземцов, в особливом месте играли, и в той игре при пит[ь]е разного виноградного вина по своему языку говорили шумственно. Но потом из них двое иноземцов, между собою побраняс[ь], один, убитой, ударил другаго в щоку, а за что – того он не знает, и притом те иноземцы схватилис[ь] и дратца, по которой драке свалил из них умершей н[ы]не оставшаго, а как им имена и прозвания, не знает, и между собою на полу бились. А потом паки они врознь розсталис[ь], /л. 27 об./ и по своему языку кричали, и в том крике свои шпаги, которые у них лежали, на себя надели, и, немного минув, вынял из ножен шпагу убитой наголо, а другой, по выходе на двор той же минутой с обнаженною своею шпагою вшед в светлицу, вступили на поединок шпажной, причем, приближас[ь] один к одному, чрез малое время покололис[ь] и порознь раскочились так скоро, что едва им было можно усмотреть. Но один из них потом выбежал на двор, а другой остался в светлице, показывал свою шпагу, положи на билиар, поворачивая на обе стороны товарищем своим, при том бывшим иноземцом, в крови на поларшина от конца к ефесу, и говорил по своему языку, а что, не знает. И как он, Молвянинов, с товарищем своим Карасевым то видя, вышли в сени и хотели усмотреть, тот вышедший на двор не умер ли, /л. 28/ но как они толко выходят в сени, то притом тот иноземец с обнаженною своею шпагою хотел их поколоть, то, возвратясь, усмотрели они того оставшаго в светлице иноземца мертва, и лежит на полу. <...>

РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 10–14 об., 15 об. – 20, 23 об. – 28. Копия января – февраля 1747 г.

^а В тексте слово пропущено.

^б Так в тексте.

^в В тексте оно.

^г В тексте пополицу.

^д Исправлено из оной.

^е Исправлено из и.

1747 Г. ФЕВРАЛЯ 2. ДОНОШЕНИЕ ГЕНЕРАЛ-ПОЛИЦМЕЙСТЕРА А. Д. ТАТИЩЕВА КАБИНЕТУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ОБ ОКОНЧАНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛА Ж. БЕНАРА

/л. 4/ В Кабинет Ея Императорского Величества
От генерала полицмейстера Татищева
Покорнейшее доношение.

В прошлом 1745^м году июня 27^{г[о]} дня присланною в Главную полицмейстерскую канцелярию ис Коллегии иностранных дел промеморию требуется, дабы о находящемся в службе у курбаварского министра барона Нейгауза поворе французской природы Иване Бенаре о смертном убийстве баронов Строгоновых камординера и парукмахера Андрея Погея надлежащим порядком и по справедливости в Московской полиции исследовано и ко окончанию /л. 4 об./ приведено было в непродолжительном времени, а ежели б по тому следствию необходимо до розыску дошло, в таком случае наперед о том и по каким бы притчинам им, поваром, розыскивать надлежало, сообщено б было в Коллегию иностранных дел, а бес того и не обождав на то от той Коллегии ответа, такого розыску не чинить, равномерно же и когда сие следствие совсем окончано и оному повору какая имянно казнь или наказание приговорено будет, тогда б, не чиня же ему никакой экзекуции, оной приговор для доклада и высочайшей Ея Императорского Величества конфермации в Коллегию иностранных дел прислан же был, понеже на то Ея Императорского Величества имянное высочайшее повеление ест[ь], чтоб без доклада Ея Императорскому Величеству оному повару экзекуции не чинить. И того ж числа по посланному в Московскую /л. 5/ полицию указу велено по тому делу во оной полиции следствие произвести в непродолжительном времени, по которому то следствие во оной Московской полиции произведено и учиненной ис того следствия экстракт прислан, и при том оная полиция мнением своим об[ъ]явила, что означенной француз Бенар по силе Уложения 10^й главы 105^{г[о]}, 200^{г[о]} и 201^{г[о]} пунктов и Военных 156^{г[о]} и 157^{г[о]} артикулов толкования не токмо от смертной казни, но и от наказания свободен быть имеет, о чем пространнее в том мнении показано, которой экстракт со мнением той Московской полиции в прошлом 1746^м году сентября 9 дня из

Главной полиции отослан при промемории в Коллегию иностранных дел, и при том об[ъ]явлено, что Главная полиция по оному о французе Бенаре делу с вышеписанным Московской полиции мнением согласна, потому что хотя то смертное убийство от него, Бенаря, над камор динером и парук макарон баронов Строгоновых Андреем Погием и учинено, но токмо сначала та ссора произошла от него, /л. 5 об./ Погия, о чем бывшие тогда при той ссоре свидетели показали имянно; а хотя из них трактирщик Марко Бодвин и показал: когда де означенные Бенар и Погий, схватяс[ь], дрались и потом розсталис[ь], тогда бутто Бенарь, вскоча в сени и отворя горничные двери, стал на пороге со шпагою обнаженною и, вскоча в светлицу, поколол того Погие в левой бок, а Погия, выняв же свою из ножен шпагу наголо, поколол притом того Бенара в руку, а в которую, не знает, чему статься не можно, ибо сам же он, Бодвин, показал, что он, Погий, от той раны жив был и з беспамятством толко пять минут, почему признаваетца, что он то показывал, злобствуя на него, Бенаря, потому что при той ссоре и сам он, Бодвин, ево, Бенарда, билиарною палкою по голове бил; к тому жь в пополнителном допросе он, Бодвин, показал, что у того Погия шпага еще до поколония ево Бенаром была обнажена, да и о ссоре, что оная началас[ь] прежде /л. 6/ от вышеписанного Погия, когда он ево, Бенарда, ударил по щеке, он, Бодвин, показывает имянно. А по силе Уложен[ь]я и Военного артикула, кто кого убьет до смерти, обороняя себя, и ему того в вину ставить не велено, почему Главная полиция со мнением Московской полиции о том поворе Бенаре и согласна. И для того присланной ис той Московской полиции экстракт со мнением в Государственную Коллегию иностранных дел сообщен. Того ради Кабинету Ея Императорского Величества от Главной Полиции сим во известие покорнейше представляю, а свыше писанного посланного в Коллегию иностранных дел экстракта со мнением /л. 6 об./ из Главной полиции приобщаются при сем точныя копии.

Алексей Татищев

Февраля 2го дня
1747го году

РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–6 об. Подлинник. Подпись – автограф.

5

1747 г. ФЕВРАЛЯ 26. ПИСЬМО СТАТСКОГО СОВЕТНИКА
В. И. ДЕМИДОВА КАНЦЛЕРУ ГРАФУ А. П. БЕСТУЖЕВУ-
РЮМИНУ О НЕВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ ДЕЛА
Ж. БЕНАРА В СООТВЕТСТВИИ С МНЕНИЕМ
МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

/л. 1/ Сиятелнейший граф, м[и]л[о]стивой г[о]с[у]д[а]рь мой
Алексей Петрович.

Ваше Сиятельство пред двумя неделями изволили мне
объявит[ь], чтоб по делу о содержащемся^а кухмистре Бенаре в зако-
лонии им^б до смерти^б в волном доме барона Строганова камердине-
ра о свободе онаго кухмистра к подписанию Ее Им[ператорского]
В[еличеств]а приготовит[ь] указ. Я оное дело читал, по^в которому
делу^г он, Бенар^г, яко убица и зачинщик тому поколонию никоим
образом оправдан быть не может, и по тому делу приговор поли-
цейской учинен весь неправдами наполненной. И для того, прежде
нежели оное дело Ваше С[иятельство] сами рассмотреть изволит,
по оному о той ево свободе указ приготовит[ь] невозможно.

Подписан в 26 де[нь] февраля
747.

РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 1. Отпуск.

^а Далее зачеркнуто по делу в смертном убийстве.

^{б-б} Вставлено над строкой.

^в Приписано слева от зачеркнутого в.

^{г-г} Вставлено над строкой.

6

1749 г. ФЕВРАЛЯ 27. ПИСЬМО КАНЦЛЕРА
ГРАФА А. П. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА СТАТСКОМУ
СОВЕТНИКУ В. И. ДЕМИДОВУ О НАМЕРЕНИИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ
ИЗДАТЬ УКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ Ж. БЕНАРА

/л. 3/ Г[о]с[у]д[а]рь мой Василей Иванович.

На сих днях Ее Императорскому Величеству от меня всени-
жайше докладывано, что бывшей при баварском министре повар

Бенар, которой нещастие имел камердинера баронов Строгоновых заколоть, уже около четырех лет как здесь в полиции под караулом сидит, а по изледованию там его дела он совсем невинным найден и не токмо от смертной казни, но и от всякаго наказания освобожден, да и Ее Императорское Величество сама по пред[ъ]явлению жены онаго повара ей освобождение мужа ея всемилостивейше обещать соизволила. Ея Императорское Величество на то всевысочайше объявить соизволила, что Вашему Высокоблагородию повелит указ в полицию о высвобождении его написать. Но понеже Ея Императорское Величество за другими важнейшими делами оное легко запамятовать может, то Ваше Высокоблагородие благоволите по силе содержания приложенной /л. 3 об./ при сем промемории из Главной полицмейстерской канцелярии в Коллегию иностранных дел и по силе следующего же равномерно состояния дела, коим он совершенно оправдан, Ее Величеству о том всенижайше доложить. Я же всегда неотменно пребываю

Вашего Высокоблагородия
Послушный слуга Г[раф] А. Бестужев Рюмин

27 февраля
1749

РГАДА. Ф. 22. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–3 об. Подлинник. Подпись от Граф до Рюмин – автограф.

И. В. Курукин

ЦЕНА ПОБЕД: СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ФИНАНСЫ РОССИИ

Россия вступила в Семилетнюю войну как союзник Австрии и Франции в борьбе с Пруссией и Англией. Главную цель войны определила в марте 1756 г. Конференция при высочайшем дворе: захват Восточной Пруссии для последующего обмена на Курляндию с Речью Посполитой и такого изменения границ с последней, «которым... способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»¹. Эта формулировка намечала перемещение центра внешней политики на юг, куда будут направлены усилия министров и полководцев Екатерины II. При этом приведение прусского короля «в умеренные пределы» не предполагало полного разгрома и, тем более, уничтожения Пруссии.

Весной 1757 г. 55-тысячная русская армия во главе с фельдмаршалом С. Ф. Апраксиным двинулась в поход, но после победы при Гросс-Егерсдорфе внезапно отступила на исходные позиции. За это фельдмаршал попал под следствие, во время которого и умер. На западе в том же 1757 г. две французские армии заняли Ганновер; австрийцы отвоевали часть Силезии; к союзникам примкнула Швеция. Казалось, что могущество Пруссии вот-вот будет сокрушено, но война неожиданно затянулась.

Фридрих II умело координировал действия своих войск на разных фронтах. Его вымученная армия стремительно маневрировала и наносила удары противникам поодиночке: пока Апрак-

син медлил, король нанес поражение французам при Росбахе (ноябрь 1757 г.), а австрийцам – при Лейтене (декабрь 1757 г.).

В следующей кампании 1758 года русская армия овладела Восточной Пруссией с ее столицей Кенигсбергом. Но на западе генерал-фельдмаршал Фридриха II принц Фердинанд Брауншвейгский разбил французов при Крефельде (июнь 1758 г.), а сам король сосредоточил главные силы против русских войск, осаждавших крепость Кюстрин на Одере. В кровопролитном сражении при Цорндорфе (август 1758 г.) оба командующих считали себя победителями, и обе стороны понесли тяжелые потери. Однако русское наступление было остановлено, а затем 30-тысячная прусская армия устояла против 70 тыс. австрийцев в битве при Хохкирхе в Саксонии (октябрь 1758 г.). К тому же ежегодные английские субсидии в 670 тысяч фунтов стерлингов² позволяли Пруссии до поры компенсировать потери от оккупации и разорения собственных владений. На английские же деньги против Франции были сформирована вспомогательная армия из ганноверцев, гессенцев и подданных других германских княжеств; вместе с ней сражался и небольшой английский экспедиционный корпус.

У союзников отсутствовало единство интересов и действий. «Англичане вовлекли нас в войну в Германии, в то время как мы теряем наши колонии, нашу торговлю», – так оценивал положение страны французский министр иностранных дел кардинал Франсуа-Иоахим де Пьер де Берни в 1758 г. и стремился уменьшить военные обязательства Франции по оказанию помощи австрийцам³.

Франция и Австрия считали Россию младшим партнером и возражали против территориальных приращений своего союзника. Не случайно обе стороны не известили Петербург о заключенном ими 31 декабря 1757 г. секретном договоре о взаимных гарантиях будущих приобретений⁴. Союзная конвенция России с Австрией 1757 г. предусматривала только австрийские субсидии России в размере одного миллиона рублей в год.

«Мы действительно желали, чтобы русские действовали, — писал де Берни 15 сентября 1758 г. своему послу в России маркизу Лопиталю, — но мы желали, чтобы они действовали диверсиями, угрожая Пруссии, взимая с нее контрибуции, отвлекая армию прусского короля, но не вступая с ней в сражение, которое может ослабить их и принести ему новые преимущества»⁵. Во Франции рассматривали союз с Россией как случайное стечение обстоятельств и не собирались отказываться от политики «восточного барьера»

– системы союзов с реальными и потенциальными противниками России – Швецией, Польшей и Турцией. Французская дипломатия в Польше болезненно реагировала на передвижения российских войск по территории республики и категорически возражала против занятия русскими войсками Данцига⁶.

В ноябре 1759 г. канцлер М.И. Воронцов в особой «проме-мории» отметил, что его страна «никаким образом... не включена» в предполагавшееся союзниками послевоенное устройство и «быв полезным сему великому зданию орудием, по совершении оного столь нужною не бывает». В этом документе он выдвинул главное требование России – присоединение Восточной Пруссии, как компенсацию за убытки «казне ее императорского величества и генерально всей империи»⁷. В 1760 г. новая русско-австрийская конвенция уже предусматривала территориальные приобретения обеих сторон – соответственно Силезию и Восточную Пруссию. Но за согласие на присоединение Восточной Пруссии Мария-Терезия сделала выговор своему послу в Петербурге графу Эстергази – королева предпочитала оценить услуги российского союзника деньгами.

При наличии таких противоречий наладить эффективное сотрудничество трех держав для войны с решительным и опытным противником было трудно – тем более что на поле боя командующие союзными армиями были связаны исходившими от их дворов указаниями, требовавшими постоянных согласований. Неудивительно, что такие переговоры затягивались, планы военных противоречили друг другу – и в результате союзники тратили время и оказывались не в состоянии действовать совместно.

Елизавета Петровна в 1758 г. объявила, что считает Россию равноправной воюющей против Пруссии стороной – несмотря на неудовольствие французской дипломатии. Однако директивы главнокомандующим свидетельствуют о колебаниях по вопросу выбора направления главного удара. На пути в центр Пруссии необходимо было форсировать Одер и взять мощную крепость Кюстрин. Второе направление, на север, в Померанию, было более эффективно, поскольку заставляло противника дробить силы и давало возможность использовать русский флот для снабжения и поддержки действующих на берегах Балтики войск. Именно там и были достигнуты наибольшие успехи русских войск на заключительном этапе войны. Но австрийский двор рассматривал русскую армию как «помощной корпус» для решения главной задачи – воз-

вращения Силезии – и требовал ее участия именно на этом театре военных действий.

В 1758 г. Конференция предписывала командующему, генералу В. В. Фермору сначала действовать по всем трем направлениям одновременно, а затем – самому определить главное⁸. Но при планировании кампаний 1759, 1760 и 1761 гг. под нажимом австрийцев выбор делался в пользу Силезского театра. Таким образом, Россия стала заложницей традиционного союза, и беда была в том, что равновыгодной ему альтернативы в Петербурге не видели. Создавался порочный круг: цели России в конфликте были достигнуты еще в 1758 г., но завершение войны требовало совместных действий, а для этого приходилось действовать по австрийским планам.

Кампания 1759 года началась наступлением русской армии под командованием генерал-аншефа П. С. Салтыкова: в июле она разбила прусского генерала К. Веделя при Пальциге и заняла Франкфурт-на-Одере. Фридрих II бросился спасать свою столицу. При Кунерсдорфе русские войска и союзный австрийский корпус выдержали натиск главной прусской армии во главе с самим королем и разгромили ее. За эту победу Салтыков был произведен в генерал-фельдмаршалы. Но затем переговоры о совместных действиях союзников завершились безрезультатно: австрийский главнокомандующий, фельдмаршал граф Даун двинулся в Саксонию, а Салтыков – обратно в Польшу, несмотря на жалобы австрийцев. Фридрих II оценил такую стратегию как «чудо Бранденбургского дома», и удачно начавшаяся кампания завершилась «без всякого плода».

Кампании 1757–1759 гг. показали, что война становится тяжелым бременем для российской казны. Уже в начале 1759 г. Сенат доложил Конференции о «крайнем недостатке» в деньгах, отчего многие распоряжения об их выдаче до сих пор не исполнены. На следующий день Сенат приказал послать особых гонцов из не обретающихся у дел штаб- и обер-офицеров в губернские, провинциальные и городские магистраты, чтобы высылать имеющиеся от разных сборов деньги, «сколько их где есть, все, не оставляя ничего»⁹. В марте Сенат указал срочно менять собранные с населения медными деньгами доходы на серебро, но дело в многочисленных конторах «медлилось», и сенаторы уже требовали присылки хотя бы и медных монет на «наемных подводках» из Москвы¹⁰. Предпринятые меры, в том числе перечекалка медных монет по облег-

ченной стопе и переливка пушек на монеты, особого эффекта не принесли. В декабре 1760 г. Сенат признал, что в Адмиралтейство, Коллегию иностранных дел, «на артиллерию», в Главный комиссариат, Медицинскую коллегию и другие места (даже «за сложением» некоторых казенных долгов) «не додано» с 1755 г. в общей сложности 5 281 507 руб.¹¹

Деньги в заграничную армию переводились «через вексели» по 30–100 тысяч рублей через Амстердам «с платежом в Данциге от купца Генриха Сурманса». В итоге российские серебряные рубли превращались в низкопробную серебряную монету, имевшую хождение в Пруссии и Речи Посполитой. Одновременный перевод больших сумм затруднялся невозможностью изыскать соответствующую наличность; к тому же подобные предприятия надо было держать «в высшем секрете» – их «разглашение» приводило к падению курса рубля и делало такие операции невыгодными для казны. Так, перевод по курсу выше 44 голландских штиверов за 1 рубль главнокомандующий А. Б. Бутурлин считал выгодным, а ниже – убыточным; но в 1761 г. уже и предложение из расчета 41 штивер за рубль было найдено Сенатом приемлемым – остальные были еще хуже¹².

Ведали этим хлопотным делом руководители Главного комиссариата – обер-штер-кригс-комиссар Д.А. Мерлин с помощью гофмаклера Сирициуса, а затем новый генерал-кригс-комиссар А. И. Глебов. Помимо них перевод осуществлялся через Коллегию иностранных дел¹³; перевод более миллиона рублей был произведен переводчиком Сената Фрейгангом и располагавшим «кредитом» в Голландии тульским купцом Федором Петровичем Владимировым (зятем заводчика А. Н. Демидова), который удостоился за выгодную для казны операцию сенатского «похваления»¹⁴.

Очевидно, что на этих оборотах больших казенных средств купцы стремились нажиться при поддержке официальных лиц. Так, в апреле 1761 г. Сенат отказал П. И. Шувалову отдать заграничный перевод «артиллерийских» сумм английским купцам по 120 грошей за рубль, поскольку даже цена 41 штивер за рубль означала 130 $\frac{1}{4}$ гроша; в марте 1762 г. генерал-кригс-комиссар и генерал-прокурор А. И. Глебов указывал, что призванный отстаивать государственные интересы гофмаклер Сирициус переводил деньги «с немалым казне убытком; видно, как он, Сирициус, более старался к авантажам и прибыли корреспондентов своих и себе». Но в то

же время сам Глебов согласился производить перевод уже по 40 штиверов за рубль¹⁵.

При отсутствии выгодных условий перевода приходилось доставлять деньги «натурою» – в бочках на подводах под охраной армейского конвоя; в феврале 1761 г. падение курса рубля заставило посылать таким образом, несмотря на все неудобства, 300 000 руб.¹⁶ Из Кенигсберга отправлялись отчеканенные на местном денежном дворе серебряные талеры и разменные монеты в 18 («тимфы»), 6 («шестаки»), 3 и 1 гроша; из Москвы – изготовленные здесь гульдены¹⁷. Однако, если при переводе по векселям иностранные купцы соглашались часть суммы (обычно 1/3) принимать медными деньгами, то для дальней транспортировки медь не годилась из-за «великой в возке тягости». Поэтому всем ведомствам предписывалось производить текущие расходы медной монетой, а серебряную наличность немедленно отправлять в армию.

В 1759 г. Коллегия иностранных дел «для некоторого важного рассуждения» запросила Сенат, сколько за три прошедших кампании «за границую на содержание российской армии вышло и здесь в государстве на вооружения как армии, так и флота издержано». 7 сентября и в последующие дни Сенат отправил в различные ведавшие военными делами и снабжением войск учреждения (Военную и Адмиралтейств-коллегии, Главный комиссариат, Главную провиантскую канцелярию, Канцелярию главной артиллерии и фортификации и пр.) соответствующие указания¹⁸.

Ответы собирались поспешно и включали самые разные статьи – начиная от миллионных расходов на жалование и провиант и кончая тратами на «прогоны» к армии высшим офицерам и выдачу командующему «мягкой рухляди». Первая недатированная беловая ведомость насчитала расходы на войну за 1756, 1757 и 1758 гг. в 11 763 575 руб. 41 и $\frac{3}{4}$ коп.; вторая – за тот же период – включала уже 18 794 951 руб. 59 $\frac{1}{4}$ коп.¹⁹ Обе названные цифры были указаны в протоколе Сената от 24 сентября вместе с частично посчитанными расходами текущего 1759 г.²⁰ При этом сенаторы оговаривали, что им неизвестны данные о стоимости флотских вооружений и заготовленных для армии «мундирных и амуничных вещей», а также расходы на обсервационный корпус П. И. Шувалова.

Очевидно, недостающие сведения были получены, и 7 октября Сенат озвучил третью по счету цифру – 27 451 758 руб. 96 $\frac{1}{4}$ коп.²¹ Но и это был еще не окончательный результат. В итоге появился четвертый по счету документ, объявленный на заседании Се-

ната 17 ноября, – публикуемая ниже «генеральная ведомость» за подписью протоколиста Бориса Сахарова, включавшая в себя как прежде неизвестные расходы, так и затраты за 1759 год²². Этой датировке как будто противоречит графа «на мундир и амуницию», в которой указана не расписанная по годам цифра в 955 658 руб. «с 1758 и до 1761 годов», но обе названные нами ведомости содержатся в деле 1759 г., которое более поздних документов не содержит; возможно, составители внесли в ведомость уже выделенные на 1760 г. и частично расходуемые деньги. Точность приведенных в этой последней ведомости цифр вызывает сомнение – по причинам весьма относительной полноты собранных за короткий срок данных, по разобщенности собиравших и тративших деньги ведомств; наконец, из-за разницы выделенных и реально полученных и истраченных на военные нужды средств.

Так, например, 28 апреля того же 1759 г. Сенат рассмотрел доклад Д. А. Мерлина о том, что он подрядил в рижские и восточнопруссские магазины провиант и овес на 2 403 110 руб., но «ассигновано» ему только 1 972 818 руб. Помимо того, командующий армией генерал-аншеф В. В. Фермор требовал к началу кампании «знатную сумму наличными деньгами» на «порции и рационы и на сено и на сечку» – всего 2 483 024 руб. Почти трехмиллионная нехватка отчасти компенсировалась имевшейся в армии наличностью (638 183 руб.) и ассигнованным из Конференции миллионом руб. австрийской субсидии, но все равно оставался дефицит в 1 275 133 руб. Сенаторы вынуждены были обращаться за помощью к Конференции, поскольку «тою подлежащею для заграничной армии денежною суммою по крайнему штатских и других доходов недостатку удовлетворить совершенно не из чего»²³.

Для Фермора деньги нашлись, но с подрядчиками и владельцами задействованных казной судов (часть из которых потерпела крушение) рассчитаться так и не удалось. Требуемый из Камер-коллегии миллион так и не поступил – сенаторы с горя предлагали срочно взыскивать доимки и обратились в Синод с просьбой о пожертвовании «по благоизобретению своему», поскольку продолжение войны «ныне состоящие государственные доходы вынести и удовлетворять не в состоянии»²⁴. Судя по всему, это обращение осталось безрезультатным. Мерлин же был вынужден рассчитываться с купцами за провиант и овес не деньгами, а предложенными изобретательным П. И. Шуваловым «печатными указами», оттягивавшими выплаты

на следующий 1760 год и адресованными «на то место, откуда за- плату получают». На жалобы неудачливых купцов на то, что они сами теперь в долгах и по искам заимодавцев могут потерять имущество и деловую репутацию, власти ответили разрешением принимать эти бумаги «во все платежи» (за исключением банков) и уплатой с рас- четом 6% за просроченное время. К весне 1760 г. таких указов было выдано на сумму в 781 305 руб., и в мае обер-штер-кригс-комис- сар вновь запросил Сенат, откуда взять оставшиеся в уплату 860 589 руб. Отвечать было нечего: сенаторы вновь повелели выдавать по- ставщикам и «судовщикам» «печатные указы», теперь уже на 1761 г. и с запрещением рассчитываться этими бумагами с государством, «понеже от вступления их в казну может последовать в положенных натурою денежных расходах остановка»²⁵.

Можно добавить, что инициировавшая подсчеты военных расходов Коллегия иностранных дел сама увеличила свои траты, не включенные в «генеральную ведомость» Сената. Одни из них пока проверке не поддаются, как, например, потраченные «для не- которого употребления в разных местах» 30 тыс. руб. Другие бо- лее конкретны. Так, в 1757 г. австрийский посол Николай Эстерга- зи получил от имени наследника Петра Федоровича 7 875 руб.; за подписание военной конвенции – 10 575 руб. и за «приступление к союзному трактату» вместе с французским поверенным Дугласом – 8 500 руб. В 1760 г. три союзных посла (тот же Эстергази, фран- цузский – маркиз Лопиталь и шведский – Поссе) удостоились по- дарка в 18 500 руб.; они же «за приступление к Версальскому трак- тату» России получили – 19 200 руб., а «при размене ратификаций» Лопиталь, Поссе и датский посол Остен – 27 000 руб.²⁶ курьерам Конференции (за 1758 г. последние составили 11 250 руб.).

Согласно другой сохранившейся ведомости, такие чрезвы- чайные расходы Коллегии составили в 1756 г. 323 118 руб., в 1757 г. 95 129 руб., и в 1758 г. 141 929 руб., включая сюда самые разно- образные выплаты – например 600 руб. секретарю английского по- сла Вильямса и более существенные – оплаты прогонов курьерам Военной коллегии (5 000 руб.) и курьерам Конференции (за один 1758 г. последние составили 11 250 руб.)²⁷.

Тем не менее, приведенные в «генеральной ведомости» дан- ные могут быть взяты за основу при оценке бремени военных тягот России в войне. Согласно приведенным в ней данным, подготовка и ведение военных действий за три с небольшим года обошлись России в 30 915 865 руб. 82 $\frac{3}{4}$ коп. Эта сумма включала затраты

на жалование войскам, на артиллерию и вооружения флота, на подготовку провианта и «мундирных и амунических вещей», а также нераскрытые «чрезвычайные разные расходы».

Естественно, что подобные весьма большие для страны траты (по подсчетам С. М. Троицкого, все доходы империи за 1758 г. составляли 15 млн. руб.²⁸) не могли быть осуществлены в рамках обычного военного бюджета – уже по штатам расходов на армию от 1 мая 1756 г. «воинские расходы» составляли 6 683 096 руб. и превосходили размеры подушного сбора; (5 212 685 руб.) поэтому на «удовольствие» войск тогда же было решено отпускать еще почти миллион рублей из «новоположенных» после повышения в 1750 и 1756 гг. цен на хлебное вино доходов, из «соляных денег» и из «таможенных новоположенных прибыльных пошлин»²⁹.

Судя по «генеральной ведомости» 1759 г., «окладные» суммы покрывали в 1757 и 1758 гг. меньше половины расходов действующей армии. Для финансирования военных действий употреблялись уже названные «новоположенные» доходы от «винной и соляной продажи». Сюда же пошли три с небольшим миллиона рублей «от Конференции», представлявшие собой, скорее всего, австрийские субсидии, согласно заключенной в январе 1757 конвенции. Деньги поступали в Коллегию иностранных дел наличными (золотыми червонцами и серебряными рублями) от австрийского посла Эстергази³⁰. На войну шли средства, полученные «от переделу медных денег» по предложению П. И. Шувалова: указ от 8 апреля 1757 г. предписывал чеканку копеек, денег и полушек новыми штемпелями по 16-рублевой стопе из пуда меди. По мнению исследователей, эта операция принесла казне 6 млн. руб.³¹ Трудности финансирования затянувшейся войны вызвали и повышение прямого налога – увеличение с 1761 г. оброчного сбора с государственных крестьян с 40 копеек до 1 рубля³².

В числе неназванных «разных сумм» и «протчих доходов» можно предполагать сборы, полученные российской администрацией в завоеванной Восточной Пруссии. Согласно сведениям губернатора Н. А. Корфа, в 1757–1758 гг. с новых российских подданных было собрано 1 878 197 талера; на месте было потрачено 617 548, остальное (1 260 554 талера, что составляло 882 457 руб.) предназначалось для действующей армии³³.

Сюда же можно прибавить личные «комнатные» средства самой императрицы Елизаветы Петровны. Относящийся к более позднему времени рескрипт из Конференции от 12 января 1761 г.

извещал командующего А. Б. Бутурлина, что из отпущенной императрицей тысячи пудов серебра к сентябрю будет начеканен один миллион рублей «прускими деньгами»³⁴. Помимо того, невысылка в действующую армию в срок денег отчасти «исправлялась» займами самого командующего по векселям на свой «кредит»³⁵, «контрибуционными деньгами» и экономией на жаловании от «некомплекта» в полках.

Между тем Военная коллегия сама производила подсчет военных расходов за те же 1756–1759 гг. Получив «при указе от 17 ноября» ведомость Сената, военные обнаружили, что их сумма несколько меньше – на 1 404 663 руб. 38 $\frac{3}{4}$ коп., что объяснили отсутствием в их распоряжении некоторых счетов по Главному комиссариату, «о которых в коллегии известно не было»³⁶. Отметили в коллегии и не присланные до сих пор сведения о расходах – такие, как «по артиллерии в Москве, в Риге и в других местах»; некоторых же счетов найти не удалось – например, так и осталось неизвестным, кто и сколько заплатил за покупку и доставку к армии 1201 вола для артиллерии.

Зато в составленном коллегией «валовом щете» военные решили учесть «стоимость» набранных солдат, навсегда оторванных от своих хозяйств: «За собранных в 1754, 56, 57, 58 и в нынешнем 1759 годах рекрут 231 644 человека положить за каждого только по 60 руб., то зделает за всех 13 898 640». Выходило, что все военные расходы за 1756–1759 гг. составили сумму в 43 409 842 руб. 44 коп.³⁷

Нам не удалось пока обнаружить аналогичные сделанным за 1756–1759 гг. подсчеты военных расходов за 1760–1761 гг. Однако можно полагать, что они существенно не отличались, поскольку рассчитывались по «образцу» прошлых лет. Так на 1760 г. был запланирован 1 млн. руб. из винных и соляных денег (как и на 1761 г.), 784 021 руб. из подушной подати, «жалованная сумма» провиантских и «комиссариатских» расходов в размере 1 465 728 руб. (как и в 1759 г.)³⁸. Точно так же деньги собирались в отдельных кассах и в срок не поступали. Сенат 28 июля 1760 г. констатировал, что «назначено к отпуску из Главного комиссариата из подушного сбора 500 тыс. руб., из Камер-коллегии и ея конторы винных денег 150 тыс. руб. да из соляных денег 350 тыс. руб., и рапортами показано: 1-м от сего июля от 4 от обер кригс комиссара Мерлина, что в то число из винных денег вся 150 тыс. руб. сумма получена, а из комиссариата еще только 100 тыс. руб.; 2-м июля же

от 25 из Санкт-Петербургской соляной конторы 60 тыс. руб. Итого 310 тыс. руб., и их оных 280 тыс. руб. к заграничной армии (как ныне справкою из комиссии помянутого Мерлина показано) чрез векселя иностранных купцов переведены, а 20 тыс. руб. из здешней Соляной конторы принимаются»³⁹.

О полученных деньгах и сделанных в 1761 г. расходах докладывал в ноябре того же года командующий действующей армией А. Б. Бутурлин. Из отпущенных на армию «сверх комиссариатской суммы и провианта» 2 933 244 руб. (сюда входили средства от переделки медных денег, австрийская субсидия и контрибуция с Берлина) он получил 2 150 461 руб., в то время как расходы составляют 2 269 818 руб. Из определенной же на год «комиссариатской суммы» в размере 1 627 827 руб. в армию прибыло 1 180 805 руб. и еще 575 722 руб. «заимообразно истребованы»⁴⁰; «в росходе» же оказалось 1 678 453 руб.⁴¹ Получается, что при ожидаемых поступлениях в размере 5 136 793 руб. налицо получено 3 966 988 руб., а потрачено – 3 948 271 руб. При этом, как и раньше, «ассигнованные» суммы вовремя не поступали: в 1760 г. «не дослано» было 300 000 руб., и в следующем году генерал-прокурор Я. П. Шаховской жаловался, что не мог отправить к армии всей положенной суммы⁴².

Разумеется, указанные Бутурлиным примерно 5 млн. руб. денежных поступлений подразумевают доставленную к армии наличность без учета сделанных в самой России расходов – на ту же артиллерию или на провиант. Последний отчасти заготавливался на месте – в Польше и Восточной Пруссии; значительная его доля поступала все же из России по подрядам Главного комиссариата, а затем на рижских, голландских, шведских, датских и голштинских судах доставлялась морем. Обер-штер-кригс-комиссар генерал-майор Д. А. Мерлин весной и летом 1759 г. подавал в Сенат недельные ведомости о доставке в Кенигсберг муки, крупы и овса⁴³. Провианта было заготовлено достаточно, однако надо учитывать, что «транспорты» (обозы) с ним вовремя к войскам не поспевали (тогда армейские командиры проводили «реквизиции» у населения) или захватывались неприятелем, как это случилось летом 1761 г., когда прусский отряд генерала Кноблоха разгромил обоз бригадира Гавриила Черепова с 1 000 четвертями муки и уничтожил магазин в Познани⁴⁴.

Как нам представляется, расходы на действующую за границей армию в 1760 и 1761 гг. едва ли могли быть меньше сделанных

(согласно последней «генеральной ведомости») в 1758 и 1759 гг. – соответственно 6 454 368 и 6 664 480 руб. (подсчеты наши. – *И. К.*) Таким образом, если не брать в расчет предложенную Военной коллегией стоимость «человеческого материала», то к итоговой сенатской сумме в 30 915 865 руб. следует добавить еще не менее 13 млн. руб. за 1760–1761 гг. – и в итоге получится те же 43 млн. руб. общих военных расходов страны.

Примерно в тех же объемах предполагал финансовое бремя и М. И. Воронцов; в своем «рассуждении» от 10 ноября 1760 г. он указывал, что к этому времени «в сию войну уже слишком 40 миллионов рублей истрачено», за вычетом ежегодных расходов на содержание армии контрибуций и австрийской субсидии⁴⁵. Эта оценка в принципе не противоречит подсчетам военных и данным «генеральной ведомости» (хотя и превышает их) о выделении на военные действия более четырех миллионов рублей в год сверх обычных расходов на армию.

Верхней «планкой» военных трат можно считать сумму в 60 млн. руб. – эта цифра содержалась в составленном в конце 1760 г. проекте инструкции российским дипломатам Г. К. Кейзерлингу и П. Г. Чернышову, которые должны были отправиться на так и не состоявшийся мирный конгресс в Аугсбурге⁴⁶. Соответствующие ей расчеты нам неизвестны, так что, скорее всего, внушительная сумма призвана была подкрепить позиции российских представителей: они должны были добиваться оставления Восточной Пруссии за Россией; но при отсутствии поддержки со стороны союзников имели право предложить ее возвращение Фридриху II за 12 млн. талеров.

Последние годы войны могли только усилить миролюбие канцлера. Кампании 1760 и 1761 гг. оказались в стратегическом плане проигранными: союзные войска не смогли ни дать решающее сражение Фридриху II, ни захватить главные крепости Силезии. В конце 1761 г. на донесении русского посла из Парижа о необходимости еще одной военной кампании Воронцов написал свое мнение о необходимости «великие суммы денег в наличии иметь, которых теперь в казне совсем нет», и не видел способа, «каким образом возможно будет с пользою и начало будущей кампании учинить». О недостатке на «самонужнейшие отпуски» суммы в два с половиной миллиона руб. докладывала в августе 1761 г. и Штатс-канцлер⁴⁷. Солдатам и офицерам вовремя не выплачивалось жалование, а фуражиры не могли платить наличными и оставляли

обывателям расписки – в июне 1762 г. генерал-прокурор А. И. Глебов докладывал императору, что армия еще не получала денег за сентябрьскую треть 1761 г.⁴⁸

Попытки французской дипломатии склонить к миру Россию оказались напрасными. М. И. Воронцов, несмотря на обещанные ему 800 тыс. ливров, передал, что не может воздействовать на императрицу и ее окружение⁴⁹. Елизавета была намерена продолжать борьбу «со всею силою и ревностию». Конференция предложила отказаться от бесплодных маршей в Силезию и действовать на другом театре – в Померании и Мекленбурге⁵⁰. В ноябре 1761 г. был намечен «план операций на будущую 1762 году кампанию»⁵¹. На его основе были направлены указы в Военную коллегия и Сенат о доукомплектовании действующих войск, о заготовке провианта на 100 000 чел., о новом рекрутском наборе и закупке для армии 7 000 лошадей. В середине декабря Сенат рассчитал предстоявшие расходы на жалование и провиант, нашел их меньшими, чем в 1761 г. и полагал возможным покрыть эти издержки за счет доходов от продажи вина и соли и «прибавочных» денег с черносошных крестьян⁵². Таким образом, Россия, несмотря на все трудности, готовилась к продолжению войны в рамках союзнических обязательств; к началу 1762 г. заграничная армия вместе с гарнизонами и иррегулярными частями составляла внушительную силу – 123 889 чел.

Но 25 декабря 1761 г. Елизавета умерла. На престол вступил Петр III, который противостояние с Пруссией считал принципиально ошибочным. Военные действия прекратились; формальное перемирие было подписано 5 марта 1762 г., и на этом война для России была закончена. По подписанному 24 апреля 1762 г. договору империя возвращала все захваченные территории и, кроме того, направляла на помощь королю русский корпус З. Г. Чернышева. Союзники же получили декларацию императора от 8 февраля 1762 г. с отказом от «тягостных» обязательств по отношению к ним и о намерении заключить мир даже ценой потери всех «приобретений»⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник РИО. Т. 136. С. 54.

² См.: *Eldon C. W.* England's subsidy policy towards the continent during the Seven years' war. Philadelphia, 1938. P. 111, 131–132.

³ См.: *Короткова А. В.* Французская дипломатия накануне и в

начальный период Семилетней войны (1755–1758): Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 2003. С. 26.

⁴ См.: *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1874. Т. 1. С. 226. Франко-австрийский договор 1 мая 1757 г. подтверждал права Австрии на Силезию и Глац; Франция же получала от австрийцев часть Нидерландов с портами Ньюпорт и Остенде. Во время переговоров о заключении русско-австрийской конвенции императрица Мария-Терезия воспротивилась российской «декларации» об «обмене» Восточной Пруссии на Курляндию (см.: *Щепкин Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758 гг.: исследование по данным Венского и Копенгагенского архивов. СПб., 1902. С. 431, 624–625).

⁵ Цит. по: *Черкасов П. П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762. М., 2010. С. 229.

⁶ См.: Там же. С. 267–276.

⁷ См.: *Щебальский П. К.* Политическая система Петра III. М., 1870. Приложение. С. 24.

⁸ См.: *Коробков Н. М.* Семилетняя война (действия России в 1756–1762 гг.). М., 1940. С. 160–162.

⁹ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 22 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 12. С. 511.

¹⁰ Сенатский архив. СПб., 1904. Т. 11. С. 51, 61.

¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 42. Кн. 3594. Л. 159.

¹² Сенатский архив. СПб., 1907. Т. 12. С. 25.

¹³ См.: Архив князя Воронцова. М., 1873. Кн. 6. С. 374.

¹⁴ Сенатский архив. Т. 11. С. 396–397.

¹⁵ Там же. Т. 12. С. 27–29, 138.

¹⁶ Там же. С. 12. Всего же в 1761 г. к армии «натурою» было доставлено 400 000 руб. (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 681. Л. 6).

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1079. Л. 240, 242, 243, 251.

¹⁸ Там же. Д. 745. Л. 8–20.

¹⁹ Там же. Л. 29–40 об., 52.

²⁰ Сенатский архив. Т. 11. С. 145–146.

²¹ Там же. С. 155.

²² Там же. С. 169. Согласно документам Военной коллегии, эта «генеральная ведомость» была получена «при указе от 17 сего ноября» того же 1759 г. (РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 200. Л. 1). Ведомость находится в том же деле, что и предыдущие (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 745. Л. 96–96 об.); она публикуется полностью. Этот документ был известен С. М. Троицкому, но в своей работе он не раскрывал содержащихся в нем цифр и в ссылке

неверно указал 22-ю опись вместо 113-й (см.: *Троицкий С. М.* Финансовая политика российского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 231).

²³ Сенатский архив. Т. 11. С. 82–83.

²⁴ Там же. С. 349, 367.

²⁵ Там же. С. 171–173, 182–183, 373–374.

²⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 3425. Л. 19–19 об., 22 об.–23.

²⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1093. Л. 1–6 об.

²⁸ *Троицкий С. М.* Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 197.

²⁹ ПСЗ–1. Т. 14. № 10547. С. 557–561.

³⁰ В ведомости, направленной 22 мая 1762 г. в Секретную экспедицию Сената, отмечено получение от Эстергази 1 млн. руб. в 1757 г., 500 тыс. руб. в 1758 г., 1 млн. в 1759 г., 1 млн. в 1760 г. и 500 тыс. в 1761 г. Общая же сумма указана в размере 4,5 млн. руб., что не соответствует подсчетам; возможно, что получение денег за вторую половину 1758 г. в тексте пропущено. Далее указано, что в 1761 г. командующий корпусом генерал-лейтенант граф Г. П. Чернышев получил еще 400 тыс. руб. Если верить итоговой сумме в 4,5 млн., то всего Россия получила 4 млн. 900 тыс. «субсидных денег». См.: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 255. Л. 1–4.

³¹ См.: *Троицкий С. М.* Указ. соч. С. 209.

³² Сенатский архив. Т. 11. С. 429; ПСЗ–1. Т. 15. № 11120. С. 529–531.

³³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1111. Л. 181. Эти деньги по решению Сената тратились на доставку провианта в армейские магазины на Висле (Сенатский архив. Т. 12. С. 113). С 1761 г. с Восточной Пруссии стали собираться еще и деньги вместо рекрутов, набор которых был признан нецелесообразным. Тот же Н. А. Корф полагал, что новобранцы-пруссак, «не обывкнув жить и питаться по-русски, частью помрут, а другие, в разлучении от родственников своих и не разумея русского языка, сколь бы крепко ни были стережены, напоследок разбегутся» (цит. по: Архив князя Воронцова. М., 1873). Кн. 6. С. 441. В 1761 г. собранные по этой статье 160 735 талеров были отправлены в армию (Сенатский архив. Т. 12. С. 113).

³⁴ РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. Д. 254. Л. 18. Пожалованная Елизаветой тысяча пудов представляла собой примерно четырехлетние поступления серебра с Колывано-Воскресенских заводов (см.: 200-летие Кабинета его императорского величества. СПб., 1911. С. 334).

³⁵ Сенатский архив. Т. 12. С. 20. П. С. Салтыков обладал «полной мочью» заключать договоры с банкиром Риокуром (Архив князя Воронцова. М., 1873. Кн. 6. С. 374).

³⁶ РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–4.

³⁷ Там же. Л. 1. Очевидно, военные чиновники посчитали всех «запланированных» рекрутов. Данные Сената говорят о том, что их было несколько меньше. Так по набору 1757 г. (1 чел. со 194 «душ») требовалось собрать 30 425 чел. На деле было собрано 29 143 чел., а «приведено» в полки и того меньше – 25 402 чел. Набор 1758 г. (1 чел. со 116 «душ») должен был дать 50 276 чел.; собрано же было к февралю 1759 г. 44 443 чел.; «наряд» на 1759 г. (1 чел. со 128 «душ») в размере 50 000 чел. собрал к декабрю 49 236 чел. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1081. Л. 25 об., 43, 46, 74).

³⁸ Сенатский архив. Т. 11. С. 172; Т. 12. С. 3.

³⁹ Там же. Т. 11. С. 401–402.

⁴⁰ Под такими «займами» можно, кажется, подразумевать заимствования из соляных доходов; во всяком случае, в феврале 1761 г. Сенат принял из Соляной конторы 450 000 руб., которые по «именному повелению» императрицы должен был непременно вернуть в мае – о чем сенаторы указом от 23 марта 1761 г. напоминали Военной коллегии (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. №681. Л. 10–11).

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1111. Л. 206–209. Как следует из другого сенатского документа, к 5 декабря 1761 г. к Бутурлину было отправлено 2 573 428 руб. 29 коп. (РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1079. Л. 248).

⁴² См.: *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1891. Вып. 3. С. 412–413.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1553. Ч. 1. Л. 90–91 и далее.

⁴⁴ См.: *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. С. 461, 464.

⁴⁵ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. 4. С. 176.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 29. Л. 58 об.

⁴⁷ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 591, 608.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 203. Оп. 1. Д. 1. Л. 208.

⁴⁹ См.: *Oliva L.* Op. cit. P. 179, 182.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. Д. 253. Л. 21–27.

⁵¹ Сам этот документ в белом тексте протоколов Конференции отсутствует, хотя и значится в оглавлении книги (см.: РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 24. Л. 4).

⁵² РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 24. Л. 133а, 201об.– 202, 203–204, 206 об.; Сенатский архив. Т. 12. С. 108–110; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1111. Л. 218, 226–227.

⁵³ АВПРИ. Ф. 53. Оп. 53/1. 1762. Д. 2. Л. 19; *Мартенс Ф.* Указ. соч. С. 308.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ВЕДОМОСТЬ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ РОССИИ В СЕНТЯБРЕ 1756–1759 ГГ.
[1759 Г., НЕ ПОЗДНЕЕ НОЯБРЯ 17]

/л. 96/

Генеральная ведомость, сколько по случаю н[ы]нешней войны денежной казны на воинския, касающиеся до состоящей за границею армии, також на вооружения флота и отправление артиллерии как на настоящая окладная, так и на чрезвычайныя расходы в нижеписанных годах употреблено.					
	в 1756 ^м	в 1757 ^м	в 1758 ^м	в 1759 ^м	Итого
Настоящей окладной На армию	на сентябрь-скую треть				
На жалованье	658110 ру[блей] 87 ко[пеек] ³ / ₄	2 ми[ллиона] 030876 ру[блей] 61 ко[пейка] ¹ / ₂	1 ми[ллион] 541470 ру[блей] 88 ко[пеек]	1 ми[ллион] 465728 ру[блей] 18 ко[пеек]	5 ми[ллионов] 696186 ру[блей] 55 ко[пеек] ¹ / ₄
На провиант	378165 ру[блей] 66 ко[пеек] ¹ / ₂	1 ми[ллион] 134497 ру[блей]	784021 ру[блей] 77 ко[пеек] ¹ / ₂	904386 ру[блей] 77 ко[пеек] ¹ / ₂	3 ми[ллиона] 201071 ру[блей] 21 ко[пейка] ¹ / ₂
На мундир и амуницию	—»—	—»—	с 1758	и до 1761 годов	Сверх же того и в прочих местах на отправление артиллерии были расходы, как в артиллерийской ведомости показано, токмо репортов нет и о том подтверждено. И как присланы, то из оных ведомость в Сенат подана будет.
На вооружения флота	—»—	Во всех	трех	годах	
На артиллерию	Во всех	оных	год	ех	
Итого	1 ми[ллион] 036276 ру[блей] 54 ко[пейки] ¹ / ₄	3 ми[ллиона] 165373 ру[блей] 61 ко[пейка] ¹ / ₂	2 ми[ллиона] 325492 ру[блей] 65 ¹ / ₂	2 ми[ллиона] 370114 ру[блей] 95 ко[пеек] ¹ / ₂	10 ми[ллионов] 680589 ру[блей] 47 ко[пеек] ¹ / ₄

Цена побед: Семилетняя война и финансы России

Сверх оной на- стоящей на чрез- вычайные рос- ходы							
На армию							
От Конференции	—»—	1 ми[лли- он] 000000 ру[блей]	1 ми[лли- он] 095000 ру[блей]	1 ми[лли- он] 000000 ру[блей]	3 ми[ллиона] 095000 ру[блей]		
Из воинской сум- мы	1 ми[лли- он] 235947 ру[блей] 67 ко[пеек] $\frac{3}{4}$	91118 ру[блей] 27 ко[пеек]	510755 44 ко[пейки]	—»—	1 ми[ллион] 837821 ру[блей] 38 копеек $\frac{3}{4}$		
Из винных и со- ляных новополо- женных д[е]н[е]г; из штатских и из других доходов	21401 ру[блей] 99 ко[пеек]	1 ми[лли- он] 475197 ру[блей] 68 ко[пеек] $\frac{3}{4}$	2 ми[лли- он] 381191 ру[блей] 37 ко[пеек]	2 ми[лли- он] 503540 ру[блей] 13 ко[пеек] $\frac{1}{2}$	6 ми[ллионов] 581331 ру[бль] 18 ко[пеек] $\frac{1}{4}$		
В 500000-ю сумму отправлено к ге- нералу фельдмар- шалу Апраксину и в Ригу в его диспозицию из разных сумм	—»—	415138 ру[блей] 13 ко[пеек] $\frac{3}{4}$	—»—	—»—	415138 ру[блей] 13 ко[пеек] $\frac{3}{4}$		

/л. 96 об./

	в 1756 ^м —»—	в 1757 ^м Во всех	в 1758 ^м трех	в 1759 ^м годах	Итого	Сверх же того в ведомости из Адмиралтейства об[ъ]явлено, что кроме оных расходов от штормов раз-было один ка-ра-бль и друтия суда и галеры, таже происхо-дили мно-гия починки, и на то немало излиш-них расходов было, токмо тех расходов вскоре изчислить невоз-можно.
На формированной корпус из во-инской и изысканной для оно-го от пределу медных денег сумм и ис прот-чих доходов —»—	—»—	Во всех	оных	же годов	331765 13 ко[пеек] ³ / ₄	
На вооружения флота —»—	—»—	Во всех				
На артилерию —»—	Во всех	он	ых	годах	901922 ру[блей] 36 ко[пеек]	
На армию мундирных и амму-ничных вещей	—»—	—»—	с 1758	по 1761 ^м год	1 ми[ллион] 136223 ру[блей] 66 ко[пеек] ¹ / ₂	
Пожалованным по имянному указу обретающимся за грани-цею генералитету и полкам не в зачет на одну треть из контрибу-ционных собирающихся в Прус-сии денег	—»—	—»—	—»—	486974 11 ко[пеек] ¹ / ₂	486974 11 ко[пеек] ¹ / ₂	

Драгунских лошадей в 1756 ^а году собрано 10000 по цене на	305000	—»—	—»—	—»—	—»—	305000 руб[блей]	
Да сверх того всего на чрезвычайные разныя расходы употреблено —»—	323118 ру[блей] 90 ко[пей- ек] ½	95129 24 ко[пей- ки] ¼	141929 19 ко[пеек] ¼	303845 83 ко[пейки] ¾	864023 руб[блей] 17 ко[пеек] ¾		
Итого	2 ми[ллиона] 085468 ру[блей] 57 ко[пей- ек] ¼	3 ми[ллиона] 076583 33 ко[пей- ки] ¾	4 ми[ллиона] 128876 руб[блей] ¼ ко[пейки]	4 ми[ллиона] 294360 8 ко[пеек] ¾	20 ми[ллионов] 235276 руб[блей] 35 ко[пеек] ½		
Всего всех расходов	—»—	—»—	—»—	—»—	30 ми[ллионов] 915865 руб[блей] 82 ко[пейки] ¾		

Протоколист Борис Сахаров

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 745. Л. 96–96 об. Подлинник.

Ф.-Д. Лиштенан

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА: ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ У ВЛАСТИ

Характерной особенностью истории России в эпоху Просвещения является почти непрерывная череда женских царствований, продлившихся в общей сложности около семидесяти лет и обусловивших специфику российской политической системы того времени. Учитывая также все периоды женских регентств, в России представительницы «слабого пола» оказывались на вершине государственной иерархии чаще, чем в европейских странах. До середины XVII в. изображение женщин у власти следовало художественным канонам, вдохновленным религиозным искусством. В строгих платьях и слабо проработанных чертах лиц государынь было бы трудно угадать признаки их влиятельного положения. Начиная с эпохи Петра I, в изображениях царствующих особ стали постепенно проникать принципы европейского парадного портрета. Однако лица императриц, написанные английскими, итальянскими или немецкими художниками, сохраняли (за редкими исключениями) почти «мужскую» жесткость. Панегирическая литература также отражала эту тенденцию: например, формулы «император Екатерина» или «просвещенный деспот» образовывали набор комплиментов, отсылающих к гению великой императрицы, которая думала, поступала и правила как «великий муж»¹. Та же Екатерина была персонажем памфлетов и карикатур, высмеивавших – особенно интенсивно после 1789 г. – женщину во главе государства.

Тем не менее, среди четырех российских монахинь XVIII в. было одно важное исключение – императрица Елизавета Петровна. Ее двадцатилетнее царствование можно рассматривать как попыт-

ку решить проблему репрезентации женщины у власти. Будучи рожденной вне брака, от матери низкого происхождения, Елизавета стремилась достигнуть признания со стороны европейских держав. Она придавала первостепенное значение не только созданию собственного образа, но и выработке особого придворного протокола, отличавшегося исключительной сложностью. Дочь Петра Великого во многом изменила бытовавшие представления о роли государыни. Вопреки распространенному мифу о ее бездеятельности, она принимала активное участие в государственных делах. Елизавета, чья личная жизнь свидетельствовала о некотором раскрепощении нравов, опубликовала серию указов в пользу женщин, ее «сестер»². Покровительница искусств, увековеченная в этом образе художником Л.-Ж.-Ф. Лагрене, она уделяла особое внимание музыке и театру³. Именно эта не слишком хорошо образованная государыня дала импульс к реформированию образовательной системы и в 1755 г. основала первый российский университет. Также по ее приказу началась работа над новым сводом законов и – к немалому удивлению современников – фактически была отменена смертная казнь⁴. Вместе с тем до нас почти не дошли письменные высказывания монархини от первого лица. Ее царствование, запечатленное в многочисленных записках путешественников и дипломатических донесениях, никогда не было предметом философских или политических дискуссий, в которых поднимались бы вопросы об особенностях женского правления и о способах его легитимации⁵.

В связи с этим наш анализ должен опираться на дополнительные материалы, свидетельствующие о подлинном стремлении Елизаветы Петровны воплотить в своем образе монархиню, императрицу, а при определенных обстоятельствах – и копировать «мужскую» модель самодержца. Комплексный подход, основанный на разнородных источниках, позволяет восстановить процесс и методы создания такого образа. Так, для решения поставленной задачи, будут задействованы следующие материалы: во-первых, это живописные и скульптурные портреты и гравюры, несущие в себе целый арсенал символики; во-вторых, придворный церемониал и актуализирующие его праздники и памятные даты; в-третьих, механизмы цензуры и контроля гражданского общества. Эта русская особенность должна была найти свое отражение в донесениях иностранных дипломатов, которые стремились передать представление о роли и масштабе наследницы Петра Великого и его жены Екатерины, воспетой французскими философами под именем

Северной Семирамиды. Репрезентация стала для Елизаветы делом государственной важности, и чтобы лучше понять, насколько императрица была чувствительна к этому щекотливому вопросу, мы обратимся к переписке представителей союзных и враждебных держав эпохи двух конфликтов: войны за австрийское наследство (1740–1748 гг.) и Семилетней войны (1756–1763 гг.). Дипломатические послания и реляции состояли из зашифрованных и нешифрованных фрагментов. Последние, как правило, были посвящены описанию праздников, церемоний и приемов, на которых время и место явления императрицы были тщательно продуманы. Шифры же приходилось постоянно менять – существование перлюстрации ни для кого не было секретом. Русские также находились под контролем цензуры и надзором Тайной канцелярии⁶. Задачей последней являлось предотвращение преступлений против величества, которые в царствование Елизаветы стали фиксироваться с особой частотой. Механизмы запрета, реконструированные с помощью данных источников, дают лучшее представление об условиях репрезентации женской власти, чем анализ агиографических текстов, сознательно не принимаемых во внимание в нашей работе.

ИЗОБРАЖЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ

Три почти идентичных портрета регентши Софьи Алексеевны (ок. 1687–1689 гг.) позволяют установить точку отсчета в эволюции изобразительного искусства в России в целом и изображения женщины на вершине властной иерархии в частности⁷. На них царевна облачена в традиционный костюм – строгое платье, украшенное драгоценными камнями, которое лишь немногим отличается от одеяния ее сводных братьев. На ее плечи указывают только длинные густые волосы и серьги. Лицо выражает замкнутость и вместе с тяжелым взглядом воплощает воинственную решимость. Эти официальные портреты послужили основой для серии гравюр, изображающих регентшу на фоне двуглавого орла в окружении семи добродетелей (илл. 1). На голове ее массивная корона, а в руках она держит скипетр и державу – легкоузнаваемые символы монаршей власти. Софья Алексеевна первой из российских правителей стала применять гравюру в целях политической пропаганды. В период регентства этот вид графического искусства превратился в особый инструмент, которым Софья умело пользовалась в борь-

бе за узаконивание своей позиции по отношению к братьям. Ее изображения распространялись среди широких слоев населения, в частности, в кругу военных, готовя народ к возможному захвату трона... женщиной. Эти первые портреты отличаются от прочих манерой исполнения и узнаваемыми чертами лица, однако в изображении тела царицы еще прослеживается влияние традиционной живописи, руководствовавшейся религиозными канонами⁸.

Портреты Екатерины I и Анны Иоанновны свидетельствуют о важном сдвиге: в костюмах императриц наблюдается воздействие западной моды, в данном случае немецкой. Однако выражение лица монархинь остается застывшим и подавляющим, а их взгляд кажется неподвижным. В толстой шее и широких плечах заключена мужская сила, которая создает впечатление трансгендерности и в то же время выдает страх обнаружить женское изящество, не приставшее правителю. Еще одна деталь представляется нам значимой: кисти рук персонажей либо сжаты, либо не видны (илл. 2, 3). На известном портрете Анны Иоанновны, написанном в 1730 г. Л. Караваком, расположение императорских регалий приобретает особую символическую нагрузку. Правой рукой императрица держит скипетр словно оружие, а другой опирается на державу, слегка вдавливая ее в бархатную подушку. Громоздкая корона нарушает пропорции ее фигуры, делая голову слишком «тяжелой», а правильные складки коронационного платья дополняют суровый образ самодержицы. В этих официальных портретах отсутствует жизнь – подобно изваянию, монархиня остается неприступной и лишенной выразительности.

Сразу после публикации гравюры И. Штенглина с первого официального портрета Елизаветы, написанного тем же Караваком, Елизавета приказала издать тираж. Несмотря на более открытое выражение лица, ее поза на этом портрете напоминает позу Анны (илл. 4). Двадцать лет дочь Петра проведет в ожидании отвечающего ее вкусу портрета, широкое распространение которого она пожелала бы одобрить. Елизавета была озабочена поиском новой эстетики изображения власти, которая отличала бы ее и от предшественников, и от единственной венценосной соперницы – Марии Терезии Австрийской, чье могущество было сопоставимо с ее собственным.

Так, при работе над портретом, особое внимание уделялось выбору цвету костюма. Чаще всего императрица отдавала предпочтение светлым, пастельным тонам. В этом плане образцовым

является полотно кисти Ш. Ван Лоо. Изобилие кружев и блеск драгоценностей наполняют его картину светом, который отражается в ниспадающих складках золотистого платья императрицы. Кисти рук составляют часть ее образа – слегка согнутые пальцы играют, демонстрируя уверенную женственность. Подражая отцу на портретах периода его зрелости, Елизавета позирует без скипетра и державы: они расположены либо перед ней, либо за ней (илл. 5). Корона же на таких картинах уменьшена до размеров диадемы. Привычные символы самодержавия и преемственности уходят на второй план, уступая место образу императрицы, тело которой становится единственной метафорой власти. Отсылками к Петру изобилует портрет, выполненный А. П. Антроповым, где Елизавета указывает рукой на основание бюста своего отца. Образует связь между державой, скипетром и реформатором, оно символизирует новую Россию, над которой возвышается покойный император. На одном из редких изображений Елизаветы со скипетром в руке, она держит его не вертикально, подобно оружию (в стиле Анны Иоанновны), а горизонтально, как веер (илл. 6). Держава при этом покоится рядом с ней на столе. Несмотря на некоторую дородность фигуры, императрица изображена в пышном, струящемся свободными складками платье, лиф которого подчеркивает ее изящный стан. Ее левая рука упирается в бедро, и от этого кажется, что Елизавета приглашает на танец. Желая вопреки протоколу быть ближе к своим подданным, государыня охотно представала без регалий, в простом костюме и почти без драгоценностей.

Будучи прекрасной наездницей, дочь Петра Великого любила позировать верхом. На одном из таких портретов она изображена в парадном платье, сидящей в седле *en amazone*, боком. Скипетр в ее руке похож на стек, которым она как будто указывает направление движения (илл. 7). Ведя свой народ к славному будущему, Елизавета при этом остается строгим судьей, готовым наказать того, кто откажется следовать за ней по пути ее отца. На другой картине императрица восседает на белом коне, чья гладко расчесанная грива грациозно колышется в ритм его поступи (илл. 8). Елизавета облачена в мундир Преображенского полка – того самого, что возвел ее на трон в 1741 г. Вместо драгоценностей на ней красуется орден Андрея Первозванного – высшая награда Империи. Государыня изображена с молодым арапом, лицо которого плохо различимо из-за богатства его красно-зеленого костюма, расшитого золотом. Его головной убор украшает ослепительно белое перо, которое ко-

лышется на ветру. Конь и арап находятся в движении; слуга пытается поспеть за скакуном императрицы. Уверенно держась в седле, Елизавета властно возвышается и над земным, и над морским пространствами картины. Несмотря на мужской костюм, ее женственность остается явной благодаря движению пальцев и изящной посадке головы. В выражении лица императрицы видится улыбка, а взгляд излучает мягкость, воспетую ее почитателями⁹.

Л. Токе был последним художником, взявшимся живописать Елизавету. Людовик XV, стремясь скрепить франко-русский союз против Фридриха II, соизволил уступить портретиста своей «сестре» в 1759 г. Польщенная императрица терпеливо позировала часами, однако в очередной раз была крайне сдержанна в оценке результата, считая, что работам Токе не хватало сходства (илл. 9). На этот раз нос показался ей несимметричным, слишком маленьким и слишком круглым, и она потребовала переписать портрет, сделав ее профиль орлиным¹⁰.

Эпизод с картиной французского мастера свидетельствует о формировании принципиально нового атрибута властной символики, напоминавшего об античной эстетике. К упомянутому арсеналу признаков женственности следует добавить великолепное исполнение рамок картин и контуров гравюр, обрамляющих портреты Елизаветы (илл. 5, 12). Зачастую они украшены цветочным орнаментом, со светлыми розами или подсолнухами, символизирующими свет и радость жизни. Желание дочери Петра предстать в образе звезды или солнца (по очевидной параллели с Людовиком XIV) воплощено также в придворном церемониале, разыгрывавшемся в окружении особых архитектурных форм. Характерный голубой цвет Смольного монастыря, Царского села или Нового Иерусалима напоминает бесконечное пространство, в котором императрица восходит подобно небесному светилу – символу жизни и вечности.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЛАСТИ

Кортеж из императорских экипажей, доставлявший гостей к парадной лестнице Зимнего дворца, и прохождение бесконечных покоев в сопровождении церемониймейстера и камер-юнкера по пути в Тронный зал не были самым страшным испытанием для иностранных дипломатов в России¹¹. Представая перед императ-

рицей, которая принимала их как богиня – с милостивой, но непроницаемой улыбкой, – иноземные посланники и придворные должны были быть одеты по последней моде и ни в коем случае не являться в уже надетом однажды платье. Настроение государыни, всегда сопровождаемой канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым и вице-канцлером М. И. Воронцовым, легко менялось, и любая мелочь могла повлиять на будущее дипломатических отношений. Представив свою верительную грамоту, дипломат должен был покинуть Тронный зал, не поворачиваясь к императрице спиной и предварительно сделав три поклона. Затем он проходил в комнату ожидания, а оттуда – на аудиенцию к великому князю и великой княгине¹². Это новое испытание требовало от него особой ловкости. Оставаться слишком долго в покоях Их Высочеств, которых в конце 1750-х гг. Елизавета подумывала лишить короны, было рискованно и могло повредить положению дипломата при дворе. С другой стороны, здоровье императрицы было сильно расшатано невозддержанной жизнью, и она могла скоростижно скончаться. Зная о вспыльчивом характере Петра Федоровича, не оказать наследникам короны достаточного почтения было тоже опасно. Великий князь выжидал момента, чтобы разрушить систему альянсов, объединявшую Францию, Австрию и Россию, и обратиться к своему кумиру Фридриху II. Мытарства посла не заканчивались обменом любезностями с великим князем и его супругой. Перед тем, как ретироваться, дипломат должен был соблюсти обязательную повинность – заглянуть в комнату фрейлин и занять дам беседой, а затем предстать перед фаворитами и российскими министрами. Наперсники и приближенные Елизаветы были второй властью при императорском дворе, и никто не мог ими пренебречь¹³. Они передавали императрице каждое слово и судили о достоинствах вновь прибывшего, оценивая его одежду, манеры и беседу.

Аудиенции превращались в кошмар, когда их назначали в загородных резиденциях императрицы. В своем письме от 2 августа 1756 г. маркиз де Лопиталь, дипломатический представитель Людовика XV, рассказывает о том, как проходили приемные дни в Петергофе. Надо сказать, что послание это не было зашифровано, а значит, российские власти могли ознакомиться с его содержимым. Так, маркиз пишет, что уже дорога из столицы до замка изматывает путешественного в карете. При этом он замечает, что при сухой погоде песок покрывает с ног до головы людей и лошадей и засыпается в багаж, и что если идет дождь, то все мокнет и пачкается грязью.

зью. Прибывших путешественников приглашают в комнату, где они могут освежиться и переодеться. Программа вечера открывается в шесть часов прогулкой в парке, где Лопиталь наслаждается красивыми фонтанами и живописным видом на море. В указанный час он в сопровождении австрийского посла Эстергази проходит в дворцовые апартаменты и дивится «бесконечному богатству» позолоты и зеркал. Пройдя через несколько залов, два посла оказываются в соседней с царскими апартаментами и покоем фрейлин комнате. Там, вместе с другими придворными, они ждут выхода Елизаветы. Эстергази и Лопиталь садятся за карточный стол с великим князем Петром и великой княгиней Екатериной, и несчастный француз проигрывает в кадриль большую сумму. Этот внеочередной расход «может повлечь крупные издержки для посольства». Императрица появляется в 9 часов «с помпой и блеском, которые всегда ее сопровождают». Австрийский посол целует ей руку, и маркиз вынужден последовать его примеру, несмотря на то что в Версале этот жест в отношении коронованной особы расценивается как изъятие покорности и, следовательно, не приветствуется. После короткой беседы о новом главе французского внешнеполитического ведомства Бернисе Елизавета удаляется в свои комнаты – поболтать с придворными дамами. Екатерина, Петр и два посланника возвращаются к игре, сопровождаемой концертом вокальной музыки. Страстная картежница, императрица время от времени подходит к их столу, чтобы обменяться с игроками несколькими фразами или оценить ставки¹⁴. Она покидает общество около полуночи, но гостей еще приглашают на поздний ужин, который длится не меньше часа. Когда, наконец, Их Императорские Высочества удаляются в свои покои, Лопиталь может отправиться восвояси – в 6 часов утра, снова выпачкавшись, он прибудет в свою резиденцию. В последней, зашифрованной, части письма маркиз рассказывает, что государыня одолжила Эстергази загородный дом, и добавляет: «Я надеюсь, что Ее Императорское Величество впоследствии окажет мне ту же любезность. В противном случае я мог бы объявить это вопросом этикета и жаловаться на сие отличие»¹⁵. Особенностью елизаветинского двора было существование иерархии, не всегда соответствующей политической конъюнктуре и номинальному равенству положений.

Обязательный поцелуй монаршей руки ставил перед Лопиталем неразрешимую проблему. В глазах Версаля, который придерживался «салического закона», физический контакт с монархиней нарушал правила светского церемониала и ставил под угрозу

взаимоотношения между европейскими государствами. Франция последней из ведущих держав признала императорский титул Елизаветы, а с ним и амбиции ее отца. Ставка была высока: включить новую империю в иерархию европейских государств значило либо отеснить Францию на четвертое место – за Папой и германским и русским императорами, – либо ослабить значение Рима появлением православной державы. Государственная необходимость заставила Людовика XV сдаться в 1744 г., когда союз с Россией был необходим Франции для успешного противостояния Австрии и Англии¹⁶. Церемония целования руки ставила тот же вопрос: если посланник представляет своего короля, может Его Всехристианнейшее Величество склонить голову над рукой правительницы-еретички? Не будет ли подобная учтивость воспринята как знак почтения? *Realpolitik* и намерение Людовика стать союзником России заставляют Лопиталья пойти на вторую большую уступку и последовать обычаю, «принятому всеми послами», коль скоро «он относится к полу» Елизаветы, а не к ее сану¹⁷. В вопросах протокола государыня оставалась непреклонной: любое несоблюдение выработанного ей лично церемониала подвергало угрозе хрупкую систему союзов и могло привести к разрыву дипломатических отношений, как это произошло в 1748 г.

Правила протокола в отношении представителей нехристианских держав были еще сложнее. В 1758 г. турецкий полномочный министр в течение нескольких месяцев отказывался появиться при дворе. Согласно требованиям Елизаветы, он должен был предстать перед ней, поддерживаемый под руки двумя российскими сановниками. Театрализованная необходимость в опоре символизировала неполноценность и даже в некоторой степени инвалидность «магометанского нечестивца». Разумеется, ему был заказан доступ к монаршей руке, так как о непосредственном контакте со священной особой государыни не могло быть и речи¹⁸. Неудивительно, что представитель Константинополя не хотел подвергаться такому унижению и отказывался появиться перед императрицей. После бесконечных переговоров, в которых шевалье д'Эон играл роль посредника, Осман-эфенди наконец согласился опереться правой рукой на статс-секретаря, а левой на офицера, затем трижды поклониться у подножия трона и выйти из зала, не поворачиваясь к императрице спиной и повторяя поклоны¹⁹.

На вечеринках в частных домах, организованных самыми близкими доверенными лицами Елизаветы – А. Г. Разумовским,

И. И. Шуваловым и М. И. Воронцовым – проблем с лобызанием руки монархини не возникало. Поздние ужины во дворцах этих трех вельмож пользовались особым вниманием представителей дипломатического корпуса, ибо государыня любила удивить гостей неожиданным появлением. Свободная от налагаемых этикетом ограничений, она демонстрировала свои предпочтения выбором собеседника или места за столом²⁰. Подобное смешивание, а то и смещение личной и общественной сфер, намеренная двусмысленность в какой-то мере предвещали представительную монархию.

Многочисленные празднества, в частности, маскарады, которые организовывались Елизаветой, также свидетельствуют о двойной игре власти. Прообразом этих увеселений были пародийные шествия, изобретенные Петром I. Балансируя между верой и насмешкой, эти «религиозные» вакханалии воплощали барочное мировоззрение и создавали новый, светский язык, не отрицая при этом Всевышнего. Петр придерживался следующего правила: вином следует приносить обильные жертвы Дионисию, а душой – служить Господу. Во время таких пиршеств царь высмеивал внешние формы богослужения и церковную иерархию, пародируя православных и католических сановников²¹. Елизавета организовывала эти развлечения на свой манер. Не переступая границу между христианством и язычеством, она перемешивала мужское и женское, заставляя придворных и фаворитов наряжаться в кринолин, а фавориток натягивать камзол и кюлот. Современники единодушно утверждали, что государыня была неотразима в мужском костюме, выгодно подчеркивавшем ее безупречные ноги²². Остальных придворных дам переодевание красило мало, а кавалеров – и того меньше. Более того, Елизавета пренебрегала итальянской традицией, которая предписывала носить располагающие к игре и флирту маску или домино. Она желала, чтобы участники маскарада не только не скрывали лица, но и были легко узнаваемы в своих костюмах. Круг интерпретаций смены моделей поведения, жестов и танцевальных движений на противоположные может быть самым широким: от ранней эмансипации до намеренного смешения ролей, которое было на руку прежде всего самой императрице²³. За стремлением к неразличению скрывалась двусмысленность галантных вкусов государыни и амбивалентность ее положения – женщины, занимавшей традиционно «мужскую» должность. Она хотела быть соблазнительной и ей это удавалось даже в мужском костюме. Вместе с тем публичная демонстрация своей «мужской» ипостаси

позволяла Елизавете оказаться как бы «над» своим полом. Это раздвоение личности представляется нам неслучайным²⁴.

САКРАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРЫНИ

Игровые элементы отражают, в действительности, лишь одну из граней императрицы. Будучи наследницей Византии, она заботится о сохранении религиозных традиций и, несмотря на принадлежность к слабому полу, возглавляет свою церковь (илл. 10). Образ женщины во главе церковной иерархии, отстраняющей от должностей епископов и прелатов, не особенно обсуждался современниками Елизаветы, и даже наиболее критически настроенные путешественники, вроде Шапп д'Отроша, оставили эту тему без внимания. Не вызвала она интереса и у современных исследователей. Между тем эта особенность России XVIII в. нуждается в комментарии. Европейская модель, которая допускала частичное отождествление короля с Христом, к российской действительности неприменима, несмотря на то что и здесь императорская символика предполагала участие государя в установлении божественного порядка и артикуляции воли Божьей. На памятной медали, выбитой в честь восшествия Елизаветы на престол, императрица получает корону от Провидения, возникшего из туч, – т. е. Божьей милостью, но и не без помощи верных слуг монарха (илл. 11). Народная воля фигурирует также в первых манифестах, опубликованных после переворота в конце 1741 г.²⁵ На медалях, приуроченных к коронациям предшественниц Елизаветы, наблюдается иная картина. Так, Екатерина I получает императорские регалии из рук своего супруга Петра Великого, а Анну Иоанновну венчают на царство три теологические добродетели: Вера протягивает ей скипетр, Надежда вручает державу, а Любовь держит корону над ее головой. Народ в этих изображениях отсутствует, и божественная воля выражается посредством добродетелей, необходимых для спасения. Согласно изображению на реверсе елизаветинской медали, судьба России и ее народа устраивается с прямым участием Провидения.

Елизавета демонстрировала собственную набожность бесчисленными паломничествами, подчеркнутым благочестием и строжайшим соблюдением поста. Выбор направлений для путешествий, в которых проводила свою жизнь императрица, также был

символичен. Камер-фурьерский и Придворный журналы позволяют определить, что по частоте поездок выделялись Троице-Сергиева и Киево-Печерская Лавры²⁶. Такие путешествия заключают в себе несколько прагматических аспектов. Стремясь к общению со своим народом, императрица нередко могла разделить трапезу жителей местечек и деревень, через которые лежал ее путь. Во время отлучек в провинциальные города, в Москву и в загородные резиденции Елизавету по традиции сопровождала значительная часть двора и дипломатического корпуса. В кризисные моменты – например, когда надо было принять решение об участии в вооруженном конфликте, – путешествие давало императрице возможность отсрочить свой ответ (Елизавета старалась беречь жизни своих подданных). Кроме того, ее кочевничество замедляло письменное сообщение между иностранными министерствами и их послами, невольно пребывающими в постоянных разъездах²⁷. Расходы на поездки и обустройство на новых местах для большинства дипломатов представляли серьезную финансовую проблему. Помимо личных убеждений и желания порой отложить принятие решения, поездки в Троице-Сергиеву Лавру и в Киев позволяли Елизавете объединять вокруг своей особы духовных лиц. Императрица ни в коем случае не собиралась идти наперекор политике отца и восстанавливать патриаршество, однако она старалась поправить положение черного духовенства при помощи пожертвований, подарков, строительных и реставрационных работ²⁸. Таким образом, ее путешествия символизировали слияние православной Московской Руси с новой петровской Россией. Наконец, Елизавета заботилась о сохранении равновесия между двумя основными дворянскими группировками. Свидетельствуя свое уважение к традициям священных мест, она заручалась молчаливой поддержкой боярской олигархии, не теряя при этом доверия служилой знати (илл. 12).

Подобная демонстративная набожность связана также с сакрализацией монарха, которой императрица и ее советчики придали новую форму. Государыня не приравнивала себя к Христу, но, тем не менее, связывала свой образ с божественным, используя православные традиции и не пренебрегая западными моделями. В частности, во Франции уподобление королевы Деве Марии дополняло представление о божественном происхождении монарха, по примеру Христа венчавшегося с Церковью во время коронации²⁹. Признание на Западе догмата о непорочном зачатии (решением папы Сикста IV в 1476 г.) закрепило совершенный образ Марии. В

свою очередь, он стал источником новой поведенческой модели для королевы – безупречной супруги и матери, дающей жизнь наследнику трона. Рождение короля от непорочного идеала само по себе выражало божественную волю. В XVII в., когда «салический закон» получил новое подтверждение, образ короля-Христа наложил глубокий отпечаток на представления о королеве-Богоматери. Она стала посредницей между королем и его подданными и одновременно заступницей людей перед Богом. Иными словами, ее главной миссией оставались защита народа и хранение мира.

Разумеется, эти представления не были чужды и православию, где верующие просили покровительства у Богородицы, обращаясь к ее иконам. Однако живой человек, а тем более женщина, не мог пытаться подражать этой роли, не говоря о том, чтобы претендовать на нее. До петровской эпохи, православие отводило женщине роль хранительницы традиций. Только в XVIII в., особенно после коронации Екатерины I, сложившиеся обстоятельства позволили ей брать на себя самую высокую государственную должность. Но как представительница «слабого пола» могла стать единоличным правителем западного типа и завоевать право войти в семью европейских монархов? Елизавета старалась придать императорскому титулу религиозное наполнение, вдохновляясь двумя традициями. Она единственная из четырех императриц своего столетия не сочеталась официально браком и отказывалась от продолжения рода, или, скорее, сохраняла атмосферу тайны вокруг своего предполагаемого материнства – возможного, но не доказанного. Иначе говоря, Елизавета ассоциировала свой образ с концептом королевы-Богоматери, выработанным на Западе. В то же время, в соответствии с традицией Восточной Церкви, она взяла на себя функции посредницы и хранительницы мира. Таким образом, императрица без мужа и детей оказывалась единственной заступницей своего народа перед Богом. На аверсе медали, выбитой в честь рождения наследника Павла Петровича, изображена Елизавета, а на реверсе – Провидение, которое вручает России долгожданного младенца (илл. 13). Родители ребенка, Екатерина и Петр, на этой медали не изображены – вопрос о престолонаследии находился, таким образом, в ведении Елизаветы и божественной воли. Заметим, что на новой медали, в отличие от медали в честь коронации, надпись была на латыни, что придавало событию международное звучание.

В изображении ликов святых, иконописный закон запрещал всякое сходство с живым человеком. Тем не менее, черты Елизаветы угадываются в ряде икон, мозаик и фресок – в частности, в изображениях св. Анны, ставшей матерью поздно и неожиданно. Имя самой Елизаветы было для эпохи редким и, кстати, отсылало к истории жены Захарии, которая считалась бесплодной, пока не родила – в престарелом возрасте – Иоанна Крестителя. Государыня не сравнивала себя с Богоматерью, однако, получив власть от Бога, она в каком-то смысле выступала в двух ипостасях: ее земное существование подчинялось законам природы, но должность была вручена ей Милостью Божьей³⁰. Таким образом, Елизавета была не только главой своей Церкви, но и посредницей, реальным подтверждением чего являлась модель ее публичного поведения.

Церемониал коронации подкрепляет нашу гипотезу фактами. Анна Иоанновна была первой русской государыней, возведенной на престол для единоличного правления. Она получила позволение пройти через закрытые для мирян царские врата и причаститься у алтаря. Повторив этот жест, Елизавета возвела себя в духовный чин и стала пастырем, ведущим свой благоверный народ к вечной жизни³¹. Она была дочерью боготворимого монарха – «зизждителя России», как назвал его Вольтер, – и одно рождение от легендарного отца наделяло ее исключительными качествами. Отменив смертную казнь, императрица объявила себя защитницей жизни – этот идеологический жест стал, пожалуй, самым успешным за время ее двадцатилетнего царствования. Таким образом, ее правление получало и божественную легитимность. Подобно королеве в западной традиции, Елизавета была посредником в передаче высокой миссии от Петра – его внуку, который при переходе в православие получил имя деда. Образ отца сопровождал государыню повсюду; она, в свою очередь, должна была поручиться за связь между Петром Великим и наследником, который будет царствовать, несмотря на растущие сомнения в его способностях. Добровольно отказавшись от брачных уз и продолжения династии, Елизавета претендовала на непосредственную связь с Богом. Стоявший за ней образ Богоматери приближал императрицу к совершенству. Она единолично осуществляла посредничество между Богом и своим народом, и потому не могла принять узы брака или материнства.

Образ императрицы фигурировал не только на парадных портретах, широко распространяемых медалях и гравюрах или в театрализованных формах церемониала, предназначенных для элит.

Воплощение навязываемого подданным представления можно также усмотреть и в демонстративно-строгой религиозности, и в некоторых иконах и фресках. Анализ документов из фондов Тайной канцелярии за время царствования Елизаветы Петровны³² позволяет выделить ряд констант, формирующих отрицательный портрет женского правления. Слухи, домыслы и шутки, связанные, во-первых, с возможным материнством Елизаветы, а во-вторых – с ее морганатическим браком с Алексеем Разумовским, – классифицировались как преступление против величества. Количество подобных дел в архивах канцелярии не может не удивить исследователя. Эти «преступления» были направлены против религиозной сущности государыни, хранительницы традиций, представительницы и государства, и Церкви и, самое главное, посредницы между человеком и Богом. С точки зрения и веры, и церковной иерархии, подобный образ предполагает одиночество и нематериальность тела. Однако же официальный облик государственного деятеля требовал более четкой прорисовки. В отличие от Марии Терезии, австрийской *Mater Familias*, которая представала в окружении своего супруга и многочисленных отпрысков, Елизавета сознательно отстранялась от традиционных регалий, превращая тем самым свое тело в единственный атрибут императорской власти. Отсылки к восточному христианству переплетались с символикой западного: парадные портреты дополнялись иконами, менее броскими и, в сущности своей, идеальными, не подчиняющимися никаким эстетическим критериям. Эта двойственность, сопровождавшая все царствование Елизаветы, объясняется не столько переходным периодом или культурными колебаниями, сколько намеренным построением системы репрезентации власти, пребывающей между небом и землей, между божественным и человеческим. Намеченное нами здесь описание феномена женского видения власти нуждается в развитии и привлечении сравнительного материала европейских монархий.

Перевод с фр. А. Г. Евстратова, под ред. Ю. С. Корниенко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ode sur le sage gouvernement de Sa Majesté Impériale Catherine II, Impératrice de toutes les Russies // *Mercure de France*. 1778. Janvier. T. 1.

Р. 35–38. Цит. по: *Zaborov P. Catherine II dans la poésie française // Catherine II et l'Europe. Paris, 1997. P. 207.* О екатерининском мифе см. давнюю, но по сей день непревзойденную работу: *Lortholary A. Le Mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris, 1951.*

² О законодательных мерах в пользу женщин см.: *Pushkareva N. Women in Russian History. Londres, 1997. P. 121 suiv.*

³ См.: *Всеволодский-Гернгросс В. Н. Театр в России при императрице Елизавете Петровне. СПб., 2003.* См. также свидетельство Якоба Штелина: *Zur Geschichte des Theaters in Russland // Johann Joseph Haigold's Beylagen zum neuveränderten Russland. Riga, 1769. T. 1; Ejusd. Nachrichten von der Tanzkunst und Balletten in Russland // Ibid. Riga, 1770. T. 2.*

⁴ Это решение вызвало симпатию просвещённых философов и их сторонников, которые усмотрели в нём «торжество прогресса», см.: Стихотворение и письмо парижского адвоката Марешаля, адресованные императрице Елизавете Петровне / Публ. П. П. Черкасова // *Россия и Франция: XVIII–XX века / Отв. ред. П. П. Черкасов. М., 1995. Вып. 1. С. 83–87.* См. также: *Voltaire. Histoire de la Russie // Voltaire. Œuvres historiques. Paris, 1959. P. 413.* Сходные рассуждения см.: *Lacombe J. Histoire des révolutions de l'Empire de Russie. Paris, 1760. P. 380; Wrxall N. Bemerkungen auf einer Reise durch das nördliche Europa, besonders zu Copenhagen, Stockholm und Petersburg. Leipzig, 1776. S. 154; Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques, & des meilleurs historiens de la nation. Paris, 1812. T. 5. P. 92.*

⁵ На сегодняшний день елизаветинская эпоха изучена довольно мало. См. самый общий обзор реформ: *Brennan J. Enlightened Despotism in Russia: The Reign of Elizabeth, 1741–1762. New York; Berne, 1987.* См. также: *Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2009.* Лучшим обобщающим трудом по сей день остается «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева (*Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 11–12*). Среди недавних специальных исследований укажем следующие: *Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 1999; Liechtenhan F.-D. Élisabeth Ire de Russie, l'autre impératrice. Paris, 2007.*

⁶ *Rustemeyer A. Dissens und Ehre, Majestätsverbrechen in Russland (1600–1800). Wiesbaden, 2006. S. 259ff. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte; 29).*

⁷ *Kämpfer F. Das russische Herrscherbild. Recklinghausen, 1978. S. 249.* См. также: *Женский портрет в русском искусстве XII – начала XX века = The Female Portrait in Russian Art (12th – early 20th centuries) / Авт.-сост. Л. В. Мочалов, Н. А. Барабанова. Л., 1974; Medvedkova O. Royauté*

et féminité: l'invention de l'image de l'impératrice en Russie au XVIIIe siècle. *Modernités russes*, 2002. № 4. P. 21–36.

⁸ *Kämpfer F.* Op. cit. S. 201ff.

⁹ Упоминания о доброте и снисходительности Елизаветы постоянно встречаются как в агиографических текстах, так и в официальных документах. Вписываясь в стратегию создания положительного образа императрицы, это отнюдь не мешало её приступам гнева и даже ярости, заставлявших дрожать от страха её приближённых (см.: *Liechtenhan F.-D.* Elisabeth Ire de Russie. P. 211 suiv.).

¹⁰ См. письмо Поля-Франсуа Галуччи де Лопиталья от 13/24 августа 1756 г. (ААЕ. СР. Supplément VIII. F. 365).

¹¹ См. письмо де Лопиталья 27 июля 1757 г. (ААЕ. СР. Russie. T. 53. F 173 suiv.). Оцеремониале см.: *Писаренко К.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 107–138.

¹² См.: Extrait du Cérémonial qui est établi à la Cour impériale de Russie touchant les audiences particulières des ambassadeurs des têtes couronnées (ААЕ. СР. Russie. T. 53. F. 197 suiv.).

¹³ См. свидетельства прусских посланников Мардефельда и Финке-льштейна, цитируемые ниже, а также описание австрийского дипломата Людвига Фридриха Юлиа Цинцендорфа: *Zinzendorff L. F. J.* Mémoire sur la Russie, sur l'impératrice Élisabeth, sur sa cour et son gouvernement (juillet 1755) // *Preussische und österreichische Akten zur Vorgeschichte des siebenjährigen Krieges* / Hrsg. von G.B. Volz, G. Kuntzel. Leipzig, 1899. S. 678–699.

¹⁴ Интересно заметить, что карточная игра проходит в молчании и с музыкальным сопровождением и поэтому не рассматривается как способный скомпрометировать способ коммуникации.

¹⁵ ААЕ. СР. Russie. T. 53. F. 243–247.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Liechtenhan F.-D.* La Russie entre en Europe. Paris, 1997. P. 164 suiv.

¹⁷ См. письмо де Лопиталья от 27 июля 1757 г. (ААЕ. СР. Russie. T. 53. F. 182v).

¹⁸ См. письмо шевалье д'Эона от 10 июля 1758 г. (Ibid. T. 57. F. 41).

¹⁹ Loc. cit.

²⁰ *Finckenstein C. W. F. von.* Relation générale de la Cour de Russie, опубл. в *Liechtenhan F.-D.* La Russie d'Élisabeth vue par des diplomates prussiens (2e partie) / *Cahiers du monde russe et slave*. 1998. Vol. 39, № 4. P. 439–486.

²¹ *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 106–111.

²² *Mardefeld G. von.* Mémoire sur les Personnalités les plus importantes à la Cour de Russie, опубл. в *Liechtenhan F.-D.* La Russie d'Élisabeth vue par

des diplomates prussiens (1e partie) // *Cahiers du monde russe et slave*. 1998. Vol. 39, № 3. P. 253–282.

²³ *Catherine II. Autobiographie* / Ed. by A. N. Pypin. Reprint. Osnabrück, 1967. P. 296–297.

²⁴ В 2004 г. в культурно-историческом комплексе «Елизаветинский форт» в городе Балтийске был открыт памятник Елизавете Петровне. Примечателен тот факт, что скульптор изобразил императрицу в военной форме, напоминая о завоевании города во время Семилетней войны. Установленная на стратегически важной советской военно-морской базе, конная статуя Елизаветы символизирует тем самым неизменность западных границ России.

²⁵ На реверсе медали выбито: «Промысль Божій чрезъ вѣрныхъ подданныхъ».

²⁶ Мы опираемся на информацию придворных поденных записей за все царствование и в особенности на: Придворный журнал 1741–1742 г. СПб., 1883; Журнал Троицкого походу 1742-го году: [За первый год царствования императрицы Елисаветы Петровны...]. [СПб., б. д.]. Благодарим К. Г. Боленко, который предоставил нам фотокопии этих изданий.

²⁷ См., например, жалобы Фридриха II на невозможность связаться со своим посланником (GStA. Rep. 96. 55K. F. 163. Письмо Финкенштейну от 12 ноября 1748 г.).

²⁸ Подвиги некоторых настоятелей на любовном поприще были одной из причин поддержки монастырей. Из многочисленных свидетельств см., например, донесение Мардефельда (GStA. Rep. 96. 55C. F. 178. Письмо Фридриху II от 26 мая 1744 г.).

²⁹ *Cosandey F. La Reine de France*. Paris, 2000. P. 278 suiv.

³⁰ Наш анализ, разумеется, вдохновлен следующей работой: *Kantorowicz E. Les Deux Corps du Roi*. Paris, 1989. P. 53 suiv.

³¹ Ричард Уортман упускает эту деталь в своем описании коронации, составленном на основе Я. Штелины, см.: *Wortman R. S. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton, 1995. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. P. 84 suiv. (Studies of the Harriman Institute).

³² Мы опираемся в первую очередь на документы РГАДА из ф. 7 «Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция Сената». Приносим К. Г. Боленко нашу искреннюю благодарность за помощь в поиске и чтении рукописей. См. также: *Rustemeyer A. Op. cit.*

А. Нивьер

ИВАН ШУВАЛОВ: ПОБОРНИК ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНИЦИАТОР ЗАКЛЮЧЕНИЯ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА

Правлению Елизаветы Петровны зачастую придавали слишком мало значения или вовсе обходили вниманием, вероятно потому, что оно пребывало в тени царствования Екатерины II. Между тем многие начинания, достигшие своего расцвета при следующей императрице, были предприняты под благосклонным покровительством Елизаветы или с ее согласия¹.

Личность основателя Московского университета и Санкт-Петербургской Академии художеств Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), связавшего свое имя и судьбу с Елизаветой Петровной, также остается относительно малоизвестной, хотя это царствование обязано ему своими возможно самыми долговечными учреждениями². В советский период, по очевидным причинам идеологического характера, его роль в создании означенных учебных заведений умалялась³. В западной историографии влияние Шувалова в решении политических вопросов также было поставлено под сомнение. Ограничивая деятельность Шувалова лишь культурной сферой, некоторые исследователи утверждали, что у него не было ни политического веса, ни политических взглядов⁴. В последние пятнадцать лет, однако, мы являемся свидетелями переосмысления как деятельности, так и личности Шувалова⁵.

Иван Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы, меценат и покровитель просвещения, был также страстным франкофилом, поддерживал отношения с многочисленными французами в

России и за ее пределами, прежде всего с Вольтером, ставшим во время Семилетней войны, по выражению самого философа, «секретарем» фаворита⁶. Именно благодаря Шувалову Вольтер смог приступить к созданию «Истории Российской империи при Петре Великом», призванной увековечить славу строителя Империи, а заодно – и его августейшей дочери⁷. Тем не менее, французские историки не щадили «Помпадура русского двора». Казимир Валишевский, испытывавший явное расположение к Екатерине II, рисует его нелестный портрет, изобличая в нем «баловня судьбы», «полудикого вельможу» («grand-seigneur demi-barbare»), чья историческая роль «оказалась значительней его достоинств»⁸. Далее в своей характеристике франко-польский историк отказывает этому «типичному представителю русского образованного общества того периода, – типичному, учитывая все, что было в нем неосновательного и непоследовательного», в наличии малейших способностей к государственной деятельности, отмечая «отсутствие талантов, даже их видимости, несмотря на постепенно развившееся старание создавать иллюзию»⁹. Немного более снисходительно отзывается о Шувалове Альбер Вандаль, французский исследователь эпохи Елизаветы Петровны, который видел в фаворите «образ русского, недавно приобщенного к цивилизации», – даже если, по его мнению, за преувеличенным подражанием западным нравам, скрывалась некоторая двойственность: «Сущность его была в меньшей степени французской, чем его манеры, и демонстрации его преданности не заслуживают безоговорочного доверия»¹⁰. Истоки значительной части этих суровых и, по меньшей мере, несправедливых оценок искать следует в суждениях, распространяемых, как мы увидим, послами Людовика XV при русском дворе. Однако, согласно отзывам тех же дипломатов, Шувалов обладал четкой и последовательной программой в области международной политики (пусть они ее и не одобряли) и твердо ее придерживался, невзирая на давление и сопротивление своих визави.

Настоящая статья специально посвящена отношениям Ивана Шувалова с Францией как в культурной, так и в дипломатической сферах. Работа состоит из двух взаимосвязанных частей, первая из которых описывает его значение в распространении французской культуры в России, а вторая переосмысляет его роль в заключении русско-французского альянса.

ВКЛАД И. И. ШУВАЛОВА В РАСПРОСТРАНЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При петербургском дворе Шувалов занимал совершенно особое место. Он сторонился церемоний, отказывался от почестей, и был, по собственному определению, «врагом роскоши и почестей»¹¹, то есть не занимал высоких должностей и не имел чина выше III класса по Табели о рангах¹². В 1757 г. в его послужном списке чины действительного камергера и генерал-лейтенанта, с которыми сочетались две высоко ценимые им должности – куратора Московского университета и президента Академии художеств¹³. Такое положение не позволяло каким-либо образом выделиться из большого числа придворных, обладавших более значительным состоянием или более внушительной родословной. Шувалов был выходцем из провинциальной дворянской семьи, выдвинувшейся в правление Петра Великого. Своим возвышением он был обязан двоюродным братьям – графам Александру Ивановичу и Петру Ивановичу Шуваловым, главным участникам государственного переворота 1741 года¹⁴. С момента восшествия на престол Елизаветы Петровны оба занимали ключевые посты в государственном аппарате: один возглавил Тайную канцелярию (политическую полицию), а другой управлял военным производством и торговлей. С целью усилить свое влияние на Елизавету Петровну и укрепить свои позиции в борьбе с придворными партиями соперников, которые возглавляли, в частности, канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, с одной стороны, и вице-канцлер Михаил Иларионович Воронцов – с другой, Шуваловы способствовали продвижению своего юного родственника Ивана, который в сентябре 1749 г. стал официальным фаворитом императрицы¹⁵.

При петербургском дворе существовал могущественный клан франкофилов, возглавляемый самой императрицей. К нему принадлежали, среди прочих, вице-канцлер М. И. Воронцов, его брат Роман, Иван Григорьевич Чернышев, Кирилл Григорьевич Разумовский и, самое главное, – Иван Шувалов и его кузены Александр и Петр. В своих мемуарах Екатерина II рассказывает, что «Шуваловы, и в особенности Иван Иванович, любят до безумия Францию и все, что родом оттуда»¹⁶. Ключевая роль Шувалова в увлечении французской культурой при русском дворе подтверждается и другими современниками, например британским послом Вильямсом, который в 1756 г. писал своему министру в Лондон об

усилении французского влияния в Санкт-Петербурге: «Бестужев сказал мне: “На нашу беду, у нас сейчас молодой фаворит, который говорит по-французски и любит французов и их моды”»¹⁷.

Современники Ивана Шувалова отмечали его «чисто французскую манеру держаться и говорить»¹⁸, что подтверждают и многие корреспонденты и собеседники фаворита¹⁹. По всей видимости, он выучил французский в детстве, что в эпоху правления императрицы Анны еще не было таким частым явлением: распространение французского языка в России по-настоящему началось только с восшествием на престол императрицы Елизаветы²⁰. О его образовании известно немного. По некоторым свидетельствам, Шувалов воспитывался французским актером, обосновавшимся в России, возможно, в Москве; согласно другим источникам, он проходил обучение в гимназии при Санкт-Петербургской Академии наук в 1737–1743 гг.²¹ Некий Иван Шувалов, действительно, значится в списках учеников этого заведения с пометкой: «Хорошо говорит по-французски и знает по-немецки»²².

Увлечение Шувалова Францией не ограничивалась языком. Шувалов восхищался французской культурой, с которой он познакомился через книги. Интерес к чтению появился у него довольно рано. «Я вечно его находила в передней с книгой в руке», – вспоминает о пажеском периоде будущего фаворита Екатерина II²³. Из других источников нам известно, что Шувалов был обладателем богатой библиотеки, которую он без усталости пополнял новыми сочинениями, лично им выписывавшимся из Парижа²⁴. Так, в сентябре 1761 г. он через Вольтера заказал двести экземпляров последнего издания сочинений Корнеля для библиотек императрицы, великой княгини Екатерины и различных вельмож²⁵. Страсть Шувалова к книгам была известна за границей. К примеру, когда надо было вознаградить его за вклад в сближение версальского и петербургского дворов, королевские министры послали ему полный экземпляр ценного сборника эстампов из кабинета Людовика XIV, а также книги, наиболее подходящие «для удовлетворения склонности графа (так!) Шувалова»²⁶.

Полной описи библиотеки Шувалова не существует, но многочисленные экземпляры книг из его коллекции до сих пор хранятся в библиотеке Санкт-Петербургской Академии художеств, получившей от него в дар книги в 1760 г.²⁷ Эти ценные издания, в красивых переплетах, по большей части на французском языке, свидетельствуют о разнообразных вкусах своего первого владельца: здесь

и всеобщая история, и античность, и архитектура, и скульптура, а также такие науки, как механика, агрономия... Одним словом, все то, из чего составлялись библиотеки европейских дворянских элит XVIII столетия²⁸. В то же время из других источников, например из воспоминаний детей Романа Воронцова, известно, что особое место в его коллекции занимали сочинения философов-просветителей, в частности, Вольтера²⁹.

В начале 1750-х годов некоторые русские вельможи начали посещать Францию, но Шувалов был лишен возможности совершить свое путешествие, или «grand tour», из-за служебных обязанностей, удерживавших его в России. Однако в этот период в Петербурге уже образовалась небольшая французская колония, члены которой, в той или иной степени, вращались вокруг молодого фаворита. Все французы российской столицы – и экспатрианты, и путешественники – удостаивались приема в его дворце, о чем рассказывает в своих мемуарах Жан-Луи Фавье: «Будучи щедрым и великодушным, он облагодетельствовал многих французов, нашедших себе приют в России...»³⁰. В. С. Ржеуцкий составил список как точно установленных, так и предполагаемых членов этой «обширной франкоязычной сети», образовавшейся вокруг Шувалова. Помимо официальных представителей Версальского двора, находившихся в Санкт-Петербурге с 1756 г., сюда входили писатели Менвильер (Mainvillier), Де Монброн (de Monbron) и Дезессар (Desessart), грамматик и наставник в доме Воронцовых Шарпантье (Charpentier), лечащий врач императрицы Пуассонье (Poissonnier), мастер-золотильщик Франсуа Лепренс (François Leprince) с братом, чертежником и гравером Жаном-Батистом Лепренсом (Jean-Baptiste Leprince). Особое место занимали профессора, которых Шувалов приглашал преподавать в Академии художеств с 1757 г.: художники Лагрене-старший (Lagrenée l'Aîné), Ле Лоррен (Le Lograin) и Де Велли (de Velly), скульптор Жилле (Gillet), архитектор Валлен-Деламот (Vallin de La Motte)³¹. Этот список французских контактов Шувалова следует дополнить менее известными именами: ювелир Позье (PauziéPauzié), миниатюрист Жан-Батист Пьер де Сомсуа (SampsoySampsoy), архитектор Жак-Кристоф Валуа (Valois), гравер Жак-Антуан Дассье (Dassier), мастера шпалерной мануфактуры Жан-Батист Ронде (Rondet), Кристиан Арган (Argan) и Эспри Серр (Serre), также призванные фаворитом проявить свои таланты на службе русскому двору и знаменитым семействам. Безусловно, при Шувалове, как и при большинстве русских вельмож, служили

французы. Так, французский посланник в Варшаве пишет: «Прибывшее из Петербурга лицо сообщило мне, что <...> господин Шувалов пользуется отличным покровительством, что при нем живут несколько французов и что он в особенности привязался к барону де Люси, чье настоящее имя Чуди»³². Этот Чуди, выходец из Лотарингии, был личным секретарем камергера³³. Ранее Чуди был советником парламента Меца, вольнодумным публицистом и известным масоном; потом ему пришлось эмигрировать в Россию из-за проблем с папской цензурой. Сначала он работал учителем в доме Строгановых в Москве, затем (по некоторым свидетельствам, достоверность которых сегодня оспаривается³⁴) присоединился к придворной французской труппе в Петербурге. В столице его знание иностранных языков и легкое перо помогли ему найти место при Иване Шувалове, который выказывал ему свое расположение и доверие³⁵. Под покровительством своего патрона он выпускал первый в России журнал на французском языке «Литературный Хамелеон» («Le Caméléon Littéraire»). Наконец, Шувалов доверил ему отыскать и нанять во Франции специалистов разных профессий. Во второй половине 1756 года Чуди был замечен за этим занятием в Париже. Это вызвало неодобрение французских властей; как указывалось в картотеке службы по надзору за иностранцами: «Он серьезно подозревался в отправлении в Петербург французских ремесленников и рабочих самых разных специальностей»³⁶. Позже Шувалов, желая заполучить лучших французских артистов того периода, даже задумал пригласить в Петербург знаменитых актеров Лекена и Клерон, но эта идея натолкнулась на категорический отказ министров Людовика XV, заботившихся о том, чтобы парижская публика не лишилась своих любимых актеров³⁷.

Шувалов, будучи образованным человеком и хозяином салона, довел свое увлечение французским образом жизни до буквального подражания, строго следуя новейшим веяниям парижской моды, вплоть до мельчайших деталей. Он делал заказы парижским мастерам или ремесленникам, выписанным из Франции в Петербург. Его дворец на Невском проспекте был обставлен и декорирован во французском стиле: мебель из ценных пород деревьев, купленные в Париже зеркала, шпалеры, изготовленные на императорских мануфактурах приглашенными ткачами парижской фабрики гобеленов, полотна, приобретенные у французских мастеров или римских антикваров³⁸. Возобновление дипломатических отношений между Францией и Россией позволило облегчить про-

цесс покупки (зачастую по баснословным ценам) и доставки предметов роскоши и изысканных нарядов. Как видно из переписки камергера и его окружения между 1756 и 1761 годами, для следования последним направлениям парижской моды, для заказов мебели, одежды и экипажей использовались официальные каналы. Так, к примеру, в июле 1756 г. вице-канцлер М. И. Воронцов обратился к российскому поверенному в делах при Версальском дворе Федору Бехтееву с просьбой связаться с парижским негодантом Майи (Mailly), поскольку «его превосходительство И[ван] И[ванович] намерен его коммиссионером иметь и чрез него выписывать все нужное к университету и для себя собственно»³⁹. В октябре того же года Бехтеев информировал Воронцова о покупке для Шувалова в мастерской Майи легкого экипажа, начальная стоимость которого – 3000 экю – увеличилась после доставки до 5000⁴⁰.

Безусловно, именно эти пристрастия создали Шувалову репутацию «полудикого вельможи, типичного представителя русского образованного общества того периода, – типичного, учитывая все, что было в нем неосновательного и непоследовательного», – как пишет в цитированной уже работе Валишевский. Уже современники фаворита Елизаветы объявили его ответственным за распространение галломании, объявленной одним из пороков части русского дворянства во второй половине XVIII века и мишенью для знаменитых сатириков России того периода. Одна из первых сатир на петиметров, появившаяся в 1753 г., была направлена как раз против Шувалова. Автор этого едкого, критического произведения писатель Иван Перфильевич Елагин, входивший в круг великой княгини Екатерины, публично высмеял пристрастия молодого фаворита, его любовь к нарядам и его подражание иностранным нравам⁴¹. Но, возможно, еще больший интерес представляет то, что весь ответ всемогущего фаворита на этот лично его касающийся выпад состоял из пародии в стихах, сочиненной Николаем Никитичем Поповским, будущим профессором Московского университета⁴²: Шувалов не держал зла на Елагина за нанесенную обиду, так же как не упрекал своего протеже Михаила Васильевича Ломоносова за отказ пойти навстречу его просьбам и взяться за перо в его защиту⁴³. Какой большой путь проделан по сравнению с правлением Анны Иоанновны: тогда ее министр Артемий Петрович Волынский приказал побить палками Василия Кирилловича Тредиаковского, метившего в него в одном из своих стихотворений. Шувалов на деле демонстрировал верность просветительско-

му принципу свободы слова, насколько таковая была возможна в придворном обществе.

Чем объясняется восторг Шувалова перед французскими модой и культурой в целом? Когда в начале 1750-х гг., с подачи своих честолюбивых родственников, Иван Шувалов снискал благосклонность Елизаветы, ему было двадцать два года, а императрице – сорок лет. Очевидно, что эта связь, продлившаяся до смерти последней, т. е. около двенадцати лет, поддерживалась не страстью, поскольку первые признаки увядания уже начали проявляться во внешности и нраве императрицы. Узы, соединявшие Елизавету с молодым камергером, не могут объясняться и романтической идиллией, подобной ее связи с Алексеем Григорьевичем Разумовским. И уж, конечно, не увлечение Шувалова книгами и наукой вызвала привязанность императрицы, поскольку Елизавета предпочитала спектакли, балы и маскарады. Так чем же объяснить прочность и длительность этих отношений, если не общим стремлением государыни и ее избранника жить на французский манер, со всем тем, что было в этом стиле легкомысленного и поверхностного! Тон при дворе задавали барочное изобилие и удовольствия. Шувалов, разделявший любовь Елизаветы к нарядам, являлся в глазах современников совершенным олицетворением аристократов-галломанов, прозванных «пестиметрами». Любитель переменчивых мод и легкомысленных удовольствий, изысканных манер и внешнего блеска, этот денди XVIII столетия проводил жизнь в беспечности, прекрасно сочетавшейся с кокетливой и беззаботной натурой государыни, его любовницы. Он один из немногих знал и как ее развлечь, и как обратить ее внимание на государственные дела, которые она отказывалась обсуждать со своими министрами, поскольку они наводили на нее скуку. Именно эта особая связь, в большей степени, чем страсть, обеспечивала ему свободный доступ к императрице и безграничное влияние на нее, – влияние, чаще всего используемое для претворения в жизнь благородных проектов.

И. И. ШУВАЛОВ – ИНИЦИАТОР СОЮЗА С ФРАНЦИЕЙ

В цитированном выше донесении английский посол в Петербурге подчеркивает, что естественным следствием французских пристрастий Шувалова было то, что «молодой фаворит <...> желает видеть при дворе большое французское посольство»⁴⁴. При-

существование убежденного франкофила в коридорах российской власти, безусловно, не могло не вызывать беспокойство британского кабинета во время масштабной «дипломатической революции» в Европе, предвавшей Семилетнюю войну. О существовании нового фаворита, которого характеризовали как «окружившего императрицу вниманием, входящего в силу, любящего Францию [и] решительного противника канцлера Бестужева»⁴⁵, французским дипломатам стало известно лишь в 1753–1754 гг., благодаря представленному к русскому двору французскому неготианту Жану Мишелю⁴⁶. По словам этого неготианта, императрица «была увлечена его (Шувалова. – *А. Н.*) страстью к Франции, ее манерам и модам», невзирая на общую враждебность русского двора к Версалию, поддерживаемую канцлером Бестужевым⁴⁷. Вместе с тем влияние последнего ослабевало по мере усиления позиций Шувалова. Опираясь на эти заверения, принц Конти, руководивший секретной дипломатией Людовика XV, отправил осенью 1755 г. в Петербург тайного агента шевалье Дугласа. Под видом увеселительного путешествия Дуглас должен был удостовериться в смене настроений при русском дворе, встретившись с вице-канцлером М. И. Воронцовым, который слыл франкофилом, и предложить возможные варианты восстановления дипломатических отношений⁴⁸. За исключением Воронцова только Шувалов был поставлен в известность о начавшихся в обстановке самой глубокой секретности переговорах между Людовиком XV и императрицей Елизаветой⁴⁹.

Непредвиденное событие едва не помешало сближению двух стран. В феврале 1756 г. в Риге был арестован французский агент Жозеф Мейсонье (Meyssonier), известный также под именем шевалье де Валькруссан (de Valcroissant), которому посол Версаля в Польше доверил разведывательную операцию о военных приготовлениях России. В ответ французские власти в мае того же года заключили в Бастилию Теодора-Анри Чуди. Жертвы столь ценимой в XVIII веке секретной дипломатии, ставшие сначала препятствием на пути к примирению Франции и России, а затем доказательством искренности намерений, оба искателя приключений были наконец освобождены. Стороны произвели обмен, предвосхищающий самые известные эпизоды «холодной войны». Операция была проведена при активном участии Шувалова, который использовал как частные, так и дипломатические каналы, и была истолкована как знак восстановления доверительных отношений между двумя дворами⁵⁰. Этот эпизод, с виду анекдотичный, служит характер-

ным примером дипломатических приемов той эпохи, в частности, практики ведения двойной дипломатии, официальной и секретной, вступавших порой в противоречие. Он показывает, кроме того, что роль Шувалова в деле сближения Франции и России была ведущей. Прибытие весной 1757 г. в Петербург французского посла, маркиза де Лопиталья, получившего позднее в помощники барона де Бретейля (который затем и заменил его на этом посту), оформил восстановление дипломатических отношений между двумя странами. Это стало необходимым этапом в создании коалиции Австрии, Франции и России, которая готовилась противостоять англо-прусскому альянсу во время Семилетней войны.

Парадоксально, но факт: когда, казалось бы, все должно было способствовать сближению русского франкофила и дипломатов, в чьи обязанности входило возобновить французское представительство в Петербурге, последние в своих донесениях рисуют противоречивый, а порой и откровенно отрицательный образ Шувалова. Вице-канцлера М. И. Воронцова они считали более заинтересованным в достижении их целей и более преданным (следует отметить, что Воронцов получал от Версаля внушительное ежегодное содержание)⁵¹. Маркиз де Лопиталь видел в фаворите человека «нерешительного и малодушного» («timide et pusillanime»), лишенного всякого чутья «в государственных делах». Не без оттенка презрения он добавлял: «Камергер Шувалов впадает в ученость и бросается учреждать академии»⁵². Сменивший его барон де Бретейль писал в том же духе: «Фаворит горит желанием прослыть российским меценатом и снискать в Европе репутацию образованного человека»⁵³. Бретейль не любил русских в целом, однако признавал за Шуваловым одно достоинство – честность (большая редкость при дворе Елизаветы⁵⁴), предлагая при этом завлечь его почестями: «Камергера Шувалова не интересуют деньги, но его можно расположить к нам, польстив его самолюбию <...> приняв его в наши академии, мы потешим его тщеславие, и он не останется равнодушным»⁵⁵. К тому же когда французская сторона искала способ отблагодарить Шувалова за активное участие в восстановлении дипломатических отношений между двумя странами, камергер отказался от вознаграждения, приняв только подарок, подсказанный министрам Людовика XV Михаилом Воронцовым, – уже упоминавшиеся книги и коллекцию эстампов⁵⁶. Шувалов, однако, принял их неохотно, указав Воронцову, что подобные вознаграждения обязательно дадут противникам русско-французского союза повод

для критики: «Меня удивило желание его величества пожаловать мне в знак признательности несколько эстампов. В той же мере, в какой этот жест доставляет мне удовольствие, он дает повод моим врагам злословить, утверждая, что я продался французам, и, таким образом, представить дурным и вредным то, что я сделал из чувства долга и имея добрые намерения»⁵⁷.

Со временем Бретейль, будучи более тонким политиком, чем его предшественник, начал понимать, что Шувалов, несмотря на частые обвинения, не был петиметром-франкофилом, а, напротив, имел собственные воззрения и убеждения, которые к тому же чаще всего не совпадали с интересами Версаля. За его «обычной вежливостью и располагающим видом» посланнику виделась натура «высокомерная» («arrogant»⁵⁸), «человека во всех отношениях не-сносного, которого ничто не может заставить изменить мнение»⁵⁹ и который рассуждает «много об интересах и величии империй, постоянно сопоставляя их с картами России, которую он, по своему тщеславию, расширил бы еще больше, будь это возможно»⁶⁰. «Вкус, который он, казалось, обнаруживал, принимая людей, рекомендованных ему в качестве остроумцев, или наших артистов, на время мог ввести в заблуждение, но то было проявлением чистой воды тщеславия»⁶¹. Опираясь на это заключение, государственный секретарь иностранных дел граф Шуазель отказался от идеи искать поддержку у Шувалова: «Нам кажется, что рассчитывать на фаворита нам нельзя, однако у нас есть, по крайней мере, одно преимущество: наши враги не извлекут из его случая больше выгоды, чем мы»⁶². В формулировке Людовика XV вывод звучал так: «Мне неприятно, что г-н Шувалов был посвящен в Секрет (короля. — А. Н.), потому что он нас не любит»⁶³. Куда более трезвый, если не более прозорливый, наблюдатель, секретарь французского посольства в Петербурге Жан-Луи Фавье, замечал, что «это пристрастие (Шувалова к Франции. — А. Н.) — чистосердечно оно или нет — это безразлично — нисколько не влияет на политическую деятельность камергера»⁶⁴. И действительно, если во время Семилетней войны Вольтер мог хвастаться тем, что стал русским⁶⁵, то Шувалов, каким бы увлеченным франкофилом он ни был, не забывал оставаться русским. Это и вызвало замешательство французских дипломатов, которые после неудачных попыток привлечь фаворита в свой стан систематически записывали его в свои соперники, тогда как Шувалов занимал лишь одну сторону — российскую⁶⁶. Для того чтобы понять разочарование французских дипломатов, следует в самых

общих чертах вспомнить планы фаворита в области международной политики. Документов, отражающих его внешнеполитические взгляды, немного. Насколько нам известно, только один подобный текст был опубликован (в 1867 г. русским историком П. И. Бартеневым). Этот документ представляет собой инструкцию, адресованную российскому военному командованию. В ней фаворит называет ослабление Пруссии решительно необходимым, поскольку рассматривал королевство Фридриха II как фактор постоянного беспокойства и нестабильности в самом сердце Европы⁶⁷. Чтобы в полной мере оценить программу Шувалова, следует обратиться к его беседам с послом Франции Бретейлем в 1760 г.⁶⁸ Занимаемая Шуваловым позиция была описана в депеше Бретейля графу Шуазелю. С одной стороны, камергер призывал Францию вместо того, чтобы продолжать придерживаться традиционных союзников: балтийских королевств – Польши и Швеции, от бывшего могущества которых почти ничего не осталось, упрочить альянс с Россией, представленной как набирающая мощь держава северо-восточной Европы. С другой стороны, в период, когда обескровленная Франция искала общий выход из конфликта (и притом без аннексий), Шувалов подтвердил Бретейлю свою решимость продолжать войну до уничтожения Пруссии, однако отнюдь не с целью расширения территории России за счет прусских земель, как часто утверждали российские историки⁶⁹, а с целью размена территорий между Россией и Польшей. Оккупировав Восточную Пруссию и разменяв ее у Польши на Западную Украину и современную Белоруссию Шувалов намеревался решить сразу две задачи: ослабить Пруссию и урегулировать спорный приграничный вопрос – источник русско-польских разногласий с XVII века. По словам Бретейля, этот план был принят 2/13 февраля 1761 г. на заседании Конференции министров, в состав которой теперь входил Шувалов⁷⁰. Разумеется, его план, будь он принят, изменил бы историю Центральной и Восточной Европы во второй половине XVIII века, а, может быть, и позднейшего времени.

Так или иначе, можно с уверенностью утверждать, что во время Семилетней войны Шувалов, несмотря на медлительность союзников России, не выпускал свой проект из виду и что его цели были прямо противоположны интересам традиционных союзников Франции. В итоге, альянс Австрии, Франции и России получился слишком разнородным, связи были слишком непрочными, а интересы слишком разными, чтобы противостоять угасающему

конфликту. Кончина императрицы Елизаветы в декабре 1761 г. и следующие одна за другой кардинальные перемены в российской политике, проводимые Петром III, а затем Екатериной II, предоставили, наконец, Ивану Шувалову возможность реализовать свою мечту. Как писал в 1761 г. Фавье: «Он оплакивает свое положение, которое лишает его возможности путешествовать, особенно же он сожалеет, что никогда не бывал в Париже и еще сильнее канцлера Михаила Воронцова вздыхает о свободе и нежном климате Франции»⁷¹. После смерти Елизаветы попавший в опалу бывший фаворит ушел с первых ролей в политике⁷², и в 1763 г. новая императрица вынудила его отправиться в ссылку за границу⁷³. Прожив двенадцать лет как француз в России, Шувалов четырнадцать лет жил как русский во Франции, а также в Италии, вплоть до окончательного возвращения на свою родину в 1777 году.

Перевод с фр. Н. Воцинской, под ред. А. Евстратова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. новейшую историографию царствования, в которой пересматриваются сложившиеся клише: *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 1999; *Brennan J. F.* Enlightened Despotism in Russia: The Reign of Elisabeth, 1741–1762. New York, 1987; *Писаренко К. А.* Повседневная жизнь русско-го двора в царствование Елизаветы Петровны, М., 2003; *Liechtenhan F.-D.* Elisabeth Ière de Russie. Paris, 2007; *Idem.* La Russie entre en Europe. Elisabeth Ière et la Succession d’Autriche (1740–1750). Paris, 1997.

² Единственной посвященной ему монографией остается работа П. И. Бартенева (*Бартенев П. И.* И. И. Шувалов // Русская Беседа. 1857. № 1. С. 1–80; отд. изд.: *Он же.* И. И. Шувалов. М., 1857. См. также: Шувалов, Иван Иванович // РБС. СПб., 1911. Т.: Шебанов – Шютц. С. 476–486.

³ Как отметила по этому поводу С. В. Моисеева, «отодвинутый в тень гигантской фигурой М. В. Ломоносова, он обычно воспринимался лишь как всемогущий исполнитель идей великого ученого» (*Моисеева С. В.* И. И. Шувалов и Академия художеств конца 1750–1760 гг., Коллекционеры и меценаты в Санкт-Петербурге, 1703–1917. Тезисы докладов конференции. СПб., 1995. С. 5–6). В особенности это относится к созданию Московского университета (см. примеры, приведенные в: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 16–20), в то время как его значение в деле основания Академии художеств подчеркивает С. П. Яре-

мич. Яремич С. П. Русская академическая художественная школа в XVIII веке // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л., 1934. Вып. 123. С. 51–64.

⁴ Такое мнение высказал, в частности, американский историк Д. Александер: *Alexander J. Ivan Shuvalov and Russian Court Politics, 1749–1763: Literature, Lives and Legality in Catherine's Russia*. Nottingham, 1994. P. 4–5.

⁵ См., в частности, материалы конференции, организованной в 1997 г. в Санкт-Петербурге по случаю двухсотлетия со дня смерти Шувалова: Иван Иванович Шувалов: просвещенная личность в Российской истории / Под ред. М. И. Микешина и Т. В. Артемьевой. СПб., 1998. (Философский век. Т. 8); И. И. Шувалов. К 270-летию со дня рождения. М., 1997. См. также работы: *Анисимов Е. В.* Иван Иванович Шувалов – деятель российского просвещения // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 94–104; История Московского университета (вторая половина XVIII – начало XIX века): Сборник документов / Сост. Д. Н. Костышин; отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2006. Т. 1: 1754–1755; *Кириченко Е. И.* Меценат. Предстатель муз. И. И. Шувалов в истории российской культуры // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сборник статей. М., 2005. Вып. 9: Из истории Императорской Академии художеств / Под ред. И. В. Рязанцева. С. 6–24.

⁶ «Я буду, сударь, не более чем вашим секретарем в этом благородном и великом предприятии», – писал Вольтер И.И. Шувалову в письме от 20 апреля 1758 г. (*Correspondance de Voltaire / Éd. Th. Besterman, R. Pommeau. Paris, 1980. Vol. 5: Janvier 1758 – septembre 1760. P. 124*).

⁷ Вольтер уже и сам давно хотел написать «Историю Петра Великого», когда в 1757 г. при посредничестве Шувалова ему поступил официальный заказ на этот труд, целью которого было упрочить политический престиж России и ее правительницы в Европе в разгар Семилетней войны. Об этом заказе см.: *Lortholary A.* Les philosophes du XVIIIe siècle et la Russie. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle. Paris, 1951. P. 39–78; из недавних трудов см.: *Raynaud J.-M.* I.I. Šuvalov et son secrétaire, Voltaire. // Философский век Указ. соч. Т. 8. С. 215–219; *Костышин Д. Н.* Б. М. Салтыков, И. И. Шувалов и Вольтер в работе над «Историей Российской Империи при Петре Великом» // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования / Под ред. С. Я. Карпа. М., 2001. С. 100–131. См. также вступительную статью Мишеля Мерво: *Voltaire. Anecdotes sur le czar Pierre le Grand; Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / Ed. critique, introduction et notes par M. Mervaud, avec la collaboration de U. Kølving, Chr. Mervaud et A. Brown // [Voltaire]. The Complete Works of Voltaire. Oxford, 1999. T. 46. P. 89–346.*

⁸ Waliszewski K. La dernière des Romanov. Paris, 1902. P. 135.

⁹ Ibid. P. 136.

¹⁰ Vandal A. Louis XV et Elisabeth de Russie. Etude sur les relations de la France et de la Russie au XVIIIe siècle d'après les Archives du Ministère des Affaires étrangères. Paris, 1882. С. 287–288.

¹¹ См.: письмо М. И. Воронцову от 23 августа 1757 г., на фр. яз. (Архив князей Воронцовых / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1873. Т. 6. С. 288).

¹² Секретарь посольства Жан-Луи Фавье писал по этому поводу о Шувалове так: «Он вмешивается во все дела, не нося особых званий и не занимая особых должностей <...> Одним словом, он пользуется всеми преимуществами министра, не будучи им...» (Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в Санкт-Петербурге // Исторический вестник. 1887. Т. 29. С. 392).

¹³ Описывая свою прошлую общественную деятельность в письме императору Павлу I конца 1796 г. или начала 1797 г., Иван Иванович характеризовал свою карьеру такими словами: «[Я] не был никогда ослеплен самолюбием, отказывал великие чины, деревни и другие награждения <...> Малые мои, но усердные услуги были в основании Московского Университета, Академии Художеств, Гимназии в Казани <...>» (РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 408. Л. 34–35 об.; опубликовано: Нивьер А. Автобиографическое письмо И. И. Шувалова // Иван Иванович Шувалов: просвещенная личность в Российской истории. С. 188–195).

¹⁴ См.: Курукин И. В. Дворцовый переворот 1741 г.: причины, «технология», уроки // Отечественная история. 1997. Т. 5. С. 3–23.

¹⁵ По словам Екатерины II, Иван Шувалов, служивший до этого при дворе камер-пажом, попал в фавор весной 1749 г. (см.: [Екатерина II]. Записки императрицы Екатерины II: Репринтное издание. М., 1989. С. 149), что стало известно всем после его назначения камер-юнкером 5 сентября того же года, в день тезоименитства императрицы Елизаветы (см.: Камер-фурьерский журнал за 1749 г. [СПб., б. г.] С. 174; см. также: Голицын Ф. Н. Жизнь обер-камергера И. И. Шувалова // Москвитянин. М., 1853. Т. 2. С. 88; Васильчиков А. А. Семейство Разумовских. СПб., 1880. Т. 1. С. 111), а также: указ о возведении в чин камер-юнкера (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 439. Л. 303); указ о назначении положенной служебной пенсии (РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Д. 80. Л. 21). Спустя два года, 1 августа 1751 г., Шувалов был произведен в действительные камергеры (РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 439. Л. 303; Камер-фурьерский журнал за 1751 г. СПб., [б. г.] С. 74; Санкт-Петербургские ведомости. 1751. № 62. С. 494). Это продвижение нового фаворита по властным коридорам было отражено анонимным наблюдателем следующим образом: «1750–1753. В эти годы fortuna Ивана

Ивановича вознесла его к тем высотам, где он сейчас. В короткое время он прошел назначения от камер-пажа до генеральского чина, стал членом совета, кавалером ордена Св. Анны, камергером» («1750–1753. Ce fut dans ces années que la fortune d'Iwan Iwanovitz est parvenu au point où elle est. Il fut fait en peu de temps de page de la chambre à général, homme de la chambre, chevalier de Sainte-Anne, chambellan»). – См.: Extraits du journal du sieur Morambert. 1741–1756 // ААЭ. Série Mémoires et documents. Russie. Vol. 1. F. 194 v.

¹⁶ Екатерина II. Указ. соч. С. 392.

¹⁷ «Bestoujev m'a dit: "Notre malheur est que nous avons à présent un jeune favori qui sait parler français et qui aime les Français et leurs modes"» (Письмо Вильямса министру лорду Холдернессу от 9 июля 1756 г. Цит. по: La cour de la Russie il y a cent ans (1725–1783). Berlin, 1858. P. 144).

¹⁸ Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 392.

¹⁹ О французских корреспондентах И. И. Шувалова см.: Нивьер А. Иван Иванович Шувалов и его французские корреспонденты // Иван Иванович Шувалов: просвещенная личность в Российской истории. С. 177–187.

²⁰ См.: Rjéoutski V. La langue française en Russie au siècle des Lumières: éléments pour une histoire sociale // Multilinguisme et multiculturalité dans l'Europe des Lumières. Actes du Séminaire international des jeunes dix-huitiémistes 2004 / Etudes réunies par U. Haskins-Gonthier et A. Sandrier. Paris, 2007. P. 101–126.

²¹ См.: Бартенев П. И. И. И. Шувалов. С. 5; Шувалов, Иван Иванович. С. 477.

²² Письма И. И. Шувалова // Библиографические записки. М., 1861. Т. 3. № 12. Стб. 354.

²³ Екатерина II. Указ. соч. С. 109.

²⁴ См.: Дашкова Е. Р. Литературные сочинения. М., 1990. С. 34; см. также свидетельство Александра Воронцова: «Я также часто навещал камергера Шувалова, фаворита императрицы, который, будучи связанным с моей семьей, оказывал мне радушный прием и, поскольку владел очень хорошей библиотекой, что в те времена еще не было обычным делом в России, он одалживал мне книги» («J'allais aussi souvent chez M. le chambellan Chouvaloff, favori de l'impératrice, lequel, lié avec ma famille, me faisait bon accueil, et comme il avait une très belle bibliothèque, ce qui alors n'était pas commun en Russie, il me prêtait des livres»). См.: Автобиографические показания графа Александра Романовича Воронцова // Архив князей Воронцовых. М., 1872. Т. 5. С. 29. Торговля французскими книгами в России делала тогда первые шаги. См.: Rjéoutski V. La librairie française en

émigration: le cas de la Russie (2e moitié du XVIIIe siècle-début du 19e siècle) // Actes du colloque Gens du livre organisé en 2005 par l'ENSSIB / Sous la direct. de F. Barbier (<http://www.enssib.fr/bibliotheque-numerique/document-1461>).

²⁵ См. письмо Шувалова мадам Дени (Voltaire's correspondence / Ed. by Th. Besterman. Genève, 1959. Vol. 47. D. 9253), и ответ мадам Дени, показывающий, между прочим, что именно Шувалову принадлежала инициатива покупки Екатериной II библиотеки Вольтера (Люблинский В. С. Письма к Вольтеру. Л., 1970. С. 159–160).

²⁶ «Вы слышали, сударь, в совете отчет, который я имел честь представить Его Величеству о том месте в письме шевалье Дугласа, где он отмечает желание графа Шувалова получить сборник эстампов из кабинета короля и книги из королевской типографии. Граф Шувалов является, сударь, покровителем московской академии, а кроме того, отличается любовью к словесности и изящным искусствам. Поскольку король согласился сделать ему сей подарок, я прошу вас, сударь, получить у Его Величества приказ, чтобы этот сборник эстампов переплели в сафьян манером, приличествующим щедрости дара, и чтобы выбрали книги, которые сочтут наиболее подходящими для удовлетворения склонности графа Шувалова к тем предметам, о которых толкуют эти книги, или чтобы их напечатали». («Vous avez entendu, Monsieur, dans le conseil le rapport que j'y ai eu l'honneur de faire à sa majesté de l'article de la lettre de monsieur le chevalier Douglas où il marque le désir que monsieur le comte de Schwalow aurait d'obtenir le recueil des estampes du cabinet du roi et des livres de l'imprimerie royale. Monsieur le comte de Schwalow est, monsieur, protecteur de l'académie de Moscou et de plus se distingue par son amour pour les lettres et pour les beaux-arts. Le roi consentant à lui faire se présent, je vous prie, monsieur, de prendre des ordres de sa majesté pour qu'on fasse relier ce recueil d'estampe en maroquin d'une manière qui réponde à la magnificence et pour le choix des livres que l'on jugera pouvoir le plus flatter le goût de monsieur le comte de Schwalow pour les sujets dont ils traitent ou pour leur exécution»). См.: письмо Антуана-Луи Руйе графу Сен-Флорентену от 21 февраля 1757 г., отправленное из Версаля (ААЕ. СР. Sous-série Russie. Vol. 52. F. 152–152 v).

²⁷ Также в Научной библиотеке МГУ (см., например: http://about-msu.ru/history_2003/f7.4-nr.htm).

²⁸ См.: Одар-Боярская К., Обрадович А. К. Книги из коллекции И.И. Шувалова. СПб., 1994; см. также: Обрадович А. К. Собрание книг в научной библиотеке Российской Академии художеств в XVIII в. // Иван Иванович Шувалов: просвещенная личность в Российской истории. С. 204–210.

²⁹ Автобиографические показания графа Александра Романовича Воронцова С. 29; *Дашикова Е. Р.* Записки. М., 1987. С. 39–40.

³⁰ *Фавье Ж.-Л.* Указ. соч. С. 392.

³¹ *Rjéoutski V.* La langue française en Russie... Р. 114–115; см. также более полный список французов, проживавших в то время в Санкт-Петербурге в словаре: *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier* / Sous la direct. A. Mézin et V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Т. 1–2.

³² «Une personne qui arrive de Pétersbourg m'a appris que <...> monsieur Schuwalow jouissait de toute la faveur, qu'il y avait plusieurs Français dans sa maison, qu'il s'était attaché en particulier un baron de Lucie dont le vrai nom est Tschudi». См.: письмо посла Франции в Варшаве Дюрана министру Антуану-Луи Руйе от 26 июля 1755 г. (ААЭ. СР. Sous-série Pologne. Vol. 249. F. 132–132 v).

³³ См.: *Попова М. Н.* Теодор Генрих Чуди и основанный им в 1755 г. журнал «Литературный Хамелеон» // Известия Академии Наук СССР. М.; Л., 1929. С. 29–30; из недавно опубликованных работ: *Ржеуцкий В. С.* В тени Шувалова: Французский культурный посредник в России барон де Чуди // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 5. С. 91–124.

³⁴ В. С. Ржеуцкий приводит ряд аргументов, показывающих, что история о его работе в актерской труппе является легендой. См.: *Ржеуцкий В. С.* В тени Шувалова... С. 91–124.

³⁵ Дюран, которому приходилось из Варшавы следить за происходящим при русском дворе (поскольку официального представителя Людовика XV в России в этот период не было), описывает головокружительное возвышение лотарингского авантюриста: «Милости господина Шувалова позволили ему оставить это ремесло (актера. – *А. Н.*) <...> Русские дворяне тотчас поспешили его принять, а самые приткие искатели ведущего к милостям покровительства являются к нему (Чуди. – *А. Н.*) в дом, чтобы быть замеченными господином Шуваловым. Последний практически все время проводит во внутренних покоях дворца, поэтому все заботы по оказанию почестей в его доме препоручены господину Чуди <...> Перемена в его судьбе ничуть не излечила его от писательского зуда, и он выпускает печатный листок, который сбывает тем, кто ищет расположения его покровителя» («Les bontés de Monsieur Schouvalow l'ont tiré de cette profession <...> Les seigneurs russes se sont empressés aussitôt de lui faire accueil et les plus ardents à s'emparer des aveux qui conduisent à la faveur viennent attendre chez lui le moment de se faire voir à monsieur de Schwalow. Celui-ci, étant presque continuellement dans l'intérieur du palais,

laisse à Monsieur de Tschoudi le soin de faire les honneurs de sa maison <...> Son sort ne lui a point ôté la démangeaison d'écrire et il donne au public une feuille périodique qu'il débite à ceux qui cherchent à s'insinuer dans les bonnes grâces de son protecteur» (ААЭ. СР. Sous-série Pologne. Vol. 249. 1755–1756. F. 132–132 v). В знак благодарности своему покровителю Чуди опубликовал в 1754 г. в Амстердаме литературный сборник под названием «Философ на французском Парнасе, или Жовиальный моралист» («Le philosophe au parnasse français ou le moraliste enjoué»). Это сочинение, созданное в соавторстве с другим французским авантюристом шевалье де Менвильером, которого Шувалов пригласил для преподавания политических наук в Московском университете, вышло с посвящением «графу (так!) Ивану Ивановичу Шувалову».

³⁶ Пометка графа Арженсона на осведомительной записке, хранящейся в досье Чуди в Бастилии (Bibliothèque de l'Arsenal, Bastille. Ms. 11 945. F. 214).

³⁷ «<...> Камергер Шувалов и господин Чернышев, его правая рука, внушили императрице мысль пригласить на несколько месяцев двух-трех наших лучших актеров, а именно Лекена, мадмуазель Клерон и некоторых других. Оба они также говорили об этом со мной. Я попытался убедить их в невозможности исполнения подобного замысла. Господин вице-канцлер сказал мне, что избегал говорить со мной об этом и подавать записку по этому вопросу, но камергер и граф Чернышев так часто рассказывали императрице о достоинствах этих актеров, что она очень хотела видеть их при своем дворе, и он просил меня об этом вас предупредить. Я буду продолжать повторять, что король не может дать согласие на отъезд этих актеров, принимая во внимание также и интересы публики и что это та тема, обсуждение которой представляется практически невозможным; вероятно, со мной пока больше не станут заговаривать об этом, поскольку я дал камергеру понять всю сложность исполнения подобной затеи, не говоря уже о больших затратах для Ее Императорского Величества на дорогу для этих актеров, их переезд и обратный путь. <...> Я посчитал своим долгом дать вам знать о желаниях Ее Императорского Величества, предпочитающей французскую комедию всем остальным театральным постановкам и соблаговолившей сообщить мне об этом. <...> господин Шувалов и господин Чернышев вздумали обратиться к Лекену и Клерон, но я им объяснил, что я всего лишь хотел облегчить им поиск лучших актеров, чем те, которые составляют здесь французскую труппу. («<...> Monsieur le chambellan de Schwalow et monsieur de Schernicheff, son bras droit, ont mis dans la tête de l'impératrice de faire venir pour quelques mois deux ou trois de nos meilleurs comédiens, surtout Lekain, mademoiselle Clairon et quelques autres. Ils m'en ont aussi parlé tous

deux. J'ai tâché de le leur prouver l'impossibilité d'un pareil dessein. Monsieur le vice-chancelier m'a dit qu'il éludait de m'en parler et me donner une note à ce sujet ; mais, qu'en effet le chambellan et le comte de Schernicheff avaient parlé si souvent à l'impératrice du mérite de ces auteurs qu'elle désirait beaucoup les voir à sa cour et il m'a prié de vous en prévenir. Je continuerais à dire que le Roi ne peut pas donner la permission à ses comédiens de partir, attendu qu'ils sont aussi au public et que c'est là l'article presque impossible à traiter peut-être ne m'en parlerait-on plus à présent que j'ai fait sentir au chambellan tous les obstacles qui se rencontreraient dans l'exécution d'une pareille idée indépendamment même de la grande dépense que causeraient à S. M. I. ces acteurs pour les frais de voyage, leur déplacement et leur retour. <...> J'ai cru de mon devoir de vous rendre compte du désir de S. M. I. qui aime de préférence à tout autre spectacle la comédie française et qui m'a fait l'honneur de me le dire <...> monsieur Schouwaloff et monsieur de Schernicheff ont imaginé de demander Lekain et la Clairon, mais je leur ai bien expliqué que je n'avais entendu que de leur facilité les moyens de trouver de meilleurs comédiens que ceux qui composent ici la comédie française». См.: депеша маркиза де Лопиталья от 13 мая 1758 г. (ААЕ. СР. Sous-série Russie. Vol. 56. F. 230–232). См. об этом: *Vandal A.* *Op. cit.* P. 332–333; *Всеволодский-Гернгросс В. Н.* *Театр в России при Елизавете Петровне.* СПб., 2003. С. 151–152.

³⁸ Возрождение в 1753 г. Санкт-Петербургской шпалерной мануфактуры является в большой степени результатом того импульса, который придал этому Шувалов, пригласив из Парижа Серра для управления производством баслисовых гобеленов (Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России / Сост., пер. с нем., вступ. ст., предисловия к разделам и примеч. К. В. Малиновского. М., 1990. Т. 1. С. 291). Одна из первых работ, вышедших из-под станка Ронде, – копия картины французской школы живописи с изображением Купидона, – по свидетельству Штелина, была помещена в передней большой гостиной шуваловского дворца. (Там же. С. 278).

³⁹ См.: письмо М. И. Воронцова Ф. Д. Бехтееву от 13/24 июля 1756 г. (Архив князей Воронцовых. М., 1887. Т. 33. С. 122).

⁴⁰ См. письмо Ф. Д. Бехтеева М. И. Воронцову от 6 октября 1756 г. (Там же. М., 1873. Т. 6. С. 215).

⁴¹ «Эпистола к г. Сумарокову» (адресована Александру Петровичу Сумарокову) также известна под названием «Сатира на петиметра и кокеток». См.: *Степанов В. П.* Елагин И. П. // *Словарь русских писателей XVIII века.* Л., 1988. Вып. 1 (А–И). С. 305.

⁴² *Поповский Н. Н.* Возражение, или Превращенный петиметр // *Русская литературная пародия.* Л., 1960. С. 684.

⁴³ Ломоносов М. В. Отмщать завистнику меня вооружают // Избранные сочинения. Л., 1965. С. 276.

⁴⁴ «Jeune favori <...> veut voir une grande ambassade française venir dans cette cour» (La cour de la Russie... P. 144).

⁴⁵ «...Fort assidu auprès de l'impératrice et qui prend crédit; [qui] aime la France [et] est fort opposé au chancelier Bestoujew». См.: депеша посла Франции в Гамбурге Шампо (Champeaux) от 6 сентября 1753 г. (ААЕ. СР. Sous-série Russie supplément. Vol. 7. F. 235 v – 236).

⁴⁶ Жан Мишель был сыном французского негоданта из Руана, приехавшего в Петербург в царствование Петра I. Он также занялся коммерцией и стал поставщиком галантерейных товаров императрице Елизавете, Ивану Шувалову, Михаилу Воронцову и великой княгине Екатерине, которой ему, помимо прочего, также случалось одалживать деньги. Он выполнял посредническую миссию между русскими и французскими дворами в 1755–1756 гг., в период проведения переговоров, направленных на восстановление дипломатических отношений между странами, и получил в качестве вознаграждения за свои услуги пенсию от Людовика XV. В дальнейшем Екатерина II сделала его придворным камердинером. См. его послужной список: ААЕ. Personnel. Série 1. F. 1–9. См. также: Les Français en Russie au siècle des Lumières. T. 2. P. 600–602.

⁴⁷ «...Portée par son goût propre pour la France, pour ses façons et ses modes» (ААЕ. СР. Sous-série Russie supplément. Vol. 7. F. 235 v – 236).

⁴⁸ О миссии шевалье Дугласа см.: Antoine M., Ozanam D. Le secret du roi et la Russie jusqu'à la mort de la tsarine Elisabeth en 1762 // Annuaire-Bulletin de la Société de l'histoire de France. Paris, 1954–1955. P. 69–93; об отношениях между дворами Людовика XV и Елизаветы Петровны помимо указанных выше работ см. специальное исследование: Oliva L. J. Misalliance: A Study of French Policy in Russia during the Seven Years' War. New York, 1964.

⁴⁹ Во всяком случае, это следует из мемуаров племянника вице-канцлера, графа Александра Воронцова, утверждавшего, что «лишь камергер Шувалов, фаворит императрицы, знал об этих переговорах да господин Алсуфьев, член Коллегии иностранных дел, употребленный для необходимого делопроизводства» («il n'y eut que le chambellan Šuvalov, favori de l'impératrice, qui eut connaissance de cette négociation et monsieur Alsoufiew, membre du Collège des Affaires étrangères, qui fut employé pour les écritures qu'il y avait à y faire»). См.: Автобиографические показания графа Александра Романовича Воронцова. С. 27.

⁵⁰ В фондах архива Министерства иностранных дел Франции, Национальной библиотеки Франции и РГАДА хранятся многочисленные до-

кументы по этому делу, в частности, переписка И. И. Шувалова с секретарем Министерства иностранных дел Людовика XV Антуаном-Луи Руйе, опубликованная мной в специальной статье: *Nivière A. L'affaire Tschudi. Un épisode méconnu dans les relations entre la France et la Russie au milieu du XVIIIe siècle (texte et documents)* // Slovo. Revue du Centre d'études russes, eurasiennes et sibériennes de l'INALCO. Paris, 2000. Vol. 24/25. P. 297–396.

⁵¹ «Сумма, которую господин Воронцов задолжал королю, значительна. Я оцениваю ее в 250 тысяч ливров, и мы, как вы себе можете представить, не ожидаем ее возмещения. Но Вы должны попытаться извлечь из этой щедрости максимально возможное» («La somme que monsieur de Woronzow doit au roi est considérable. Je la crois de 250 mille livres, nous ne nous attendons pas, comme vous pouvez l'imaginer, à la voir acquise. Mais il faut que vous tâchiez de tirer de cette libéralité le meilleur parti qu'il sera possible»), – писал граф Шуазель барону Бретейлю в зашифрованном послании от 6 октября 1760 г. (ААЕ. СР. Sous-série Russie. Vol. 63. F. 263 v).

⁵² Письмо маркиза де Лопиталья господину де Бернису от 1 ноября 1757 г. Цит. по: *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis le traité de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Russie* / Ed. A. Rambaud. Paris, 1890. T. 2 (1749–1789). P. 67.

⁵³ «Le désir le plus vif de ce favori est de vouloir passer pour le mécène de la Russie et d'acquérir en Europe la réputation d'homme d'esprit» (ответ барону де Бретейлю на его инструкцию о различных лицах российского двора от 31 января 1761 г., приложенный к депеше № 4; приложение к депеше № 69 от 11 марта 1761 г. – ААЕ. СР. Sous-série Russie. Vol. 66. F. 294).

⁵⁴ Попытки, конечно, предпринимались, но британский посол Вильямс также пришел к выводу, что Шувалов – не Бестужев и не Воронцов, которые часто были готовы продаться иностранному министру пощеднее, чтобы покрыть огромные затраты на роскошную жизнь. Шувалов, как и они, обладал громадным состоянием и жил на широкую ногу. Однако при дворе, где, согласно иностранным дипломатам, «все покупается», у него хватало достоинства оставаться неподкупным. Вильямс, в конце концов, отступил: «Деньги над ним не властны» (Цит. по: *Walizewski K. Op. cit.* P. 137). Французский негодант Гамбэ (Gambets), ссылаясь на некоего русского офицера, сообщал послу Версаля в Варшаве Дюрану: «...этот посол (Вильямс. – А. Н.) пытался расположить господ Шуваловых значительными подношениями, но они от них отказались, сказав, что не хотят дать повод обвинениям в алчности, втянувшей императрицу в дорогостоящую войну» («Cet ambassadeur avait cherché par des présents considérables à gagner messieurs de Schuwalow qui les avaient refusés en disant qu'il ne voulait pas que l'on pût leur reprocher que par avidité ils avaient engagé

l'impératrice dans une guerre onéreuse»). – Шифрованная депеша Дюрана к Руйе от 15 апреля 1756 г. (ААЭ. СР. Sous-série Pologne. Vol. 246. F. 508).

⁵⁵ «Le chambellan Schwalow n'est pas susceptible d'être tenté par l'argent, mais on pourrait le gagner un peu en flattant son amour-propre <...> en l'admettant dans nos académies, nous satisferions cette vanité et il y serait très sensible» (Ibid.; ср. с похожим отзывом д'Эона в En Russie au temps d'Élisabeth: Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / Ed. F.-D. Liechtenhan. Paris, 2006. P. 164–165). Это предложение было незамедлительно отвергнуто министром Шуазелем: «Если мы примем камергера в одну из наших академий, он станет более тщеславным, и это не добавит ему податливости» («Si nous admettions le chambellan dans quelqu'une de nos académies, il en deviendrait plus vain et n'en serait pas mieux intentionné»). – Письмо Шуазеля Бретейлю от 18 марта 1761 г. (ААЭ. СР. Sous-série Russie. Vol. 66. F. 317–317 v).

⁵⁶ См.: Архив князей Воронцовых. М., 1871. Т. 2. С. 239; М., 1887. Т. 33. С. 201.

⁵⁷ См.: Письма и записки И. И. Шувалова к М. И. Воронцову (1754–1766) // Там же. М., 1873. Т. 6. С. 297.

⁵⁸ ААЭ. СР. Sous-série Russie. Vol. 63. F. 229–230 v.

⁵⁹ «Un homme terrible dans le détail, que rien n'arrache à son opinion» (шифрованная депеша Шуазелю от 16 февраля 1762 г. – Ibid. Vol. 66. F. 211–211 v).

⁶⁰ «[Disserte] beaucoup sur les intérêts et la grandeur des empires, qu'il examine toujours sur l'échelle des cartes de la Russie, que sa vanité lui ferait encore étendre, s'il était possible» (шифрованное донесение барона Бретейля Шуазелю от 2 августа 1760 г. – Ibid. Vol. 63. F. 75–82).

⁶¹ «On a pu se tromper un moment sur son goût par l'accueil qu'il a semblé faire aux personnes qu'on lui a dit qui avaient de l'esprit, ou à nos artistes, mais ces démonstrations sont de pure vanité» (шифрованная депеша Бретейля Шуазелю от 5 сентября 1760 г. – Ibid. F. 145–147v).

⁶² «Il nous semble que l'on ne peut compter sur ce favori, mais nous avons du moins un avantage, c'est que nos ennemis ne tireront pas parti plus avantageux que nous de sa faveur» (Ibid. F. 263–263 v).

⁶³ Письмо Людовика XV первому чиновнику Министерства иностранных дел Жану-Пьеру Терсье от 11 октября 1760 г. (Boutaric M. E. Correspondance secrète inédite de Louis XV sur sa politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier, etc. et autres documents relatifs au ministère secret. Paris, 1866. T. 1. P. 272).

⁶⁴ Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 392.

⁶⁵ «Вы сделали меня русским», – писал он в августе 1760 г. заказчику «Истории Российской империи при Петре Великом» (письмо Вольтера

И. И. Шувалову от 2 августа 1760 г. – Voltaire's correspondence. Genève, 1959. Vol. 106. D. 9111). См. также: Correspondance de Voltaire. Vol. 5. P. 1033.

⁶⁶ «Камергер всегда со мной хорошо обходился, и я считаю его весьма к нам расположенным. В то же время я уверен, что он внимателен также и к Англии» («Le chambellan m'a toujours bien traité et je le crois bien intentionné pour nous. Je suis en même temps persuadé qu'il ménage également l'Angleterre»), – замечал маркиз де Лопиталь. В его глазах это было настоящим предательством, поскольку страх перед Англией в Версале тогда был столь велик, что всех, кто был на стороне Лондона, мгновенно записывали в враги. См.: «Доклад о министрах русского двора» («Mémoire sur les ministres à la cour de Russie») от 13 декабря 1759 г. (ААЭ. СР. Sous-série Russie supplément. Vol. 7. F. 376–378). В то же время барон де Бретейль писал: «Фаворит особенно не любит австрийцев» («Ce favori n'aime pas davantage les Autrichiens»). См.: шифрованная депеша де Бретейля Шуазелю от 5 сентября 1760 г. (Ibid. Vol. 63. F. 145–147 v).

⁶⁷ Бумаги И. И. Шувалова // Русский архив. 1867. Кн. 5. № 1. Стб. 68.

⁶⁸ Они переданы в донесениях последнего. См., напр., шифрованную депеша Бретейля Шуазелю от 2 августа 1760 г. (ААЭ. СР. Sous-série Russie. Vol. 63. F. 75–82).

⁶⁹ Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 341–342.

⁷⁰ В официальном ответе Конференции на меморандум Людовика XV, представлявший его предложения по достижению мира, было указано, что Россия потребует Восточную Пруссию в качестве компенсации за ее участие в войне на стороне Франции и Австрии, при этом декларировалась ее готовность переуступить эту территорию Польше в обмен на Украину. См.: депеша барона де Бретейля от 13 февраля 1761 г. (ААЭ. СР. Sous-série Russie. Vol. 66. F. 166–167).

⁷¹ Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 392.

⁷² См.: Нивьер А. Екатерина II и Иван Иванович Шувалов // Иван Иванович Шувалов: просвещенная личность в Российской истории. С. 162–176.

⁷³ О пребывании И. И. Шувалова за границей см.: Нивьер А. Иван Иванович Шувалов и его французские корреспонденты // Там же. С. 177–187.

Ф. Штеллер

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ¹

Моя статья посвящена анализу династической политики в начале правления Елизаветы Петровны, в частности причинам ее безбрачия, выбора в качестве наследника голштейн-готторпского герцога, а также степени влияния международной политической ситуации на решение вопросов престолонаследия. Особое внимание уделено вопросу выбора супруги царевичу, поскольку до сих пор в историографии бытует заблуждение, что ключевую роль здесь сыграл прусский король Фридрих II. Далее я докажу, что особенностью династической политики русского двора было предпочтение заграничных родственников царицы другим кандидатам и что в тех обстоятельствах выбор будущей ангальт-цербстской принцессы был единственно возможным.

Названные проблемы являются составными частями так называемого «голштинского вопроса», которым в большей или меньшей степени занимались все российские правители XVIII столетия. В конце 1741 г., когда Елизавета Петровна, тетка голштейн-готторпского герцога Карла Петера Ульриха, пришла к власти, голштинский вопрос возник в очередной раз. Незамужняя императрица энергично искала решение проблемы престолонаследия. Она решительно отвергла идею замужества, имея на то сразу несколько причин. Будучи императрицей, она могла выйти замуж лишь за иноземного принца, так как морганатический брак повредил бы международной репутации страны. Однако выбор в пользу члена одной из европейских династий мог привести к осложнени-

ям, поскольку с неизбежностью ограничил бы свободу действий во внешней политике. Подобный союз не пользовался бы популярностью и внутри страны, особенно в гвардии. Супруг наверняка захотел бы править, что было неприемлемо ни для императрицы, ни для влиятельных вельмож.

Решив остаться незамужней, Елизавета Петровна в начале своего правления назначила своим наследником члена другой династии. Елизавета Петровна была последней представительницей рода, так как мужская линия Романовых пресеклась в 1730 г. Из потомков Петра Великого помимо императрицы в живых оставался только его внук, герцог Голштейн-Готторпский Карл Петер Ульрих. Поскольку королевская чета в Стокгольме не имела детей, поэтому Карл Петер Ульрих, внук шведской принцессы, был наследником и этой короны. Таким образом, он был претендентом на трон двух сильнейших монархий Северной и Восточной Европы и одним из важнейших субъектов европейской дипломатии. О решении императрицы назначить его наследником ведущий знаток готторпской проблематики Э. Хюбнер пишет следующее: «Не располагая сведениями о племяннике и не посоветовавшись как следует со своими приближенными, Елизавета Петровна приняла решение назначить голштинского герцога своим наследником»². Придворные и политики негативно восприняли самостоятельность императрицы в этом ключевом вопросе³.

Способ и скорость, с которой Елизавета решила проблему наследника, были действительно поразительными. Уже через несколько дней после переворота британский посланник сообщал, что она пригласила своего племянника ко двору⁴. Юный герцог долго не раздумывал. В феврале 1742 г. он прибыл в Петербург, но не произвел благоприятного впечатления на двор⁵. По словам одного из придворных, он был «бледен и, несомненно, слаб телом»⁶. Государыня была обеспокоена недостатком его образования и странными манерами⁷.

Какие же причины побудили Елизавету Петровну назначить своего племянника наследником и почему она при этом так торопилась? Так же, как и в решении относительно безбрачия, здесь переплетались различные мотивы. Императрица пыталась укрепить легитимность своего правления и сделать его стабильным. Вплоть до самой смерти она боялась заговоров и переворотов, которые могли лишить ее трона. Помимо императрицы и герцога Голштейн-Готторпского единственными потомками Романовых

и одновременно претендентами на престол были представители Брауншвейгской династии — низложенный «император-ребенок» Иван VI, его мать и сестры. Сделав голштейн-готторпского герцога наследником, государыня хотела раз и навсегда прекратить спекуляции по поводу возможного возвращения Ивана VI⁸ и сохранить власть в руках потомков Петра Великого. Юному наследнику престола следовало жениться, произвести потомство, и таким образом искоренить воспоминания о его предшественниках⁹.

Назначая своего племянника наследником престола, она устраняла внешнеполитические осложнения: останься тот в Киле, французские или шведские дипломаты могли бы обратить против России его притязания на трон¹⁰. Тем самым она решала и голштинский вопрос, поскольку выбор герцога в наследники исключал для него возможность занять шведский престол и одновременно претендовать на российскую корону. С другой стороны, Россия вынуждена была заняться ситуацией в Центральной Европе, особенно в Северной Германии, дабы не допустить возможные внешнеполитические посягательства на права наследника как герцога Голштинии.

Императрица Елизавета Петровна взошла на престол в сложной международной обстановке. Россия воевала со Швецией, в Центральной Европе шла война за Австрийское наследство, в которой французский блок стремился ослабить Австрию, французы и англичане сражались на море и в Америке. Новая императрица стремилась закончить войну со Швецией, чтобы посвятить себя внутриполитическим проблемам¹¹. В этой ситуации она начала поиски невесты для великого князя. Я полагаю, что она с самого начала отвергла варианты политического или династического брака: ее племянник являлся кандидатом на шведский трон, и императрица была убеждена, что дальнейшие наследственные притязания лишь излишне усложнили бы ее политику. В политическом отношении Россия не нуждалась в поддержке иностранной державы, которая могла бы ограничить свободу ее действий или втянула бы ее в войну за Австрийское наследство. Выбор невесты оставался в то время важной частью отношений между центральноевропейскими государствами и Россией, поскольку влиял на ход конфликта в Центральной Европе.

По этим причинам императрица решила искать невесту племяннику среди своих родственников. Из членов близких иностранных династий принималась в расчет племянница кронпринцессы Шарлотты Брауншвейг-Вольфенбюттельской, супруги единокров-

ного брата императрицы, Алексея Петровича, сестра королевы Богемской и Венгерской Марии Терезии эрцгерцогиня Мария Анна. Просить ее руки означало бы взять на себя обязательство помочь ее сестре в отстаивании Австрийского наследства. Кроме того, венский двор мог настаивать на том, чтобы эрцгерцогиня не переходила в православие, а это для русских было неприемлемо. Кроме того, Вена поддерживала предшественников Елизаветы и поэтому не пользовалась ее доверием.

Таким образом, из родственников оставались представители Голштейн-Готторпской династии, к которой принадлежали зять, племянник, а также покойный жених императрицы. Единственной родственницей подходящего происхождения и возраста была принцесса Ангальт-Цербстская София Августа Фридерика, дочь принцессы Голштейн-Готторпской Иоганны Елизаветы, родившаяся в мае 1729 г. в прусском городе Штеттине. Весьма вероятно, что Елизавета Петровна с самого начала считала ее кандидатуру главной¹². Княжество Ангальт-Цербст в политическом отношении принадлежало к мелким монархиям Священной Римской империи и не имело реального влияния на имперскую политику, однако происхождения Софии Августы Фридерики, будущей Екатерины II, было достаточно¹³. В династическом отношении князя были ровней членам королевских фамилий, так как происходили из асканской династии¹⁴. Последняя относилась к знатнейшим родам и могла в этом смысле потягаться с Штауфенами или Вельфами¹⁵.

Хотя Елизавета Петровна относительно быстро приняла решение при выборе невесты, объявила о нем она не сразу. Ее внимание было занято войной со Швецией, да и по дипломатическим соображениям было неразумно лишить надежды остальных кандидатов и таким образом потерять козырь в переговорах с рядом центральноевропейских дворов. Поэтому государыня заняла выжидательную позицию; она не исключала никакого варианта и держала в состоянии неопределенности как российских, так и иностранных политиков. Влиятельная группа вельмож отстаивала проект женитьбы Петра на дочери саксонского курфюрста и польского короля Августа III, принцессе Марии Анне. В начале 1742 г. казалось, что новая императрица проводит профранцузскую политику, поскольку французский посланник был осыпан милостями. Поэтому никто не удивился, когда при петербургском дворе появились слухи о переговорах по поводу свадьбы наследника престола с французской принцессой¹⁶. Позднее выяснилось, что известие не

соответствует действительности. Русским было не с руки вмешиваться в дела Центральной Европы, они были заняты войной со Швецией и проблемой шведского престолонаследия.

После поражения Швеции в августе 1742 г. русские заняли всю Финляндию, и влиятельные группировки при дворе решительно выступали за присоединение ее к Российскому государству. Призванный в Петербург, Петр не имел намерения выдвигать наследственные права на шведскую корону. Под влиянием голштинской партии¹⁷ Елизавета Петровна решила использовать шведский политический кризис¹⁸ и навязать в качестве наследника престола собственного кандидата, а именно – любекского князя-епископа Адольфа Фридриха, ближайшего родственника великого князя и брата ее бывшего жениха. В ходе последующих мирных переговоров императрица поручила своим представителям дать понять шведам: если они изберут Адольфа Фридриха, она удовлетворится малой частью Финляндии. В противном случае она обещала завладеть всей Финляндией¹⁹. Внезапно Адольф Фридрих стал значительной величиной в европейской политике, и тот факт, что он еще не был женат, сделал его предметом интенсивных переговоров, протекавших параллельно поискам невесты для Петра.

После заключения мира с Австрией и выхода из коалиции с Францией у Пруссии было больше шансов заключить с Россией договор о дружбе и над ним усердно, но безуспешно трудились весь 1742 год прусские дипломаты. Во время переговоров появились слухи о возможном браке великого князя и прусской принцессы. В июне 1742 г. вице-канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин представил императрице список потенциальных кандидаток, в котором значилось и имя Амалии Прусской. Вице-канцлер сообщил об этом прусскому посланнику, затем новость распространилась при дворе²⁰. Немецкий историк Х. Браниг пришел в этой связи к заключению, что Бестужев предложил женить великого князя на прусской принцессе в русле своей борьбы с французской кандидатурой, поскольку Пруссия вышла из коалиции с Францией²¹. Однако это не означало, что вице-канцлер действительно поддерживал прусскую кандидатуру. Вероятно, имел место очередной дипломатический маневр. Правда, я не нашел никаких документов, доказывающих, что императрица предпочитала данный вариант и распорядилась начать переговоры²².

Прусский двор, со своей стороны, вовсе не был заинтересован в браке великого князя и принцессы из династии Гогенцоллернов. На мой взгляд, Мардефельд истолковал замечание Бестужева об Ама-

лии как серьезное намерение, чем вызвал напрасное беспокойство в Берлине. Вероятно, вице-канцлер упомянул о прусской принцессе, чтобы не обидеть прусский двор, обсуждая только французскую и саксонскую кандидатуры. Не исключено, что Бестужев, предвидя позицию прусского короля, предложил данный вариант лишь затем, чтобы своим отказом Фридрих II дискредитировал себя в глазах императрицы. Антипрусский курс и в дальнейшем оставался стержнем внешнеполитической концепции Бестужева.

В разгар войны за Австрийское наследство прусский король был заинтересован в поддержании добрых отношений с Россией, опасаясь ее возможного союза с Австрией. Отправляя посольство, он рассчитывал провести переговоры о выборе невесты и надеялся, что Елизавета предпочтет кандидатку, дружески расположенную к Пруссии. Саксонская кандидатура не могла его устроить, поскольку отношения между Берлином и Дрезденом были крайне напряженные и в 1744 г. привели к войне.

В конце 1743 г. императрица решила более не медлить и пригласила княгиню Ангальт-Цербстскую²³ с дочерью в Россию. По дипломатическим каналам она обратилась к прусскому королю с просьбой о содействии, поскольку приглашенным персонам предстояло пересечь прусскую территорию²⁴. В Цербсте приглашение было принято, и в январе 1744 г. мать с дочерью отправились в путь, лежавший через Берлин²⁵. В феврале они прибыли к русскому двору²⁶. доклад Юная принцесса произвела чудесное впечатление. 28 июня 1744 г. она перешла в православную веру, приняв имя Екатерины Алексеевны, и через день обручилась с великим князем Петром Федоровичем²⁷.

В середине XVIII столетия дочь Петра Великого назначила своим наследником владельца мелкого центральноевропейского княжества, а его супругой – представительницу правящей династии еще более незначительного государства. Таким образом, тогдашняя российская династия состояла из императрицы, русской только по отцу, и двух членов княжеских семейств Центральной Европы.

В поисках ответа на вопрос, кому при русском дворе принадлежала инициатива в выборе принцессы Ангальт-Цербстской, я пришел к выводу, что великий князь не имел на это никакого влияния, а Бестужев не был сторонником этой кандидатуры и решение было принято без его участия. Вице-канцлер, поддерживая кандидатуру саксонской принцессы, не был согласен с французским вариантом, но и голштинский его не устраивал, поскольку

он сомневался в эффективности династической политики императрицы. Дабы гарантировать безопасность Российской империи, в переговорах со Швецией он бы предпочел избранию на престол Адольфа Фридриха и ставке на родственные связи приобретение Финляндии²⁸. Поэтому он должен был опасаться успеха голштинской кандидатуры и неизбежного усиления соответствующей партии. Вице-канцлер со времени назначения на свою должность пережил много поражений, и наиболее тяжелым из них был выбор невесты для наследника русского и шведского престолов²⁹.

Решение о браке великого князя императрица приняла сама. Неизвестно, следовала ли она советам прусского короля или собственному замыслу³⁰. Документов с версией самой Елизаветы Петровны не сохранилось. Фридрих II, напротив, высказался на эту тему достаточно подробно в одном из своих сочинений³¹. Но упоминание его о сестре Луизе Ульрике заставляет сомневаться в достоверности рассказа, поскольку в ходе упомянутых переговоров Бестужева с прусским посланником речь шла о двадцатилетней принцессе Амалии. Иными словами, король был неточен в своих воспоминаниях и, очевидно, попытался присвоить себе задним числом решающую роль в выборе невесты.

Как и Э. Хюбнер, я не согласен с утверждением, что Фридрих II был инициатором свадьбы³². В инструкциях посланнику в Петербурге он никогда не называл принцессу Ангальт-Цербстскую в качестве главной кандидатуры. В первый раз он упомянул о ней в ноябре 1743 г., да к тому же в связи с двумя другими принцессами. Более того, в декабре того же года, когда курьер уже привез в Берлин приглашение для княгини Ангальт-Цербстской и ее дочери, он упоминает принцессу Гессен-Дармштадтскую³³. Если София Фредерика была его основной кандидатурой, зачем рекомендовать других принцесс? По-видимому, непосредственное влияние прусской дипломатии на выбор невесты был ограниченным. Кроме того, оценка ситуации Фридрихом II и его посланником в отношении России была совершенно неверна, ибо, пристально взглянув на всю предшествующую политику императрицы, благоволившей голштейн-готторпскому семейству, в Берлине могли бы предположить, что она примет решение в пользу родственницы великого князя. Им следовало знать, что принцесса Ангальт-Цербстская была ближайшей из подходивших на эту роль родственниц.

Гипотезе о решающей роли прусского короля противоречит и тот факт, что лица, имевшие причины выразить свою призна-

тельность за оказанное им благодеяние, никогда о таковом не упоминали. Княгиня Ангальт-Цербстская в письме от 4 января 1744 г., посланном в ответ на известие короля, что они с дочерью приглашены в Санкт-Петербург, называет Фридриха II «покровитель мой и моего семейства»³⁴. Невозможно представить, чтобы княгиня в эпоху напыщенного стиля рококо назвала настоящего благодетеля своей дочери всего лишь «покровителем». Это письмо доказывает, что король одобрил решение, дипломатично его поддержал и, следуя желанию императрицы, помог княгине и ее дочери выехать в Россию. Позднее в частной переписке Екатерина II даже иронизировала над мнимым участием прусского короля в ее судьбе³⁵.

Против «прусской легенды» говорит и то, что императрица, будучи суверенной государыней европейской державы, не могла ждать рекомендации другого монарха. Еще менее вероятным кажется предположение, что на существование принцессы вначале обратил внимание министр Фридриха II, а лишь затем об этом узнала императрица. В таком случае складывалось бы впечатление, что русский двор следовал советам прусского короля, как если бы считал необходимым сделать ему одолжение. На самом деле, это Берлин должен был задабривать русский двор, опасаясь российского вмешательства в борьбе за Силезию на австрийской стороне.

Елизавета Петровна продолжала династическую политику, односторонне ориентированную на узкий круг голштейн-готторпских родственников. Этот политический курс был взят ею сразу после прихода к власти и нашел свое выражение в назначении наследника престола и, вскоре после того, – в выборе шведского кронпринца. Поддерживая голштейн-готторпское семейство, императрица подчеркивала величие российской династии и укрепляла собственные позиции. Легитимность ее правления должен был подтвердить тот факт, что наследник, происходивший из датской королевской фамилии по побочной линии, отказывался от притязаний на шведский престол в пользу ближайшего родственника, отдавая предпочтение российской короне. Его невеста с материнской стороны происходила из той же семьи, а с отцовской – принадлежала к одной из знатнейших династий Центральной Европы. Кроме того, решение в пользу принцессы из ближнего семейного круга соответствовало внешнеполитическому курсу императрицы на нейтралитет, который исключал выбор принцесс из семейств, участвовавших в войне за Австрийское наследство. Одновременно правящий герцог Голштейн-Готторпский в роли великого князя дол-

жен был отказаться от всяких инициатив в решении голштинского вопроса, и ведущая роль отводилась императрице и ее советникам. Таким образом, Россия нивелировала опасность быть вовлеченной в конфликт, который мог бы развязать великий князь в качестве правителя мелкого центральноевропейского государства. В династическом отношении голштинская династия добилась в эпоху Елизаветы значительного успеха, но императрица отказалась от активного вмешательства в вопросе возвращения Шлезвига. Она не давала великому князю участвовать в управлении Российской империей и забрала в руки контроль над Голштинским герцогством³⁶.

Однако использовать голштинский вопрос для окончательного примирения со шведской стороной не удалось, в том числе и из-за того, что голштинский дом уже отстоял свои притязания, и его представитель должен был занять шведский трон. Так что, в отличие от петровского времени, спор о престолонаследии более не мог быть использован как инструмент давления. Адольф Фридрих был вынужден считаться со шведским обществом и его антирусскими настроениями, поэтому он не собирался гарантировать дружеские отношения между дворами Стокгольма и Санкт-Петербурга.

В отличие от первых четырех лет в последующие годы правления Елизаветы Петровны династический фактор в российской внешней и внутренней политике играл менее выраженную роль, поскольку проблема наследника была решена, а в соседних государствах не возникла ситуация наследования или преемственности, в которую бы мог вмешаться петербургский двор. Только после смерти Елизаветы Петровны, уже в 60-х 1762 и 1764 годах гг., российская дипломатия участвовала в голштейнско-датском конфликте, в выборе польского монарха, в 70-е годы – в разрешении голштейнско-готторпских притязаний на Шлезвиг, а также в эскалации баварского кризиса. Династическую политику Елизаветы Петровны в отношении династии можно считать очень весьма успешной, ведь благодаря ей значительно возрос престиж правящей семьи. Россия не только укрепилась во властной структуре европейского континента, но и заняла ключевую позицию среди правящих династий. Россия укрепилась среди ведущих держав Европы, а дом Романовых занял ключевую позицию среди европейских правящих династий.

Перевод с нем. Е. Е. Рычаловского

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст подготовлен на философском факультете Карлова университета в Праге в рамках исследовательского проекта MSM 0021620827 «Чешские земли в центре Европы в прошлом и настоящем».

² *Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse: Die gottorfische Frage in der russischen Aussenpolitik 1741–1773. Neumünster, 1984. S. 24.* Это высказывание совершенно не соответствует действительности, так как Елизавета Петровна интересовалась племянником ранее, до 1741 г. Кроме того, она переписывалась со своим зятем. См. письмо Карла Фридриха Голштейн-Готторпского Елизавете Петровне от 9 октября 1732 г. (Архив князя Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1872. Кн. 4. С. 521), где он упомянул, что в скором времени пошлет ей портрет принца. В 1739 г., когда голштейн-готторпская делегация привезла в Санкт-Петербург известие о кончине ее зятя, она справлялась о племяннике и получила его портрет (Записки Штелина о Петре Третьем, императоре Всероссийском // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. № 10–11. С. 72).

³ См. письмо Пецольда Брюлю от 15 декабря 1742 г. (СИРИО. СПб., 1871. Т. 6. С. 462–463). Ср.: *Hübner E. Zwischen Stettin und Petersburg: Der Faktor Norddeutschland in Leben und Politik Katharinas II. // Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung / Hrsg. von C. Scharf. Mainz, 2001. S. 542; Кутукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 360; Brückner A. G. Katharina die Zweite. Berlin, 1883. S. 10; Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750. М., 2000. С. 109–110.*

⁴ В письме Гаррингтону от 5/16 декабря 1741 г. Финч писал о «вновь восходящем солнце» (СИРИО. СПб., 1894. Т. 91. С. 355). Ср.: Записки Манштейна о России 1727–1744 // Русская Старина. Приложение. СПб., 1875. С. 249. Приглашение в январе 1742 г. доставил в Киль одно из ближайших доверенных лиц царицы, супруг ее кузины барон Иоганн Николай фон Корф, а выражением настоятельной просьбы служило то, что к нему присоединился русский посланник в Дании барон Иоганн Альбрехт фон Корф. См.: письмо Пецольда Августу III от 13/24 февраля 1742 г. (СИРИО. Т. 6. С. 412–413); письмо Финча Гаррингтону от 19/30 декабря 1741 г.

(Там же. Т. 91. С. 379–380); письмо Ла Шетарди Амело от 2/13 января 1742 г. (Там же. СПб., 1897. Т. 100. С. 35); Записки Штелины... С. 72; *Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse...* S. 25.

⁵ См. письмо Пецольда Августу III от 13/24 февраля 1742 г. (СИРИО. Т. 6. С. 413).

⁶ Записки Штелины... С. 73. Ср.: письмо Вича Картерету от 1/12 марта 1742 г. (СИРИО. Т. 91. С. 448); *Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse...* S. 26; *Rice T. T. Elizabeth Empress of Russia.* London, 1970. P. 68; *Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986. С. 211.

⁷ *Брикнер А. Г.* Жизнь Петра III до вступления на престол // Русский вестник. 1882. Ноябрь. Т. 162. С. 31–43.

⁸ См. письмо Пецольда Брюлю от 4/15 декабря 1742 г. (СИРИО. Т. 6. С. 462–468).

⁹ Уже Хюбнер отверг утверждение, что назначением своего племянника императрица собиралась продолжить балтийскую политику своего отца (*Hübner E. Staatspolitik und Familieninteresse...* S. 24). Что касается прочих членов голштейн-готторпской династии, то императрица выплачивала ежегодную ренту в 10000 рублей матери ее покойного жениха и одновременно бабушке Екатерины II, Альбертине Фридерике. В Россию она также пригласила двух братьев жениха, Августа Фридриха и Георга Людвига (*Neuschäffer H. Katharina II. und die baltischen Provinzen.* Diss. Hannover; Döhren, 1975. S. 27; *Кислягина Л. Г.* Екатерина II в повседневном быту // Русская культура последней трети XVIII века – времени Екатерины Второй: Сб. статей / Отв. ред. Л. Н. Пушкарев. М., 1997. С. 26–27).

¹⁰ См.: письма Финча Гаррингтону от 22 декабря 1741 / 2 января 1742 г. и 23 января / 3 февраля 1742 г. (СИРИО. Т. 91. С. 383–384, 427–428); письмо Амело Ла Шетарди от 15 января 1742 г. (Там же. Т. 100. С. 40–41); письма Ла Шетради Амело от 15/26 сентября 1741 г. и 24 октября / 4 ноября 1741 г. (Там же. Т. 96. С. 426–427, 562–563).

¹¹ См. указ Елизаветы Петровны князю А. Д. Кантемиру от 6/17 февраля 1742 г. (Архив князя Воронцова. М., 1870. Кн. 1. С. 179).

¹² *Hübner E. Die gottorfisch-russischen Verbindungen im 17. und 18. Jahrhundert – ein Forschungsbericht im Überblick // Die Gottorfer auf dem Weg zum Zarenthron: Russisch-gottorfische Verbindungen im 18. Jahrhundert. Eine russisch-schleswig-holsteinische Archivausstellung im Landesarchiv Schleswig-Holstein, Prinzenpalais, Schleswig, vom 12. Juni bis 26. September 1997 / Hrsg. von M. Lukitschev u. a.*

Schleswig, 1997. S. 173. Здесь следует вспомнить, что если бы упомянутый жених Карл Август не умер, Иоганна Елизавета стала бы золовкой императрицы.

¹³ Ее отец, князь Кристиан Август, первоначально не был наследником Ангальт-Цербстского княжества, так что ему не оставалось ничего более, как поступить на прусскую государственную службу к прусскому государю.

¹⁴ *Stellner F.* Dynastický faktor v ruské politice v prvních letech vlády Alžběty Petrovny // *Slovanský přehled*. 2000. Bd. 8585. Nr. 3. S. 422–423; *Cronin V.* Katharina die Grosse: Eine Biographie. Düsseldorf, 1978. S. 25.

¹⁵ *Ross H.* Katharinas Herkunftsheimat: Anhalt // *Katharina II., Russland und Europa: Beiträge zur internationalen Forschung* / Hrsg. von C. Scharf. Mainz, 2001. S. 524; *Petschauer P.* The Education and Development of an Enlightened Absolutist: The Youth of Catherine the Great. Diss. New York, 1969. P. 31–75, 107–127; *Andree H. M. E.* Katharina II. im Spiegel der deutschen Zeitschriftenpublizistik des 18. Jahrhunderts. Hamburg, 2003. S. 170.

¹⁶ См. письмо Пецольда Брюлю от 14/25 января 1742 г. (СИРНО. Т. 6. С. 397). См. также: *Diplomatische Beiträge zur russischen Geschichte aus den Königlich Sächsischen Hauptstaatsarchiv zu Dresden* / Hrsg. von E. Herrmann. SPb., 1870. Bd. 2: 1742–1744. S. 11. Ср. письма Пецольда Брюлю от 18/29 октября и 4/15 декабря 1742 г. (СИРНО. Т. 6. С. 448, 464–465). Речь шла о дочерях Людовика XV Анне, Марии Аделаиде и Аделаиде. Подробнее см.: *Stellner F.* Op. cit. S. 425–427.

¹⁷ О роли Брюммера ср.: *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse... S. 30–31; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 21 // *Соловьев С. М. Сочинения*: В 18 кн. М., 1993. Кн. 11. С. 205; *Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa: Der Aufstieg Russlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952. S. 214; СИРНО. СПб., 1897. Т. 99. С. 60–61 (письмо Вича Картерету от 6/17 сентября 1742 г.).

¹⁸ *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. London; New York, 1990. P. 327–329.

¹⁹ О войне и мирных переговорах см.: *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse... S. 27–43; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 206–215; *Mediger W.* Op. cit. S. 214–219; *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staates. Hamburg, 1849. Bd. 4 (1682–1741). S. 42–62; *Duchhardt H.* Balance of Power und Pentarchie: Internationale Beziehungen

1700–1785. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1997. S. 317. Кандидатура Адольфа Фридриха упомянута в письме английского посланника Вича Картрету от 30 октября / 10 ноября 1742 г. (СИРИО. Т. 99. С. 118–120). О войне со Швецией см.: Записки Манштейна... С. 216–288. Георг II поддерживал кандидатуру своего зятя и племянника шведского короля Фридриха I, Фридриха Вильгельма Гессен-Кассельского (*Collyer d'Arcy A. Introduction // The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II. of Russia 1762–1765 / Ed. by A. d'Arcy Collyer. London, 1900. Vol. 1. P. 16.*

²⁰ См. донесение Мардефельда от 13 июля 1742 г. (*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen / Bearb. von R. Koser, A. Naudé, K. Treusch von Buttlar, O. Hermann und G. B. Volz. Berlin, 1879. Bd. 2. S. 241. Anm. 1).* Ср.: *Dassow J. Friedrich II. von Preussen und Peter III. von Russland. Inaug. Diss. Berlin, 1908. S. 8; Lindemann M. Die Heiraten der Romanows und der deutschen Fürstenhäuser im 18. und 19. Jahrhundert und ihre Bedeutung in der Bündnispolitik der Ostmächte. Berlin; Bonn, 1935. S. 32–33.*

²¹ *Branig H. Preussen und Russland während des Ersten Schlesischen Krieges. Phil. Diss. Greifswald, 1930. S. 68.*

²² Ср.: *Donnert E. Katharina II. Die Grosse (1729–1796). Kaiserin des Russischen Reiches. Regensburg, 1998. S. 21.* Доннерт считает, что императрица охотно предпочла бы прусскую кандидатуру. По мнению Е. В. Анисимова, Бестужеву не нравился такой выбор, так как он опасался прусских интриг, направленных на укрепление позиций Фридриха в России (*Анисимов Е. В. Елизавета Петровна. М., 2000. С. 386).*

²³ Ср.: *Kizevetter A. A. Portrait of an Enlightened Autocrat // Catharine the Great: A Profile / Ed. by M. Raeff. New York, 1972. P. 5; Виноградов В. Н. Век Екатерины II: прорыв на Балканы // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 45.* В Цербсте ждали приглашения из Петербурга. Это подтверждает и тот факт, что княжеская чета отклонила все прочие приглашения о женитьбе, например принца Генриха, брата прусского короля, принца Георга Людвига Голштейн-Готторпского, или шурина принца Уэльского Фридриха Людвига, принца Вильгельма Саксен-Готского (*Katharina II. in ihren Memoiren / Hrsg. von E. Boehme. Leipzig, 1916. S. 24–26; Cronin V. Op. cit. P. 29; Erdmann-Degenhardt A. Im Dienste Holsteins – Katharina die Große und Caspar von Saldern. Rendsburg, 1987. S. 32; Kovář M. Velká Británie v éře Roberta Walpola. K vývoji britského*

státu a britské společnosti v první polovině 18. století. Praha, 2004. S. 64–70). Принц Вильгельм позднее женился на тетке Софии Августы Фридерики, Анне Голштейн-Готторпской.

²⁴ См.: письмо Шетарди Амело от 17/28 января 1744 г. (Архив князя Воронцова. Кн. 1. С. 479); письмо Брюммера Иоганне Елизавете Ангальт-Цербстской от 6/17 декабря 1743 г. (*Bilbasov V. A. Geschichte Katharina II. Berlin, 1893. Bd. 1. T. 1: Katharina bis zu ihrer Thronbesteigung 1729–1762. S. 19–24*); *Siebigk F. Katharina der Zweiten Brautreise nach Russland 1744–1745. Dessau, 1873. S. 129–134*. Прусский король написал княгине, передав ей желание русской монархини: отправляться в дорогу без супруга, только с дочерью, и держать все в тайне. Он сообщил княгине и о том, что императрица перевела 10 000 рублей на дорожные расходы (см. письмо Фридриха II Иоганне Елизавете Ангальт-Цербстской от 30 декабря 1743 г. – *Politische Correspondenz... Bd. 2. S. 494–495*). Ср.: письмо Фридриха II Елизавете Петровне от 30 декабря 1743 г. (*Ibid. S. 495*).

²⁵ Katharina II. in ihren Memoiren. S. 41–42; письмо Фридриха II Мардефельду от 13 января 1744 г. (*Politische Correspondenz... Berlin, 1879. Bd. 3. S. 10*).

²⁶ См.: доклад Известия, писанный княгиней Иоанною Елисаветою Ангальт-Цербстскою, матерью императрицы Екатерины II, о прибытии ее с дочерью в Россию и о торжествах по случаю присоединения к православию и бракосочетания последней // СИРИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 25–27; Записки Штелина... С. 86–87. О первых впечатлениях см. письмо Софии Августы Фридерики Э. Кардель от 14 марта 1744 г. (*Müsebeck E. Fünf Briefe der Kaiserin Katharina II. von Russland an ihre Erzieherin Elisabeth Cardel aus den Jahren 1744–49 // Mitteilungen des Vereins für Anhaltinische Geschichte und Altertum. 1898. Bd. 7. S. 665–666*).

²⁷ См.: письмо Екатерины Алексеевны Кристиану Августу Ангальт-Цербстскому от 5/16 июля 1744 г. (СИРИО. Т. 7. С. 5–6). Через год, 21 августа 1745 г., в Петербурге состоялась их свадьба (*Ходасевич Г. Д. Торжественное бракосочетание Екатерины Алексеевны с Петром Федоровичем в Петербурге в 1745 г. // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26–29 августа 1996 г. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1996. С. 165–166*; *Gooch G. P. Catherine the Great and other studies. Hamden, Conn., 1966. P. 6*; Систематический свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков / Сост. Е. Н. Гусяров. М., 2004. С. 40.

²⁸ *Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse... S. 36–38; *Karge P.* Die russisch-österreichische Allianz von 1746 und ihre Vorgeschichte. Göttingen, 1887. S. 31.

²⁹ Дневник докладов Коллегии иностранных дел (Архив князя Воронцова. Кн. 6. С. 7–9, 14–17).

³⁰ *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 254–256; *Bilbasov V. A.* Geschichte Katharina II. Berlin, 1891. Bd. 1. T. 2: Forschungen, Briefe und Dokumente. S. 10; *Брикнер А. Г.* Указ. соч. // Русский вестник. 1883. Январь. Т. 163. С. 193–194. Зибигк и Брикнер писали о поддержке самостоятельного решения императрицы (*Siebigk F.* Op. cit. S. 9–13; *Brückner A. G.* Op. cit. S. 18). Грей упоминает о склонности императрицы к голштейн-готторпской династии (*Grey I.* Catherine the Great. Autocrat and Empress of all Russia. London, 1961. P. 12). Хюбнер лишь вскользь затронул тему поисков невесты (*Hübner E.* Staatspolitik und Familieninteresse... S. 54). О том, что решение императрицы было самостоятельным, см.: *Чечулин Н. Д.* Государи из дома Романовых 1613–1913. М. 1913. Т. 1. С. 401; *Olivier D.* Elisabeth von Russland. Wien; Berlin; Stuttgart, 1979. S. 218. Браниг подчеркивал роль Мардефельда и Брюммера (*Branig H.* Op. cit. S. 89–90). По мнению немецкого историка и дипломата Курда фон Шлёцера, Мардефельд заручился поддержкой Лестока, который посвятил в это дело также Брюммера. Сообща они убедили императрицу сделать выбор в пользу принцессы Ангальт-Цербстской (*Schlözer K. von.* Friedrich der Grosse und Katharina die Zweite. Berlin, 1859. S. 33–34).

³¹ В 1742 г. из сестер Фридриха II оставались незамужними только принцессы Луиза Ульрика и Амалия. Первой было двадцать три года, а великому князю – всего пятнадцать. Можно предположить, что императрица не решилась выбрать невесту, которая была на восемь лет старше. Так или иначе, король присвоил себе заслугу выбора кандидатки, и многие историки встали на его точку зрения, см.: *Schlözer K. von.* Op. cit. S. 31; *Olivier D.* Op. cit. S. 201; *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853. Bd. 5: Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche (1742–1775). S. 75; *Stupperich R.* Zur Heiratspolitik des russischen Herrscherhauses im 18. Jahrhundert. Die Frage des Glaubenswechsels deutscher Prinzessinnen // *Kyrios.* 1940/41. Bd. 5. Н. 1–2. S. 220–221; *Гром Я. К.* Воспитание императрицы Екатерины II // Екатерина II: pro et contra: Антология / Под ред. Д. К. Бурлака. СПб., 2006. С. 44–45. Внимание Дройзена привлек граф М. И. Воронцов, который будто бы отсоветовал императрице выбрать

французскую кандидатуру и побудил ее отдать предпочтение прусской и английской (*Droysen J. G. Geschichte der preussischen Politik. 5. Theil: Friedrich der Grosse. Leipzig, 1876. T. 2. S. 128*).

³² *Hübner E. Zwischen Stettin und Petersburg... S. 540–541. Противоположное мнение представлено целым рядом авторов: Mediger W. Op. cit. S. 524, 242; Lodge R. Russia, Prussia and Great Britain 1742–1744 // The English historical review. 1930. Vol. 45. No. 180. P. 595; Mahrer E. Die englisch-russischen Beziehungen während des Österreichischen Erbfolgekrieges. Phil. Diss. Wien, 1972. S. 27; Müller M. G. Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik 1736–1752. Berlin, 1983. S. 62, 76; Olivier E. Op. cit. S. 214; Kopelew L. «Unser natürlichster Verbündeter»: Friedrich der Grosse über Russland // Russen und Russland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. von M. Keller. München, 1987. S. 290; Rimscha H. von Katharina II. Von der preußischen Generalstochter zur Kaiserin von Rußland. Göttingen; Berlin; Frankfurt a. M., 1961. S. 12; Rice T. T. Op. cit. P. 88; Lindemann M. Op. cit. S. 34–35; Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. С. 19; Мильников А. С. Петр III: Повествование в документах и версиях. М. 2002. С. 39, 63. В царствование Павла I это мнение разделял влиятельный придворный Ф. Г. Головкин (*Головкин Ф. Двор и царствование Павла I: Портреты, воспоминания / Сост. Д. И. Измаил-Заде. М., 2003. С. 185*).*

³³ См. письмо Фридриха II Мардефельду от 2 и 16 декабря 1743 г. (*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. S. 481, 489–490*). 16 ноября Мардефельд сообщал, что императрица приняла «Ваше» предложение по поводу принцессы Ангальт-Цербстской (*Ibid. S. 275. Anm. 3*). Ср.: *Schlözer K. von. Op. cit. S. 34. О переписке короля см.: Petschauer P. Catherine the Great's Conversion of 1744 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1972. Bd. 20. H. 2. S. 186–190*.

³⁴ Цит. по: *Bilbasov V. A. Op. cit. Bd. 1. T. 1. S. 43–45*.

³⁵ См.: письмо Екатерины II Гримму от 29 июня / 10 июля 1776 г. (*СИРИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 51*).

³⁶ *Stellner F. Die dynastische Politik russisches Imperium im 18. Jahrhundert // Prague Papers on History of International Relations. 2004. BdVol. 7.7. S. 44–48; Stellner F. Die dynastische Politik in den russisch-deutschen Beziehungen im 18. Jahrhundert // Deutsch-russische Beziehungen. Politische, wirtschaftliche und kulturelle Aspekte von der frühen Neuzeit bis zum 20. Jahrhundert: Beiträge der internationalen Konferenz in Prag vom 24.–25. November 2005 / Hrsg. von F. Stellner unter Mitarbeit von F. Bahenský und R. Soběhart. Praha, 2007. S. 50*.

А. Ф. Строев

РУССКИЕ ЦАРИЦЫ ГЛАЗАМИ КАВАЛЕР-ДЕВИЦЫ

Начнем с выводов. В своих воспоминаниях и исторических сочинения Шарль-Женевьева д'Эон де Бомон (1728–1810) немало страниц посвящает русским женщинам, в первую очередь императрицам. Официально превратившись из кавалера в девицу, д'Эон тщательно заботится о своем новом облике и переделывает историю своей жизни. Судьбы русских женщин, великие и трагические, служат ему примером для подражания. Описывая цариц, он рисует свой автопортрет. Перед лицом современниц и потомков кавалер-девица хочет выглядеть как женщина, воплощающая лучшие качества мужчин¹.

Накануне Семилетней войны сначала кавалер Дуглас (в 1755 и 1756–1757 гг.), а затем и кавалер д'Эон в качестве его помощника и секретаря совершали поездки в Санкт-Петербург, чтобы восстановить дружеские отношения между двумя странами и подготовить союзный договор между Францией, Россией и Австрией. Д'Эон был стопроцентным мужчиной, и в ту пору женского платья не носил. Хотя позднее он давал понять, что приезжал в Россию в 1755 г. и состоял в чтицах у императрицы Елизаветы Петровны, однако ничего этого не было². Справедливости ради отметим, что в архиве библиотеки г. Тоннера, родного города д'Эона, сохранилось подлинное письмо маркиза де Лопиталья, французского посла в Петербурге, начинающееся с шутливого обращения: «Как бы мне ни хотелось увидеть вас, моя дорогая *Лия*...» (последнее слово подчеркнуто в оригинале)³. Это позволило Мишелю де Декеру предположить, что кавалер уже в России баловался травестией, и даже

сделать вывод, что он приезжал в Россию в 1755 г. под именем Лия д'Эон де Бомон⁴, но других подтверждений этому нет. Возможно, посол намекал на библейские штудии д'Эона, о которых не без иронии упоминал в других письмах.

Екатерина II писала Ф. М. Гримму 13/24 апреля 1778 г., что никакой чтицы у императрицы Елизаветы не было и что при русском дворе д'Эона знали как «политического шалопая» при послах – при маркизе де Лопитале и бароне де Бретее⁵. В августе 1756 – июне 1757 г. д'Эон находился в России с негласным дипломатическим поручением, а с октября 1757 по август 1760 г. занимал должность секретаря французского посольства. Он был посвящен в Секретную королевскую переписку и должен был обеспечивать прямой обмен письмами между Людовиком XV и Елизаветой Петровной. Пресловутую поездку в Россию в женском облике выдумал он сам и сфабриковал бумаги в подтверждение легенды. К автобиографии, написанной им в 1775 г., названной «Краткое описание военной и политической службы девицы д'Эон де Бомон, известной до сего дня под именем кавалера д'Эона»⁶ (она легла в основу книги, выпущенной четыре года спустя от имени Лафортеля), д'Эон приложил «копии» шифрованных посланий от Терсье, руководителя службы Секретной королевской переписки, который якобы сообщил ему в Лондон, что маркиза де Помпадур выкрала из карманов короля письма д'Эона, что им обоим грозит гибель, и приказал ему уничтожить все доказательства:

В шифрованной записке от 27 декабря (1763 г. – А. С.), я забыл предупредить вас, чтобы вы сожгли, так же как это сделал я, все заметки и документы, в том числе шифрованные, касающиеся вашей первой тайной поездки к императрице Елизавете. Не должно остаться ни единой бумаги, упоминающей о ней. Необходимо также, чтобы ваш шурин, либо я забрал из ваших комнат в особняке Донс-ан-Бре все, что имеет к этому отношение, также как всю женскую одежду, которую вы там оставили после возвращения из России⁷.

В XIX веке Фредерик Гаярде, соавтор Александра Дюма, придал романную форму вымыслам кавалер-девицы, дописал и украсил их. Он искусно соединил архивные документы, как подлинные, так и изготовленные д'Эоном, свидетельства современников, дополнявших его рассказы, и свои собственные фантазии в духе «Фоблаза» Луве де Кувре. Его герой добивается благосклонности

маркизы де Помпадур, отвергает ухаживания Людовика XV, принявшего его за девушку, соблазняет принцессу Мекленбургскую, невесту английского короля, которая через девять месяцев производит на свет будущего короля Георга IV...⁸

Но подлинная жизнь д'Эона не менее курьезна. После дипломатической службы в России он получает новое назначение: на должность секретаря французского посольства в Англии (осень 1762 г.), затем – полномочного посланника (апрель – октябрь 1763 г.). Резкое повышение вскружило голову кавалеру, склонному к мании величия и к сопутствующей ей мании преследования. Он живет на широкую ногу, мотивируя это необходимостью поддерживать престиж Франции. Он свысока третирует русского посланника, графа А. Р. Воронцова, племянника канцлера М. И. Воронцова, которого прежде д'Эон считал своим покровителем⁹. По приезде в Лондон графа де Герши, назначенного французским посланником осенью 1763 г., д'Эон отказывается признать свою отставку, вернуться на родину и, самое главное, сдать дела. Пользуясь тем, что он был посвящен в Секретную королевскую переписку, а Герши – нет, он играет на противостоянии официальной, министерской, и неофициальной, королевской дипломатии, уверяет, что получает тайные инструкции от Людовика XV и тщательно их хранит. Госпожа Кампан, первая камеристка Марии-Антуанетты, познакомившаяся с д'Эоном в 1778 г., цитирует письмо, которое ему якобы написал монарх в 1760-е годы. Поблагодарив д'Эона за то, что он с пользой служил ему как в женском, так и в мужском платье, Людовик XV предупреждает его, что король подписал указ о том, чтобы силой возвратить его на родину¹⁰. Г-жа Кампан добавляет, что она много раз слышала, как д'Эон пересказывал это письмо, в котором Людовик XV отделял себя как личность от короля Франции¹¹.

Д'Эон приписывает королю поведение, характерное для него самого – раздвоение личности. В 1764–1765 гг. Лондоне он разыгрывает роль несчастной жертвы, которую преследуют французские дипломаты и их агенты, которые хотят забрать у него секретные документы, похитить, погубить, отравить его¹². Он обращается в суд, привлекает на свою сторону общественное мнение, о нем пишут английские газеты. В то же время он прославляет себя как искусного дипломата, положившего начало и конец Семилетней войне, боевого офицера, искусного фехтовальщика. Он печатает «Письма, мемуары и частные переговоры кавалера д'Эона» (1764), в которых закладывает основы своей легенды.

Примерно с 1770 г., продолжая официально считаться мужчиной, д'Эон дает всем понять, что он на самом деле женщина, поощряет публикацию статей и изготовление портретов, изображающих его в женском облике. Англичане быются о заклад, к какому полу он принадлежит. Среди многих версий, объясняющих психологию его поведения¹³, наиболее интересной представляется гипотеза Гарри Кейтса, развитая затем другими исследователями¹⁴. В книге «Господин д'Эон – женщина. Повесть о политических интригах и маскарадах с переменой пола» (1-е изд. 1995) американский ученый предполагает, что д'Эон искал в травестии убежище от спровоцированных им самим конфликтов с французской дипломатией¹⁵.

Создавая новую личность, д'Эон использовал мифологические и исторические образы мудрых и смелых женщин воительниц: амазонок, Афины Паллады, Жанны д'Арк. Он сам видел себя как воплощение героинь прошлого.

После смерти Людовика XV д'Эон добивается официального признания его женщиной и осенью 1775 г. подписывает о том договор с Бомарше, посланным в Англию для улаживания деликатных дел. Договор предусматривает передачу документов, хранящихся у д'Эона, в обмен на пожизненную пенсию. Мало того, как пишет «Литературная корреспонденция» в ноябре 1775 г., «несколько дней назад распространился слух, что кавалер д'Эон возвратится в эту страну; добавляют, что г-н де Бомарше женится на нем. Эта новость настолько безумна, что не может не быть правдоподобной»¹⁶. Разумеется, браком эта история не кончилась, но позднее кавалерша д'Эон в открытых письмах к Бомарше обвинила его в том, что он обольстил неопытную и невинную девицу пятидесяти лет, и послала ему вызов на дуэль.

Вернувшись на родину в женском обличии в 1777 г., д'Эон не мог уже вернуться на военную или дипломатическую службу, хотя без устали подавал прошения о том. Ему/ей оставалось только провозгласить себя защитником прав униженных и угнетенных женщин. Его/ее чины и звания, обычные для мужчины, должны стать привычными для слабого пола: «адвокат Парижского парламента, королевский цензор, драгунский капитан, полномочный посланник Франции при английском дворе»¹⁷. Женщины должны иметь право учиться в университете, защищать диссертации, быть юристами, военными, дипломатами. Их удел – не только частная жизнь, но и общественная. Биография кавалер-девицы — призыв к французкам делать жизнь с нее. Д'Эон призывал/а их на последний и

решительный бой, на священную войну за освобождение женщин от тирании мужчин¹⁸. А потому кавалер-девица при жизни попала в словари знаменитых женщин, где ей посвятили вдвое больше места, чем Эмили дю Шатле и Эмили д'Эпине вместе взятым¹⁹.

Феминизм д'Эона и его публичные выступления в печати вызвали недовольство двора, и в 1779 г. ему/ей было предписано отправиться на жительство домой в Бургундию, в г. Тоннер. Он/она ищет утешение в религии, думает уйти в монастырь, переписывается с монахиней Дюрфор (сентябрь 1778 г.), которая уверяет девицу д'Эон, что при ее отваге, твердости, стойкости, чести и достоинстве, одним словом – величии, остается сделать последний шаг, чтобы стать святой²⁰. Кавалер-девица описывает смену пола как искупление грехов, как духовный подвиг, ибо «Бог создал мужчину и женщину; мужчину, чтобы творить зло, женщину, чтобы творить благо»²¹.

В 1790-е гг., переехав обратно в Лондон, «почтенная старая дама» пишет мемуары, рукописи которых ныне хранятся в библиотеке Университета г. Лидса (Англия). Она без устали сочиняет и перерабатывает историю своей жизни, где приключения в России занимают центральное место: «Исторические и секретные записки, содержащие краткий рассказ о трех моих поездках в Россию» (до 1789), «Обширное историческое послание кавалерши д'Эон от 1785 г. к герцогине Монморанси-Бутвиль», «Вторая часть мемуаров для жизнеописания девицы д'Эон де Бомон, известной до 2 июля 1777 г. под именем кавалера д'Эона», «Бумаги необходимые для окончания труда о моей поездке в Россию в 1756 г.» (после 1798), «Раздел, посвященный благородной и доблестной княгине Дашковой, адъютанту великой и бессмертной Екатерины II, императрицы всея Руси, царицы женщин и царицы польской и литовской» (после 1797), «Приватная беседа девицы д'Эон де Бомон с графиней Воронцовой, кузиной императрицы Елизаветы, первой придворной статс-дамы. И краткий рассказ о том, что с ней происходило в России до окончательного отъезда во Францию»²².

ВОСПОМИНАНИЯ О НЕБЫВШЕМ

В записках д'Эона подлинные воспоминания соединяются с воображаемыми; при этом мемуаристка активно черпает вдохновение в книгах, вышедших после смерти Екатерины II²³. Он/она уверяет:

Я всегда хранила верность доброй моей государыне императрице Елизавете, испытывала благодарность к благородному канцлеру Воронцову и его добродетельной супруге и навсегда сохранила в сердце образ моей героини княгини Дашковой, чья отвага и ум славятся во всем мире и не нуждаются в том, чтобы слабое мое перо превозносило их...²⁴.

Д'Эон постоянное воссоздает центральное событие своей жизни – официальную перемену пола. Он/она без устали описывает свои колебания между двумя ипостасями. Кавалерша рассказывает о своих женских проблемах:

Каждый месяц, я отдаю дань природе, что ввергает меня в великий страх и пробуждает желание скорее надеть платье, чтобы жить и спать спокойно²⁵.

Я чувствовал себя как безбородый юнец, озабоченный своей внешностью, и как девица, находящаяся не в ладах со своим телом, вынужденная скрывать свои дневные и ночные страхи, тем более в ту пору, когда девичья жизнь подчинена фазам луны²⁶.

Воспоминания о событиях 1777 г., когда Роза Бертен, придворная модистка Марии-Антуанеты, по королевскому велению пошила д'Эону женские наряды, порождают аналогичные сцены, происходящие в России, но полностью вымышленные: «Еще в 1756 г., я могла бы быть объявлена женщиной, но произошло это только в 1777 г.»²⁷. В мемуарах кавалер-девица рассказывает, как она якобы долго колебалась, под каким именем жить в России, привезла два сундука с мужской и женской одеждой и в итоге выбрала мужскую.

Я предпочитаю носить камзол, который открывает двери к успеху, славе и доблести, тогда как платье закрывает передо мной все двери. Оно позволяет только плакать над рабским, униженным положением женщин, а вы знаете, что я без ума от свободы²⁸.

Воображаемые события множатся и разрабатываются в мельчайших подробностях. В 1758 г. после ссылки канцлера А. П. Бестужева-Рюмина граф М. И. Воронцов извещает кавалера, что французская гувернантка русских фрейлин вспомнила, что она вместе с ним/ней воспитывалась в монастыре бенедиктинок и полюбила за его/ее за ласковый и добрый нрав. На робкие возражения д'Эона,

что его перепутали с его сестрой, канцлер отвечает, что особые приметы совпадают: родимое пятно на левой щеке и уши проколоты²⁹. Кроме того, его супруга, графиня Анна Карловна Воронцова, и их племянница, Екатерина Романовна Воронцова, будущая княгиня Дашкова, заметили, что у кавалера борода не растет и руки и ноги не похожи на мужские. Несмотря на уверения д'Эона, что он отменный фехтовальщик, граф Воронцов настаивает:

Моя жена и племянница полагают, что капитан д'Эон может быть той самой барышней Луизой Августой, которую принц де Конти хотел прислать мне четыре года назад, чтобы она состояла при императрице чтицей и секретарем для французской переписки с Европой. <...> Ваш ум и образованность прекрасно подойдут императрице. Наденьте снова платье, удалитесь на месяц или два в монастырь для благородных девиц³⁰, который императрица основала в Петербурге, и вы получите место чтицы³¹.

Затем графиня Воронцова якобы предлагает д'Эону предстать в новом облике при дворе Елизаветы Петровны:

Я уверена, что, вновь надев платье, вы обретете покой и здоровье, кои вам так необходимы. Работа, которую вам поручит императрица, покажется забавой по сравнению с той, которой обременяет вас французский посол. <...> Императрица велела частным образом попросить у вас парижское платье, которое вам более всего к лицу, и приказать моей портнихе сшить для вас полный гардероб, необходимый для вашей будущей должности и достойный ее щедрости. Вам ли не знать, как убранства выгодно подчеркивают внешность девушки и ее достоинство³².

Д'Эон описывает судьбы четырех русских женщин: Евдокии Федоровны Лопухиной, Елизаветы Петровны, Екатерины II и княгини Дашковой, а через них – свою собственную историю, и женскую участь вообще.

МУЧЕНИЦА

Живя в Англии, д'Эон сочиняет или, точнее, компилирует тринадцать томов своих «Досугов», которые выходят в Голландии в 1774 г.³³. В эту пору он носит и женское и мужское платье, но книги выпускает от имени кавалера, бывшего дипломата. Он предстает как государственный муж, посвящающий свой вынужденный

досуг истории, праву, администрации. При этом женская тема все равно возникает, и связана она с Россией.

В шестом томе «Досугов» д'Эон печатает «Беспристрастную историю Евдокии Федоровны, первой жены Петра Великого, императора всероссийского». По всей видимости, он использовал анонимную рукопись, представленную в 1731 г. во французское Министерство иностранных дел и сохранившуюся в архиве³⁴. Но, как в новелле Борхеса «Пьер Менар, автор Дон Кихота», плагиат превратился в сугубо личные размышления о непостоянстве Фортуны и о неисповедимости путей Провидения:

Самые быстротечные возвышения и самые стремительные падения, кажется, чередуются в этой империи, как будто Провидение избрало ее, чтобы показать яснее, чем где бы то ни было, тщету людского величия, ему подвластного³⁵.

Сочинение, претендующее на звание исторического (д'Эон не отказывает себе в удовольствии отпустить шпильку в адрес Вольтера, автора «Истории Российской империи при Петре Великом»), может быть прочитано в разных жанровых традициях. В первую очередь, оно предстает как современный вариант трагедии Кальдерона «Жизнь есть сон» (1635)³⁶, переведенной на французский в 1732 г. Луи де Буасси:

Она не могла уже больше сомневаться в своем счастье, которое до того казалось ей иллюзией. Она увидала, что с ней обращаются как с матерью императора. <...> Одним словом, царица, которая из мрака монастырского забвения попала в ужасную темницу, оказалась окруженной многочисленным двором, послушным ее малейшей воле³⁷.

Во-вторых, «Беспристрастная история» напоминает чувствительный роман о превратностях добродетели, в духе столь популярного в 1770-е гг. Бакюльера д'Арно:

Монастырь, в котором была заточена Евдокия, был для нее тюрьмой столь суровой, что смерть казалась предпочтительней, чем узилище. Она находилась под постоянным надзором в темной келье и не получала иной пищи, кроме овощей, хлеба и воды. Но она еще не испила до дна чашу горечи и спустя шесть лет она узнала пушиные беды³⁸.

И увидала тогда вдова великого императора, что в своем собственном государстве принуждена она исполнять самую низкую работу, чтобы

поддерживать мало-мальскую чистоту в дыре, где она обитала, чтобы менять нательное белье и, наконец, чтобы справлять нужду³⁹.

Безжалостный рок предстает в облике мужа. Великий правитель, преобразивший Россию, ведет себя дома как жестокой деспот и тиран. Государственные интересы входят в противоречие с семейными узами. Под пером д'Эона царица Евдокия, приверженная старинным русским устоям, предстает как образец добродетели и преданности, как страдальца за веру христианскую. Тем самым ее история соотносится с агиографическим каноном. Как в житии, мученическая стезя ведет из юдоли скорби к вечному блаженству:

Так кончила она свои дни, и многочисленные события ее жизни дали ей познать истинную цену величию мира сего. Счастливица! Ибо постоянство ее позволяет надеяться, что благодаря ему царица удостоилась наслаждения совершенным и вечным блаженством⁴⁰.

Как мы видели, несколько лет спустя, после официального превращения д'Эона в женщину, мысль о религиозном призвании станет для него/нее навязчивой идеей. Он/она пишет в своих воспоминаниях о России, что преображение драгуна в девицу – чудо господне. Для истинного христианина на этом свете несть иной славы, кроме славы унижений, превратностей, страданий и крестных мук, ибо Христос выбрал именно эту стезю⁴¹.

ХВАЛА И ХУЛА: ПРАВЕДНИЦА И БЛУДНИЦА

Приехав во второй раз в Россию, кавалер Дуглас создает в депешах идеальный образ Елизаветы Петровны. Она предстает как богиня, царица волшебной страны:

О небо! Какой поразительный спектакль открывается взорам, когда Е. И. В. удостаивает двор своим присутствием, а смертных своим взглядом. Величие, которое излучает ее царственная особа, и ее блестящая свита возвещают о появлении властительницы всех сердец и ввергают умы в состояние почтительнейшего восхищения. <...> Это образ божественного совершенства, это воплощенное изящество, это истинная красота, которая ходит, действует, говорит⁴².

Донесения к Антуану-Луи Руйе, графу де Жуи, министру

иностранных дел, заранее представляются вице-канцлеру Воронцову и самой императрице:

Я прошу Ваше Превосходительство обратить внимание, что все письма, написанные мной с момента приезда сюда, посланные вам и г-ну Терсье, были просмотрены и прочитаны Его Превосходительством вице-канцлером и от него черновики перешли в собственные руки Е. И. В., которая соизволила одобрить их и велела перевести некоторые из них на русский, чтобы внимательнее изучить⁴³.

Депеши предвосхищают серию парадных портретов императрицы, нарисованных Луи Токе, специально посланным для этого из Парижа в Петербург. Шевалье д'Эон, приехавший помогать Дугласу, так описывает его представление императрице:

Она вышла к своему двору около восьми часов, и хотя на ней было бриллиантов более чем на два миллиона, меня поразили прежде всего величие и достоинство, с которыми она держалась, но ее величие несколько не умаляет ее природную доброту. <...> Мне показалось, что я не покидал Версаль. И действительно, я видел, что здесь относятся к государыне с таким же послушанием, почтением и любовью, с каким относятся к королю все французы. <...>

Все то время, что Е. И. В. удостаивало двор своим присутствием, г-н Токе сидел достаточно близко, чтобы хорошенько рассмотреть ее.

Ее красота и природная доброта (которую Тацит называл другом великих государей) тотчас покоряют сердца чужеземцев, также как сердца ее подданных. Вот какой портрет нарисовал мне г-н Токе, покинув двор⁴⁴.

Русский двор предстает как зеркальное отражение Версаля, а Елизавета Петровна – как женская ипостась Людовика XV Возлюбленного, окруженного любовью подданных; и именно так льстиво называет Дуглас императрицу в депешах 1756 г. – Елизавета Возлюбленная⁴⁵.

Вернувшись во Францию летом 1757 г., д'Эон подает в Министерство докладную записку, гораздо более критическую. Все события предстают в ином свете: любовь превращается в распутство, доброта – в слабость. Эти качества вступают в противоречие с обязанностями правителя:

Мягкость, доброта, великодушие, благородство и искренность чувств – вот черты, которые будут выделяться на всех портретах россий-

ской императрицы, которые только можно измыслить; но на них бросают тень изнеженность и сладострастие, которые, по мнению моему, прямо противоположны тем качествам, которые необходимы для того, чтобы править русским народом, – энергии и твердости⁴⁶.

В конце жизни, рисуя по памяти портрет Елизаветы Петровны, Д'Эон начинает, как прежде, с похвал, с признаний в любви:

Когда я увидал императрицу Елизавету в окружении ее двора, мягкость и блеск ее глаз, вежливость и благородство ее манер, величие ее щедрот настолько покорили мою свободу, что я был готов износить все мои платья и все одежды из ее богатого гардероба на службе государыне, властительнице всех сердец, которые не уставали восхищаться любезной Северной Семирамидой, дочерью Петра Великого, прославившего свою страну...⁴⁷

Но тотчас логика вымышленного повествования порождает драматическую интригу и завистливую соперницу – уродливую шутиху, шпионку канцлера Бестужева.

Маленькая карлица из московской Лапландии, пользовавшаяся любовью императрицы <...> от избытка простоты или смелости говорила ей: «Матушка наша, добрая и ласковая, *душенька моя голубушка*⁴⁸, что будет с нами, если вы приблизите к себе француженку, сделаете ее наперсницей во дворце Вашего Величества»⁴⁹.

Бабье царство подчиняется тем же законам, что и мужское – подданные должны обожать государя и бояться его⁵⁰. Идеальная правительница приобретает мужские черты. Д'Эон вспоминает о перевороте, устроенном Елизаветой Петровной в 1741 г., когда, надев гвардейский мундир, она арестовала регентшу Анну Леопольдовну и ее супруга, Антона Ульриха Брауншвейгского. Гравюры того времени, изображающие императрицу как воительницу, предвосхищают сходные портреты кавалер-девицы со шпагой в руках⁵¹.

Д'Эон превозносит гинекократию: «Когда надо их приручить, женщина правит ими легче, чем мужчина, но женщина эта должна быть сильна, как тигрица»⁵². Во время Французской революции авторы памфлетов, разоблачительных исторических сочинений и сатирических комедий живописуют преступления королей и королев, называют их тиграми, кровавыми хищниками, дикими зверями. В первую очередь они нападают на Марию-Антуанетту⁵³,

но не щадят и Екатерину II. Льстивое сравнение с Северной Семирамидой превращается в грозное обвинение в адрес царицы-мужеубийцы⁵⁴. Но для д'Эона, так же как для маркиза де Сада, изобразившего Екатерину II в романе «История Жюльетты, или Преуспевания порока» (1797)⁵⁵, природная сила – качество положительное и необходимое для правителя.

Д'Эон не упоминает в своих воспоминаниях о придворных маскарадах, когда женщины во главе с императрицей одевались мужчинами, а мужчины – женщинами. Екатерина II рассказывает в мемуарах, как блистала на этих балах в мужском платье Елизавета Петровна в 1744 г.⁵⁶, но в конце 1750-х гг. их, по-видимому, не было, ибо царица расплнела и в 1757 г. серьезно заболела⁵⁷.

Д'Эон говорит о мнительности императрицы, превратившей ночь в день:

Елизавета, слишком чувствительная или слишком нетерпеливая, не выносила, когда ее полностью раздевали; ее горничные только накидывали на нее платье, чтобы легче было снять, когда ей придет охота лечь. Поскольку она совершила ночью переворот, приведший ее на престол, то она обыкновенно ложилась спать только утром, устав от развлечений, скуки и страха⁵⁸.

Если в текстах 1750-х гг. образ Елизаветы Петровны идеализируется, в воспоминаниях 1790-х гг. ее правление предстает как отрицательный пример.

Придворные, знавшие ее слабости, льстили ей без зазрения совести, а народ, который мог видеть только издали беспорядки, царящие при дворе, казалось, боялся смотреть на императорский дворец. Он почитал в Елизавете дочь Петра Великого, не беспокоясь о ее недостатках. Русский создан для послушания и служения, а не французского умствования или английского философствования⁵⁹.

В отличие от д'Эона, для царицы обет безбрачия не был обетом целомудрия:

Слишком часто позволяла она им (министрам и фаворитам. – А. С.) руководить собой. У нее хватило мужества и постоянства, чтобы сдержать обет отказаться от брачных уз, обет, публично хранимый под покровительством Афины Паллады, богини независимости; но сердечные слабости усугублялись слабостями, проистекающими от религиозных суеверий⁶⁰.

Напротив, бравая кавалер-девица, также посвятившая себя Палладе, предпочитает походить на Орлеанскую деву и считает себя истинной христианкой. Православная набожность, в том числе поклонение иконам, под пером католика, как водится⁶¹, предстает как ханжество:

Она мгновенно переходила от сладострастия к набожности; часами стояла на коленях или простиралась на полу перед намалеванными изображениями добродетелей и чудес какого-нибудь святого, Николая Угодника или Святого Александра Невского, двух несравненных русских святых. Она говорила с ними, спрашивала совета, как у оракулов. Лишь тот, кто плохо знает человеческое сердце, не ведает, что зачастую в нем соединяются чувства и вкусы противоположные или даже противоборствующие, чистое с нечистым⁶².

Следуя этой логике, именно в суеверии видит д'Эон причину странного, на его взгляд, поведения Елизаветы Петровны, не желающей подписывать важные дипломатические документы:

Когда добродетельный граф Воронцов стал канцлером, здоровье императрицы незаметно ухудшалось. Необходимость в отдыхе, соединенная с природной ленью, зачастую вынуждала ее пренебрегать самыми срочными и важными делами. С великим трудом новый канцлер мог вырвать у нее подпись. Я своими глазами видел, как граф Николай Эстерхази, посол императрицы и королевы (Марии-Терезии. — А. С.), и маркиз де л'Опиталь, посол Франции в Петербурге, ждали сорок дней и сорок ночей, пока не добились подписи императрицы Елизаветы под согласованным договором между тремя союзными дворами.

А все почему? Только потому, что оса села на ее перо в момент подписания договора. Императрица приняла эту большую муху за зловещего ворона римлян. Когда ум великой государыни затмевается подобным суеверием, она способна принять театральный раек за рай небесный⁶³.

Думается, что причина промедления могла крыться в ином. Карантин, выдержанный императрицей, был необходим для окончательного утверждения договора, изменившего европейскую политику (заключен 31 декабря 1756 / 11 января 1757). Ситуация еще более осложнилась после ссылки канцлера Бестужева, поскольку тяжело больная царица⁶⁴, справедливо полагая, что все ждут ее смерти, мало кого допускала к себе на прием. По свидетельству придворного ювелира Жереми Позье, канцлер Воронцов и австрий-

ский посол граф Эстергази обращались к его посредничеству, чтобы передать ей бумаги на подпись или добиться аудиенции.

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И ЕКАТЕРИНА МАЛАЯ

Образ великой княгини Екатерины Алексеевны, которую д'Эон лично знал, сильно отличается от образа императрицы Екатерины II, созданного впоследствии. В 1757 г. она предстает как прекрасная, но увлекающаяся особа, через меру начитавшаяся романов, подобно героиням романов «Увязшая карета» Мариво (1714) и «Дон Кихот в юбке» (1752) английской писательницы Шарлотты Леннокс.

Природное изящество, величественная поступь, благородство и красота великой княгини соединяются с недюжинным умом. <...> Она развила его благодаря чтению, главной ее услате и поныне. <...> Но эти превосходные качества несколько омрачаются романическими порывами, от коих ее могла бы уберечь большая разборчивость в выборе книг. Мне она кажется отважной и, думаю, достаточно сильной женщиной, чтобы предпринять решительные действия, не опасаясь последствий⁶⁵.

Тем самым д'Эон дает понять министру, что, руководя чтением великой княгини Екатерины Алексеевны, он мог бы привести ее на вершину власти.

После того как летом 1762 г. вся Европа узнала о том, что Екатерина II и ее подруга Екатерина Дашкова, облачившись в офицерские мундиры, совершили государственный переворот, д'Эон вошел в роль наставника героических русских женщин, пророка, предсказавшего их будущее. При этом с момента воцарения императрицы он говорил о ней только в превосходной степени, а увлечение романами приписывал Дашковой. Повествуя о соперничестве двух Екатерин, д'Эон твердо занял сторону старшей.

В 1764 г. он издал в Лондоне «Письма, мемуары и частные переговоры кавалера д'Эона», где опубликовал отрывок из письма маркиза де Лопиталья к нему от 13 августа 1762 г. Оригинал, сохранившийся в библиотеке г. Тоннера, позволяет увидеть все те изменения, которые д'Эон внес в чужое письмо (дополнения выделены курсивом, вычеркнутые фразы даются в сносках):

Так значит Забияка (Петр III.— А. С.) скончался? Славный след оставит он в истории. Теперь посмотрим, какой будет роль новой Екатерины. *Она обладает смелостью и всеми качествами, необходимыми, чтобы стать великой императрицей, и я с удовольствием вспоминаю, как вы всегда об этом говорили. Ее твердость в определенных ситуациях всегда была вам по душе. Вы также, надо признать, тактично возвращали добродетели княгини Дашковой; правду сказать, вы знали и развивали ее с ранней юности, и вместе с шевалье Дугласом вы насыщали ее ум романами; но кто бы предположил, дорогой д'Эон, что она будет героиней этой великой и славной революции?*⁶⁶ Барон де Бретей поспешил вернуться с полдороги⁶⁷. Второй том для него будет приятней первого, он лучше знает обстановку, но что будет теперь с вами, мой *дорогой* маленький драгун? Честно говоря, я бы предпочел, чтобы вы поехали в другое место. Вы знаете, считается, что повторные путешествия в Россию опасны⁶⁸, а поскольку вы уже побывали там дважды или трижды⁶⁹, вы должны быть особенно осторожны, и т. д.⁷⁰

Нет ничего невозможного в том, что д'Эон и Дуглас приносили книги юной Екатерине Воронцовой, говорившей по-французски лучше, чем по-русски. Но в воспоминаниях она упоминает не романы, а философские и ученые сочинения: в 15–16 лет она читала Буало, Бейля, Монтескье, Вольтера, Гельвеция, «Энциклопедию» Дидро⁷¹. Ей заказывал из Франции книги И. И. Шувалов, и когда она в 1759 г. вышла замуж за князя Дашкова, ее библиотека составляла 900 томов. В доме своего дяди, канцлера Воронцова, она беседовала со многими иностранными дипломатами⁷² и могла познакомиться с д'Эоном. В письме к брату, Александру Воронцову, она упоминает Дугласа с уважением и симпатией⁷³, но имя д'Эона не появляется ни в ее опубликованной переписке, ни в мемуарах⁷⁴. Д'Эон распускал слухи, что княгиня Дашкова, приехавшая в Англию в 1770 г., распознала в нем женщину⁷⁵, но никаких подтверждений тому, разумеется, нет.

В главе воспоминаний, озаглавленной «Раздел, посвященный благородной и доблестной княгине Дашковой, адъютанту великой и бессмертной Екатерины II, императрицы всея Руси, царицы женщин и царицы польской и литовской», д'Эон уверяет, что «чтение истории греков и римлян и романов могло воспламенить ее гений, который скрывал огонь души под северным снегом и льдом»⁷⁶. Затем автор цитирует собственную фальшивку, а потом поправляет самого себя:

Маркиз де л'Опиталь, наш посол в Петербурге, написал мне в письмах, напечатанных в 1764 г., что мы с кавалером Дугласом с ранней юности насыщали романами ум княгини Дашковой и т. д. и т. п.

Но любезный маркиз де л'Опиталь напрасно приписывает мне эту заслугу: за всю свою жизнь я прочел один роман о Телемаке, сочиненный великим Фенелоном для воспитания дофина⁷⁷.

Разумеется, в библиотеке самого д'Эона, страстного книголюба, романов было хоть отбавляй, в том числе о женщинах, которые передевались в мужское платье и отправлялись на войну⁷⁸. Но он/она ведет себя как истинный последователь Жан-Жака Руссо, заявившего в предисловии к «Новой Элоизе», что честная девушка романов не читает. Кавалерша предпочитает изобразить свою судьбу и жизнь своей героини в иных жанрах: античной истории (Плутарх), романа воспитания на античную тему (Фенелон) и, самое главное, – трагедии. «Она (Дашкова. – А. С.) выказала великую отвагу, гордость и душевное благородство; но две героини не могут вместе блистать в одной трагедии даже в самые героические времена»⁷⁹.

В 1770 г., в разгар русско-турецкой войны, желая продать свою библиотеку Екатерине II, д'Эон пишет длинное письмо своему другу, петербургскому коммерсанту Фулону. Подобно Вольтеру, он призывает императрицу возглавить крестовый поход за освобождение женщин Востока и водрузить христианский стяг над Константинополем⁸⁰.

Нельзя не признать, что деяния вашей любезной императрицы столь велики по замыслу и последствиям, что вся Европа находится в удивлении и ожидании.

Если бы мертвые могли прозреть, Петр Великий не раскаялся бы в том, что оставил скипетр своей империи наравне мужским и женским рукам. Увидев, как 50 лет спустя рати Екатерины заполняют Средиземноморье военными кораблями, он был бы восхищен и удивлен. <...> Четыре женщины, взшедшие после него на русский престол, продолжили его великие начинания.

Я надеюсь прочесть в моем уединении, что Екатерина смогла за два года совершить то, что Людовик Святой и Святой Бернар, все христианские государи и крестоносцы вместе взятые, не смогли сделать за три крестовых похода и три столетия. Как истинный христианин, я желаю, чтобы Магомет, самый глупый, хотя и самый удачливый из всех пророков, был посрамлен женщиной, чтобы двери всех азиатских сералей,

запертые из-за бесчеловечного варварства обабившихся мужчин, были открыты победоносными дланями Екатерины, чтобы все мусульмане, изгнанные из Европы и Азии, отправились вместе со своими муллами на вечное паломничество в Мекку, чтобы Святая земля оказалась в руках у русских и чтобы их знаменитая императрица навсегда воздвигла над Константинополем знамя Креста, где оно было впервые поднято императрицей Еленой. Хотя петербургский двор, исполняя свои великие замыслы, меньше думает об уничтожении закона Магомета, чем о защите, отмщении и увеличении своей империи, Господь, который обычно использует людские страсти для исполнения своей воли, благословит все начинания императрицы, если среди своих обширных политических замыслов она также займется восстановлением веры христовой в стране, где она родилась и где так долго пребывала в забвении. Я с удовольствием бы принял участие в походах против неверных собак, чтобы с радостью увидеть, как русские бьют и гонят их из прекраснейшей земли, которая только существует на свете. Провидение благоволит к русскому оружию, и я надеюсь узреть, как через год или два Санкт-Петербург и Москва станут провинциями или греческими колониями, а истинная столица Российской империи будет перенесена в Константинополь. Все великие европейские политики будут тогда не только поражены, но и посрамлены⁸¹.

Екатерина II идеально воплощает образ мудрой воительницы, которая побеждает силой оружия и силой закона и на которую хочет походить кавалер-девица. В 1774 г. д'Эон прославляет законодательницу, поместив изложение ее «Наказа» Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения в статье «Исследования о различных изменениях, произошедших в русских законах до сегодняшнего дня»⁸². В 1779 г. он/она использует изображение Екатерины II в доспехах Минервы для изготовления собственного гравированного портрета, помещенного в биографию, подписанную Лафортелем.

Он подводит итог в конце жизни: Екатерина II воплощает идеал женщины и правительницы.

Ее гений, твердость, смелость и отвага были увенчаны великими успехами. Она подчинила судьбы Европы интересам своей империи. Она разбила оковы своего положения и своего пола. Ее имя долго будет почитаться в умах и сердцах ее подданных⁸³.

Пытаясь состязаться с ней, Екатерина Дашкова проиграла по всем статьям:

Если бы она была адъютантом у императора, а не у императрицы, она была бы великим человеком. <...> Княгиня Дашкова, вотще желая военной славы, сама подготовила свою опалу. Она должна была удовлетворяться тем, что в искусстве интриг затмила всех придворных Российской империи⁸⁴.

Не дипломатические успехи и боевые заслуги прославили кавалер-девицу, а последовательное и упорное жизнестроительство, перешедшее в мифоманию. Д'Эон считал себя новой Жанной д'Арк, чья миссия освободить женщин. Он видел в себе высшее существо, соединяющее достоинства обоих полов, и вел себя соответственно: фехтовал в юбке, носил на платье орден Святого Людовика. Во всех своих сочинениях, полемических и автобиографических, он подчеркивал в первую очередь свою раздвоенность. Превознося русских женщин, он описал те качества, которые соответствовали его идеальному образу: неколебимая вера, не боящаяся страданий, ум, отвага, решительность. Однако, порицая тех, кто не добился успеха, он раскрыл истинную причину своего поведения – манию преследования и мнительность, усугубленные читательской лихорадкой, и, как следствие, бегство в литературный мир от подлинных и мнимых страхов. Дон Кихот в юбке – это он, д'Эон.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы касались этого вопроса в статье: *Stroev A. La garde-robe russe de la chevalière d'Éon // Comment le chevalier d'Éon «s'habille» en femme. Tonnerre, 2007. P. 18–36.*

² Эти легенды, распространившиеся в изданиях XVIII в., по-прежнему возникают на страницах книг, посвященных д'Эону.

³ Без года (Bibliothèque municipale de Tonnerre. Ms. d'Éon. D185).

⁴ *Decker M. de. Le Chevalier d'Éon. Paris, 1998. P. 46.*

⁵ СИРИО. Т. 23. С. 86.

⁶ *État abrégé des services militaires et politiques de Mlle <...> d'Éon de Beaumont, connue jusqu'à ce jour sous le nom du Chevalier d'Éon [...] ci-devant docteur en droit civil et en droit canon, avocat au Parlement de Paris, censeur royal pour l'histoire et belles-lettres, envoyé en Russie d'abord secrètement puis publiquement (1775) (AAÉ. CP. Sous-série Angleterre. Suppl. T. 16).*

⁷ Extrait des pièces justificatives. Copie du billet en chiffres de M. Tercier à d'Éon. Paris, le 10 janvier 1764 (Ibid. Fol. 115r). Здесь и далее перевод мой. – А. С.

⁸ *Gaillardet F.* Mémoires du chevalier d'Éon publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille et d'après les matériaux authentiques déposés aux archives des Affaires étrangères. Paris, 1836. 2 vol.

⁹ *Coquelle P.* Le chevalier d'Éon, ministre plénipotentiaire de France à Londres (avril – octobre 1763) d'après les documents inédits des AMME // Extrait du Bulletin historique et philologique. Paris, 1909. 32 p.

¹⁰ Генрих Мейстер в «Литературной корреспонденции» приводит другой вариант этого письма: «Меня вынудили обещать вознаграждение в шестьдесят тысяч франков, дабы вас похитили в Лондоне, но я принял меры для того, чтобы вы получили настоящее письмо за три дня до отправления указа. Итак, будьте осторожны» (Correspondance littéraire. 1777, octobre / Ed. M. Tourneux. Paris, 1877–1882. Т. 12. P. 6–7).

¹¹ Mémoires de Madame Campan, première femme de chambre de Marie-Antoinette / Ed. J. Chalon, C. de Angulo. Paris, 1988. P. 162.

¹² *Decker M. de.* Op. cit. P. 135–136.

¹³ *Ellis H.* L'éonisme ou l'inversion esthétique-sexuelle / Trad. de l'anglais par A. Van Gennep. Paris, 1933.

¹⁴ *Moreels E.* Le Chevalier d'Eon: L'histoire du plus étrange espion de tous les temps. Alleur, Marabout, 1996; *Steinberg S.* La Confusion des sexes. Le travestissement de la Renaissance à la Révolution. Paris, 2001.

¹⁵ *Kates G.* Monsieur d'Eon is a woman. A tale of political intrigue and sexual masquerade. Baltimore; London, 2001.

¹⁶ Correspondance littéraire. Т. 11. P. 162.

¹⁷ Подпись под гравированным портретом д'Эона. См. подзаголовок его биографии, напечатанной Лафортелем: La vie militaire, politique et privée de Mademoiselle Charles Geneviève Louise Auguste Andrée Timothée d'Éon de Beaumont, écuyer, chevalier d'ordre royal & militaire de Saint-Louis, ancien capitaine de dragons et de volontaires à l'armée, aide de camp de maréchal et comte de Broglie; ci-devant docteur en droit civil et en droit canon, avocat au parlement de Paris, censeur royal pour l'Histoire et les belles-lettres, envoyé en Russie d'abord secrètement, puis publiquement avec le chevalier Douglas, pour la réunion de cette Cour avec celle de Versailles, secrétaire d'ambassade du marquis de l'Hospital [...], secrétaire d'ambassade du duc de Nivernois [...] en Angleterre pour la conclusion de la paix, ministre résident près de cette Cour après le départ du duc de Nivernais ; enfin ministre plénipotentiaire de France à la même Cour, et connu jusqu'en 1777, sous le nom de chevalier d'Éon / Par M. de La Fortelle. Paris, 1779.

¹⁸ Steinberg S. La Confusion des sexes. P. 240–245.

¹⁹ Riballier Cosson de La Cressonnière Ch.-C. De l'éducation physique et morale des femmes, avec une notice alphabétique de celles qui se sont distinguées dans les différentes carrières des sciences et des beaux-arts, ou par des talents et des actions mémorables. Bruxelles; Paris, 1779 ; Briquet M.-U.-F.-B. Dictionnaire historique, littéraire et bibliographique des femmes françaises et des étrangères naturalisées en France... Paris, 1804.

²⁰ Homberg O, Jousselin F. Le chevalier d'Eon (1728–1810). Paris, 1904. P. 250.

²¹ Moreels E. Le Chevalier d'Eon. P. 197.

²² ULBC. Mémoire historique et secret contenant le récit abrégé de mes trois voyages en Russie (après 1789); Grande épître historique de la chevalière d'Eon en 1785, à Madame la Duchesse de Montmorency-Bouteville; Seconde partie des mémoires pour servir à la vie de Mlle d'Eon de Beaumont connue jusqu'au 2 juillet 1777 sous le nom du chevalier d'Eon; Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756 (après 1798); Article sur le chapitre de noble et brave princesse D'Askoff premier aide de camp de la grande et de l'immortelle Catherine II, impératrice de toutes les Russies, reine des femmes et roi de la Pologne et de la Lituanie (après 1797); Petite conférence de Mlle d'Eon avec Madame la comtesse de Woronzoff, cousine de l'Impératrice Elisabeth première dame d'honneur de son Palais. Et bref rapport de ce qui s'est passé à son égard en Russie jusqu'à son dernier départ pour la France. Часть текстов опубликована в переводе на английский язык: *Eon de Beaumont Ch. d'. The Maiden of Tonnerre, The Vicissitudes of the Chevalier and the Chevalière d'Eon* / Eds. R. A. Champagne, N. Ekstein, G. Kate. Baltimor; London, 2001.

²³ Д'Эон цитирует «Историю или Анекдоты российской революции 1762 года» Клода-Карломана де Рюльера (1797) и «Жизнь Екатерины II, императрицы всероссийской» Жана-Шарля Кастера (1797; отсылка к изданию 1798 г.).

²⁴ Petite conférence de Mlle d'Eon avec Madame la comtesse de Woronzoff, cousine de l'impératrice Elisabeth première dame d'honneur de son Palais. Et bref rapport de ce qui s'est passé à son égard en Russie jusqu'à son dernier départ pour la France (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 170–171).

²⁵ Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756 (Ibid. Fol. 48).

²⁶ Ibid. Fol. 84.

²⁷ Ibid. Fol. 87.

²⁸ Petite conférence de Mlle d'Eon avec Madame la comtesse de Woronzoff (ULBC. Carton 1. Dossier 6. Fol. 66).

²⁹ Grande épître historique de la chevalière d'Eon en 1785, à Madame la Duchesse de Montmorency-Bouteville. Ch. II. Suite des principaux accidents de ma vie. Ma conférence particulière à Czarkocelo avec Son Excellence le comte de Woronzow lieutenant général des armées de l'impératrice de Russie Elisabeth et son grand chancelier du Département des affaires intérieures et extérieures de ce vaste Empire (Ibid. Fol. 2r).

³⁰ Напомним, что Смольный институт (Императорское воспитательное общество благородных девиц) был основан через 6 лет после описываемых д'Эоном событий – в 1764 г.

³¹ ULBC. Carton 1. Dossier 6. Fol. 5–6.

³² Petite conférence de Mlle d'Eon avec Madame la comtesse de Woronzoff (Ibid. Carton 2. Dossier 6. Fol. 159).

³³ Les Loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont, ancien ministre plénipotentiaire de France, sur divers sujets importants d'administration, etc. pendant son séjour en Angleterre. Amsterdam, 1774. 13 vol.

³⁴ ААЭ. MD. Sous-série Russie. Т. 1. Fol. 129–140; Строев А. Ф. “Те, кто поправляет фортуны”: Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 73, 238.

³⁵ Les Loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont. Т. 6. Р. 1.

³⁶ Напомним, что трагедия Кальдерона создана отчасти под влиянием истории Лжедмитрия.

³⁷ Les Loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont. Р. 43.

³⁸ Ibid. Р. 36–37.

³⁹ Ibid. Р. 39.

⁴⁰ Ibid. Р. 51.

⁴¹ Petite conférence de Mlle d'Eon avec Madame la comtesse de Woronzoff (ULBC. Carton 1. Dossier 6. Fol. 165).

⁴² Письмо Дугласа А.-Л. Руйе от 8 мая н. ст. 1756 г., Санкт-Петербург (BNF. Mss. NAFr 22009. Fol. 95–96).

⁴³ Письмо Дугласа А.-Л. Руйе от 29 июня н. ст. 1756 г., Царское Село (Ibid. Fol. 190r).

⁴⁴ Письмо д'Эон А.-Л. Руйе от 13/24 августа 1756 г., Санкт-Петербург (Ibid. Mss. NAFr 23975. Fol. 66–68; ААЭ. CP. Sous-série Russie suppl. Т. 8. Fol. 363–368).

⁴⁵ ААЭ. CP. Sous-série Russie suppl. Т. 8. Fol. 292–298.

⁴⁶ De la Russie (Ibid. Т. 5. Fol. 147–148). Опубликовано: En Russie au temps d'Élisabeth : Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / Ed. F.-D. Liechtenhan. Paris, 2006. Р. 128. Ф.-Д. Лиштенан сохраняет указанную в архиве дату, 1759 г.; я полагаю, что текст, вероятнее всего, был написан во время пребывания д'Эона во Франции в июле – сентябре 1757 г.

и, безусловно, до падения канцлера Бестужева, до 27 февраля (10 марта) 1758 г.

⁴⁷ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 87).

⁴⁸ Выделенный курсивом текст в оригинале дан по-русски, в латинской транскрипции.

⁴⁹ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 60).

⁵⁰ См.: *Строев А. Ф.* Страх перед женщиной во французской и русской культуре XVIII века // Пинакотекa. 2002 (13–14). С. 112–119 (<http://www.fund-intent.ru/science/fils014.shtml>).

⁵¹ О соединении мужского и женского начала в изображениях Елизаветы Петровны и Екатерины II см.: *Medvedkova O.* Royauté et féminité : l'invention de l'image de l'impératrice en Russie au XVIIIe siècle // *Modernités russes*. 2002. N° 4. P. 21–36; *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II, М., 2006.

⁵² *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 140).

⁵³ *Thomas Ch.* La Reine scélérate : Marie-Antoinette dans les pamphlets. Paris, 1989.

⁵⁴ Комедия Сильвена Марешаля «Страшный суд над королями. Пророчество» (1793). До 1797 г. это скорее исключение, поскольку при жизни Екатерины II французская цензура запрещала публикацию посвященных ей книг. См.: *Somov V. A.* Le livre de Castéra d'Artigues sur Catherine II et sa fortune // *Catherine II & l'Europe* / Ed. A. Davidenkoff. Paris, 1997. P. 211–223.

⁵⁵ См. *Строев А. Ф.* Либертинаж как способ управления государством: Екатерина II глазами маркиза де Сада // *Russian Literature*. 2011. Février – avril. T. 69. N°2–4. P. 195–208.

⁵⁶ Сочинения императрицы Екатерины II / С объяснит. прим. А. Н. Пыпина. СПб, 1907. Т. 12. С. 55, 296–297.

⁵⁷ Эвелина Левер предполагает, что в Петербурге д'Эон был свидетелем подобных маскарадов, но ничем не подтверждает свою гипотезу, см. *Lever É.* Le chevalier d'Éon: une vie sans queue ni tête. Paris, 2009.

⁵⁸ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 80–81). Ювелир Жереми Позье пишет в мемуарах, что императрица баловала гвардейцев, боясь, что они ее свергнут, и всегда настолько тревожилась, что никогда не ложилась раньше шести утра и спала до двух часов дня (*Mémoire Abrégé de la Vie de Jérémie Pauzié*. Bibliothèque publique et universitaire de Genève. Ms.; русск.

пер.: Записки придворного брильянтика Позье // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 128–151).

⁵⁹ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 81).

⁶⁰ *Ibid.* Fol. 80.

⁶¹ *Liechtenhan F.-D.* Les trois christianismes et la Russie. Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe. XVe – XVIIIe siècle. Paris, 2002.

⁶² *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756* (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 80).

⁶³ *Ibid.* Fol. 81–82.

⁶⁴ О болезнях императрицы см.: *Liechtenhan F.-D.* Élisabeth Ire de Russie. Paris, 2007. P. 402–414.

⁶⁵ De la Russie (AAÉ. MD. Sous-série Russie. Vol. 5. Fol. 149r; En Russie au temps d'Élisabeth... P. 131).

⁶⁶ В оригинале: «Могли бы вы предположить, дорогой д'Эон, что княгиня Дашкова будет героиней этого романа» (Bibliothèque municipale de Tonnerre. Ms. d'Eon. E88).

⁶⁷ В оригинале: «в соответствии с инструкциями».

⁶⁸ Намек на дипломатический провал маркиза де ла Шетарди в 1744 г.

⁶⁹ Д'Эон приписывает послу намек на тайное путешествие в Россию в 1755 г.

⁷⁰ *Lettres, mémoires et négociations particulières du chevalier d'Eon*, ministre plénipotentiaire de France auprès du Roi de la Grande-Bretagne; avec MM. les ducs de Praslin, de Nivernois, de Sainte-Foy, et Regnier de Guerchy, ambassadeur extraordinaire, etc. La Haye; Francfort; Londres, 1764. Part. 3. P. 41–42.

⁷¹ *Dachkova E.* Mon Histoire / Ed. F. Ley, A. Woronzoff-Dashkoff, C. Le Gouis, C. Woronzoff-Dashkoff. Paris, 1999. P. 15.

⁷² *Ibid.* P. 17.

⁷³ Письмо от 20/31 июля 1758 г. (Архив князя Воронцова. Т. 5. С. 157).

⁷⁴ В хранящихся в архиве Министерства иностранных дел рукописях «Sur le chevalier d'Eon» и «Renseignement sur le sexe du chevalier d'Eon», написанных вскоре после смерти д'Эона, утверждается, что он, живя в России в облинии девицы, 6 месяцев спал в одной комнате с фрейлиной Екатериной Воронцовой, но сохранил невинность, «ибо у него не было иной страсти, кроме любви к королю и к родине». Все последующие годы княгиня Дашкова якобы считала его женщиной (AAÉ. CP. Angleterre suppl. Т. 17. Fol. 368, 374). Нет необходимости комментировать эти рассказы, попавшие затем в книгу Ф. Гаярде.

⁷⁵ Симон-Никола Ленге пишет в статье «Спор о поле кавалера д'Эона, рассмотренный в лондонском королевском суде 1 июля 1777 г.»: «Тайна его пола была раскрыта в Лондоне в феврале 1771 г. благодаря разным происшествиям и, в частности, благодаря заявлениям княгини Дашковой и других дам, достойных доверия, как в Англии, так во Франции и в России» (*Linguet S.N. Gageure sur le sexe du Chevalier d'Éon, jugée à Londres, dans la cour de Banc du Roi, le 1er juillet 1777 // Annales politiques, civiles, et littéraires du dix-huitième siècle. T. 1. N°7 (1777). P. 395.*

⁷⁶ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756 (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 147).*

⁷⁷ *Ibid. Fol. 148.*

⁷⁸ *Строев А. Ф. “Те, кто поправляет фортуны”... С. 110–115.*

⁷⁹ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756 (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 147).*

⁸⁰ См.: *Stroev A. Deux Amazones des Lumières : le chevalier d'Éon et Catherine II de Russie // Réalité et représentations des Amazones / Ed. G. Leduc. Paris, 2008. P. 381–398 ; Stroev A. The Myth of the Amazons in the Eighteenth Century and the Legend of the Chevalier d'Eon // Chevalier d'Eon and his Worlds: Gender, Espionage and Politics in the Eighteenth Century / Eds. S. Burrows, J. Conlin, R. Goulbourne, V. Mainz. Londres; New York, 2010. P. 161–175.*

⁸¹ ААЭ. MD. Sous-série France. T. 2187. Fol. 64–65 (25 апреля 1770 г., Лондон. Черновой отпуск). Отрывок цитируется в: *En Russie au temps d'Élisabeth. P. 29–30.*

⁸² *Recherches sur les divers changements arrivés dans les lois russes jusqu'à ce jour // Les Loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont. T. 5. P. 67–78.*

⁸³ *Papiers nécessaires pour finir le travail de mon arrivée en Russie en 1756 (ULBC. Carton 2. Dossier 6. Fol. 106).*

⁸⁴ *Article sur le chapitre de noble et brave princesse D'Askoff (Ibid. Fol. 148).*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	– Архив внешней политики Российской империи
ПСЗ–1	– Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
СИРИО	– Сборник Императорского русского исторического общества
ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей русских
ААÉ	– Archives des Affaires étrangères, Paris
BNF	– Bibliothèque nationale de France
CP	– Correspondance politique
GStA	– Geheimes Staatsarchiv preussischer Kulturbesitz, Berlin
MD	– Mémoires et documents
ULBC	– University of Leeds. Brotherton Collection

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акельев Евгений Владимирович – кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский государственный архив древних актов, г. Москва

Курукин Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва

Лиштенан Франсин-Доминик – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Национального центра научных исследований (Центра им. Ролана Мунье) Университета Париж-Сорбонна, профессор университета Париж-Сорбонна и Парижского католического института, Франция

Нивьер Антуан – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы, директор Центра исследований по культурологии стран Центральной и Восточной Европы Университета Лотарингии, гг. Нанси и Мец, Франция

Строев Александр Федорович – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного литературоведения Университета Новая Сорбонна – Париж-3, Франция

Штелнер Франтишек – доктор философии, вице-декан, заведующий кафедрой истории экономики факультета экономики и общественного управления Университета экономики, г. Прага, Чехия

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. В. Акельев.</i> Французы под судом в России 40-х гг. XVIII века: дело о дуэлянте Жане Бенаре	5
<i>И. В. Курукин.</i> Цена побед: Семилетняя война и финансы России	28
<i>Ф.-Д. Лиштенан.</i> Елизавета Петровна: портрет женщины у власти	48
<i>А. Нивьер.</i> Иван Шувалов: поборник французской культуры и инициатор заключения русско-французского союза	66
<i>Ф. Штеллнер.</i> Династическая политика в начале правления Елизаветы Петровны	90
<i>А. Ф. Строев.</i> Русские царицы глазами кавалер-девицы	106
Список сокращений	130
Сведения об авторах	131

Научное издание

Россия в XVIII столетии. Выпуск IV.

Ответственный редактор – *Е. Е. Рычаловский*
Соредакторы – *А. Г. Евстратов, Ф.-Д. Лиштенан*

Оформление и макет – *С. С. Ермолаев*

Издательство «Древлехранилище». Лицензия № 00226 от 11.10.1999. Тел./
факс: +7 (499) 245-30-98. Формат 60×90/16. Гарнитура «Times». Бумага
офсетная. Печать офсетная. 8,25 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К».
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71;
тел./факс: +7 (4872) 49-76-96